

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2023. № 2

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2587-6503 (Print)

2023. № 2

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2023. No. 2

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Голенкова З. Т., д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдииков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.*, Dr. Sc. (Philosophy);
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Komandzhaev A. N.*, Dr. Sc. (History);
Krinko E. F., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2023

© Composite authors, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение, Историография

- Лидов А. А.** Коллекция месопотамских древностей в Йенском университете им. Фридриха Шиллера: история и характеристика собрания 8
- Мирзаева С. В.** Об этике буддиста-мирянина (на материале ойратского перевода «Сутры о плоде») 27

Фольклористика

- Горяева Б. Б.** Мотив превращения героя в калмыцких сказках на сюжетный тип АТУ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)». 53
- Петрова С. И., Павлова Н. В.** Авторские сказки Н. А. Алексеева: традиция, специфика 67

Литературоведение

- Иванова И. Н.** Мифопоэтика и фольклор в романе Э. Веркина «снарк снарк» в контексте новейшей отечественной литературы 83
- Швецова Т. В.** «Кризис поступка» героя в повести А. Д. Галахова «Старое зеркало» 97
- Путило А. О., Путило О. О.** Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр» 112

Социология

- Гриценко Г. Д.** Северный Кавказ: взгляд социолога на региональные процессы (к 90-летию А. В. Дмитриева) 127
- Бадмаева Н. В.** Состояние преступности в Республике Калмыкия . . 140

CONTENT

SOURCES STUDIES

- Lidov A. A.** The Mesopotamian Antiquities Collection at the Friedrich Schiller University of Jena: its History and Characteristics 8
- Mirzaeva S. V.** On the Issue of Buddhist Laymen's Moral Precepts (based on the Oirat translation of the "Cause and Effect Sūtra") 27

FOLKLORE STUDIES

- Goryaeva B. B.** The Motif of the Hero's Transformation in the Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400 «The Man on a Quest for His Lost Wife» 53
- Petrova S. I., Pavlova N. V.** Author's Fairy Tales by N. A. Alekseev: Tradition, Specificity 67

LITERATURE STUDIES

- Ivanova I. N.** Mythopoetics and Folklore in E. Verkin's Novel "snark snark" in the Context of Contemporary Russian Literature 83
- Shevtsova T. V.** The Hero's «Deed Crisis» in the Story «The Old Mirror» by A. D. Galakhov 97
- Putilo A. O., Putilo O. O.** The Category of Visible / Invisible in the Cycle of Dmitry Emets "SHNyr" 112

SOCIOLOGY

- Gritsenko G. D.** The North Caucasus: a Sociologist's View of Regional Processes (to the 90th Anniversary of A. V. Dmitriev) 127
- Badmaeva N. V.** State of Crime in the Republic of Kalmykia 140

Коллекция месопотамских древностей в Йенском университете им. Фридриха Шиллера: история и характеристика собрания

*Андрей Алексеевич Лидов*¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0001-7281-4765. E-mail: lidov.ivran[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Лидов А. А., 2023

Аннотация. «Коллекция фрау профессора Хильпрехт», хранящаяся в Институте языков и культур Ближнего Востока университета имени Фридриха Шиллера в Йене, является крупнейшим собранием вавилонских древностей на территории Германии, соперничая по своей культурной и исторической значимости с собраниями Музея Древнего Ближнего Востока в Берлине, Пенсильванского университетского музея в Филадельфии, Йельской вавилонской коллекции в Нью-Хейвене, Археологического музея в Стамбуле, Британского музея в Лондоне, Музея Эшмола в Оксфорде и рядом других тематических музейных собраний. Выделяясь на их фоне за счет качества предметов, в основном обнаруженных при раскопках Ниппура и датируемых, начиная от шумерского и староаккадского периода (IV–III тыс. до н. э.) вплоть до раннего исламского времени, Йенская коллекция играет важнейшую роль в изучении культуры, истории, науки и литературы народов древней Месопотамии. Целью данной статьи является аналитический обзор этого собрания с выделением наиболее значимых и интересных артефактов, а также рассмотрением истории возникновения, перемещения и изучения данной коллекции. Особое внимание уделяется литературным клинописным табличкам, часть которых уникальна и не встречается более ни в одном из месопотамских собраний, а также единственной в своем роде карте Ниппура, датируемой серединой II тыс. до н.э. и считающейся самой древней картой города в мире. Затрагивается также важнейшая тема публикации и перевода текстов табличек и поэтапной оцифровки всех предметов коллекции.

Ключевые слова: Месопотамия, Йенский университет, Герман Хильпрехт, коллекция, клинописные таблички, карты

Для цитирования: Лидов А. А. Коллекция месопотамских древностей в Йенском университете им. Фридриха Шиллера: история и характеристика собрания // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 8–26. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-8-26

The Mesopotamian Antiquities Collection at the Friedrich Schiller University Jena: its History and Characteristics

*Andrei A. Lidov*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0001-7281-4765. E-mail: lidov.ivran[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Lidov A. A., 2023

Abstract. The “Frau Professor Hilprecht Collection”, kept at the Institute of Languages and Cultures of the Middle East at Friedrich Schiller University in Jena, is the largest collection of Babylonian antiquities in Germany, rivaling in its cultural and historical significance the collections of the Museum of the Ancient Middle East in Berlin, the University of Pennsylvania Museum in Philadelphia, the Yale Babylonian Collection in New Haven, the Archaeological Museum in Istanbul, the British Museum in London, the Ashmolean Museum in Oxford and a number of other thematic museum collections. Standing out from their background due to the quality of objects, mainly discovered during the excavations of Nippur and dated from the Sumerian and Old Akkadian period (IV–III thousand BC) up to the early Islamic period, the Jena collection plays an important role in the study of culture, history, science and literature of the peoples of ancient Mesopotamia. The purpose of this article is an analytical review of this collection, highlighting the most significant and interesting artifacts, as well as considering the history of the origin, movement and study of this collection. Special attention is paid to the literary cuneiform tablets,

some of which are unique and no longer found in any of the Mesopotamian collections, as well as the one-of-a-kind map of Nippur, dating from the middle of the II millennium BC and considered as the oldest map of the city in the world. The most important topic of the publication and translation of the texts of the tablets and the step-by-step digitization of all the objects of the collection is also touched upon.

Keywords: Mesopotamia, University of Jena, Hermann Hilprecht, collection, cuneiform tablets, maps

For citation: Lidov A. A. The Mesopotamian Antiquities Collection at the Friedrich Schiller University of Jena: its History and Characteristics. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 8–26. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-8-26

1. Введение

Коллекция вавилонских древностей, хранящаяся в Институте языков и культур Ближнего Востока Университета Фридриха Шиллера в Йене, является вторым по размеру собранием такого рода на территории Германии, соперничая по своей культурной и исторической значимости с коллекцией Музея Древнего Ближнего Востока в Берлине. В своем современном состоянии данная коллекция насчитывает около 3 300 предметов: это более 3 000 клинописных текстов почти всех исторических эпох Месопотамии за почти 3 000-летний период её истории и большинства существовавших там литературных жанров [Stein et al. 2017: 5]. В нее входит также около 60 «волшебных чаш», т. е. керамических сосудов с письменами, арамейские заклинания времен Талмуда, а также небольшие археологические находки (в основном из терракоты) [Ford, Morgenstern 2020: 1–7]. Исключительную ценность представляют многочисленные тексты на шумерском и аккадском языках (в основном 21–16 вв. до н. э.), свидетельствующие о древнейших литературных достижениях человечества, а также создававшихся уже в очень ранний период словарях и грамматиках [Westenholz 1975: 3–4].

2. История возникновения коллекции

История возникновения коллекции тесно связана с именем археолога и профессора ассириологии немецкого происхождения Германа Хильпрехта. Г. Хильпрехт, родившийся в провинции Саксония 28 июля 1859 г., получил прекрасное образование и в 1883 г. защитил докторскую диссертацию по ассириологии в Лейпцигском университете. В 1886 г. Г. Хильпрехт эмигрировал в Соединенные Штаты, где занял пост профессора ассирийского языка в Пенсильванском университете. В следующем, 1887 г., он стал также хранителем семитского отдела, составлявшего наиболее важную часть музея Пенсильванского университета. В качестве ассириолога Г. Хильпрехт в 1889 г. участвовал в первой археологической экспедиции, проводившей раскопки в Ниппуре (современный Наффар, Ирак), и был активным участником двух последующих экспедиций [Ousterhout 2010: 11–12]. Во время четвертой и последней кампании он стал директором-координатором экспедиции, сменив на этом посту Джона Паннета Питерса [Peters 1897: 8]. Хотя формально Г. Хильпрехт отвечал только за последнюю по времени часть раскопок, охватывающих недолгий период с 1 марта по 11 мая 1900 г., все ценные археологические находки, включая те, что были сделаны намного ранее, были указаны как результат его работы [Hilprecht 1903: 516–520]. Возникла острая полемика с Джоном Паннетом Питерсом и научной оппозицией во главе с ним, обвинявшей Г. Хильпрехта в научной недобросовестности и стремлении присвоить себе заслуги других. Разразившийся скандал немедленно отразился на продолжении археологических исследований, вследствие чего новые экспедиции в Ниппур более не организовывались, и в течение последующего полувека город оставался не раскопанным.

Г. Хильпрехт работал с коллекцией вплоть до 1911 г., когда в результате незатихавшего научного противостояния он был вынужден подать в отставку. Однако исследователей, получивших в конце концов доступ к архиву экспедиций, ждало глубокое разочарование — пронумерованные ящики находились в беспорядке, дневниковые записи были перепутаны, наиболее важные до-

кументы без следа исчезли: как предполагается, были сожжены [Ousterhout 2010: 15]. Что касается самих артефактов, то, поскольку Месопотамия входила тогда в состав Османской империи, находки разделили между Археологическим музеем Стамбула и Музеем археологии и антропологии Пенсильванского университета [Hilprecht 1903: 572; Veldhuis 2014: 1]. Считалось, что в эти музеи были переданы все найденные предметы, однако на самом деле значительная часть наиболее ценных находок была увезена Г. Хильпрехтом в Германию, где и хранилась в его доме вплоть до смерти ученого в 1925 г.

История появления этой, по сути, личной коллекции Г. Хильпрехта, насчитывающей более 2 000 прекрасно сохранившихся предметов, до сих пор остается невыясненной. Сам Г. Хильпрехт неоднократно утверждал, что ему в личное владение и в знак особой благодарности за научные заслуги отобранные им артефакты передал сам Осман Хамди-бей, являвшийся в то время основателем и директором Стамбульского археологического музея [Pezzati 2012: 2].

По завещанию Г. Хильпрехта коллекция должна была навсегда остаться в Германии и быть переданной в дар Йенскому университету. Из текста завещания следовало, что таким образом Г. Хильпрехт хотел увековечить память своей первой жены, умершей в Йене в 1902 г. Согласно еще одному пункту завещания, полученные университетом памятники должны были храниться вместе и получить название «Коллекция вавилонских древностей фрау профессора Г. Хильпрехт» (нем. Frau Professor Hilprecht Collection of babylonian antiquities), что косвенно увековечивало и имя самого ученого.

Стремление Г. Хильпрехта передать личное собрание в дар Йенскому университету не было случайным. Университет, основанный в 1558 г. и входящий в десятку старейших университетов Германии, считался местом зарождения немецкого востоковедения. Именно здесь защитил первую в Германии диссертацию по ассириологии и основал новую специальность, став профессором по данной теме, Фридрих Делищ, одним из учеников которого и являлся Герман

Хильпрехт. В 1932–1933 гг. коллекция пополнилась собственностью сестры Г. Хильпрехта, передавшей письменный архив брата, развёртки древних восточных печатей (на гипсе), а также около 90 исламских фаянсовых плиток [Stein et al. 2017: 134–139].

3. Уникальность коллекция Хильпрехта

Думается, важным сказать несколько слов о том, в чем же именно заключается уникальность коллекции Г. Хильпрехта. Хорошо известно, что месопотамские глиняные таблички в основном содержат административные и хозяйственные тексты, договоры купли-продажи и т. д., в то время как для исследователей культуры наиболее интересными являются произведения шумерской литературы: мифы и эпические сказания, гимны и плачи, историографические документы и письма, философские и другие сочинения, такие как пословицы, эссе, дебаты, а также списки книг или так называемые «каталоги».

Известно, что более 80 % всех известных шумерских литературных произведений, в том числе древнейшие из дошедших до нас версий «Истории о потопе», «Эпоса о Гильгамеше» и т. д., были найдены именно в Ниппуре. Обнаружение этих архивов, значительная часть которых была двуязычной (шумеро-аккадской), позволило добиться значительного прогресса в дешифровке шумерского языка [Gibson 1993: 1–18].

В коллекции Г. Хильпрехта хранится около 150 литературных табличек, представляющих практически все известные жанры шумерской литературы [Kramer 1981: 370]. Около 100 из них — это сравнительно небольшие фрагменты табличек, на которых сохранилось всего несколько оборванных строк. Однако примерно 50 содержат довольно большие тексты, причем тринадцать из них имеют надписи от четырех до восьми колонок [Kramer 1981: 370]. На современном этапе процесса восстановления шумерских литературных памятников таблички, содержащие новый текст, независимо от его размера, представляют гораздо большую ценность с научной точки зрения, нежели пусть даже хорошо сохранившиеся

глиняные таблички, но содержащие уже имеющиеся в распоряжении ученых литературные фрагменты.

Среди новых сочинений коллекции Г. Хильпрехта, не встречающихся в других собраниях, наиболее интересен гимн богу Хендурсагге¹, приближенному богини Нанше², призванному следить за нравственным поведением человека. Уникальным является также любовный диалог между Инанной³ и Думузи⁴; отрывок из мифа, рассказывающий о том, как два бога-брата спустили ячмень в Шумер, «который не знал ячменя», с горы, где ячмень был спрятан у бога Энлиля⁵, а также умоляющее письмо некоего Гудеа своему личному божеству; и, наконец, два драгоценных «списка книг» или каталога, представляющих собой достаточно редкий жанр шумеро-аккадской литературы [[Kramer 1981: 370](#)].

Важную часть коллекции составляют также рукописи шумерских мифов (например, «Хождение Инанны в подземный мир»), эпосы героев Лугальбанда и Гильгамеша, заклинания, а также древние вавилонские копии утраченных царских надписей III тыс. до н. э. Есть и настоящие раритеты, например экономический текст III тыс. до н. э. с, возможно, самой старой клинописной датировкой года (около 2350 г. до н. э.) [[Hilprecht Archive](#)]. При этом настоящим шедевром и одновременно самым известным и наиболее часто воспроизводимым артефактом коллекции является «Карта города Ниппура», датируемая серединой II тыс. до н. э. и считающаяся самым древним планом города в мире [[Kramer 1981: 375](#)].

¹ Хендурсагга (аккад. Ишум) — привратник Подземного мира, божество планеты Сатурн.

² Нанше (или Нина, неизв.) — дочь Энки, толковательница сновидений, защитница бедных и обездоленных.

³ Инанна (возможно, *nin-an-na* ‘госпожа Неба’) — у шумеров хозяйка г. Урука, дочь Ана и богиня любовной и воинской страсти; в вавилонское время слилась с Иштар. отождествлялась с планетой Венера.

⁴ Думузи — бог плодородия, олицетворение весны и покровитель первого месяца года.

⁵ Энлиль (шум. ‘господин воздуха’, аккад. Элليل) — божество воздуха, чужих земель, покровитель царской власти и ревнитель царского благочестия, хозяин г. Ниппура.

4. История изучения коллекции

Первым куратором собрания в 1929 г. стал Юлиус Леви, адъюнкт-профессор Гессенского университета, видевший свою первостепенную задачу в издании коллекции. С этой целью им была основана научная серия под названием «Тексты и предметы из коллекции фрау профессора Хильпрехт» (Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht-Collection). Том I, вышедший в 1932 г., подготовил он сам [Lewy 1932]. Однако в 1933 г. Ю. Леви, как и многие другие работавшие в Германии еврейские профессора, был отстранен от должности и эмигрировал в Париж, а затем в Америку. Поскольку Ю. Леви не захотел покинуть пост редактора серии, сменивший его на посту хранителя коллекции приват-доцент Олаф Крюкманн инициировал «Новую серию» издания. В 1949 г. коллекция была передана под контроль комитета, в который входили профессор Рудольф Мейер, исследовавший Ветхий Завет, Фридрих Цукер, занимавшийся классической филологией, и лингвист Фердинанд Хестерманн, которой по совместительству стал также куратором коллекции месопотамских древностей. С 1951 г. хранителем коллекции являлась Инес Бернхардт, сначала работавшая в качестве ассистента, затем получившая статус научного сотрудника и изучавшая собрание под руководством Ф. Г. Хестерманна и, наконец, ставшая его куратором.

Важное событие в истории коллекции произошло в 1955 г., когда усилиями американского ассиролога Самуэля Ноа Крамера она получила несопоставимо более широкую известность. По его собственному признанию, С. Н. Крамер, узнавший о существовании данной коллекции из краткой заметки в одном из немецких научных журналов, сразу же захотел приехать в Йену, однако вначале смена политического режима и приход национал-социалистов к власти, затем Вторая мировая война и тяжелое послевоенное время создали для этого почти непреодолимые трудности. Ситуация несколько улучшилась лишь в 1955 г., чем С. Н. Крамер не преминул воспользоваться. Сделав соответствующие запросы и получив официальное приглашение Йенского университета, С. Н. Крамер около двух с половиной месяцев работал с коллекцией. С помо-

щью И. Бернхардт и при ее непосредственном участии он разобрал и оценил практически все 2 500 предметов коллекции. По сути, С. Н. Крамер не нашел ничего выдающегося или уникального. По его мнению, основное значение коллекции Г. Хильпрехта заключалось в том, что она позволяла заполнить лакуны в тех сочинениях, которые уже были известны и прежде реконструированы на основе табличек, хранящихся в разных музеях мира.

В ряде случаев обнаруженные С. Н. Крамером фрагменты из коллекции Г. Хильпрехта имели решающее значение. Сам С. Н. Крамер наиболее важным открытием считал текст, состоящий примерно из 300 строк, которому он дал условное название «Проклятие Агаде¹: Отмщенный Экур» [Kramer 1981: 375]. К тому времени было известно уже более двадцати опубликованных и неопубликованных фрагментов этого произведения, содержание которого оставалось не до конца ясным, поскольку в его второй части имелось немало пропусков и лакун. Поскольку начальная, лучше реконструированная, часть текста повествовала о разрушении и запустении Агаде, произведение долгое время воспринималось как оплакивание государства и города. При этом исследователи не раз отмечали, что структура и характер повествования довольно сильно отличались от таких известных произведений, как «Плач по поводу разрушению Ура» и «Плач по поводу разрушения Ниппура».

С. Н. Крамер обнаружил в коллекции Г. Хильпрехта семь табличек с фрагментами данного произведения, при этом одна из них под номером NS 1514 содержала хорошо сохранившийся текст из четырех колонок, представлявший собой последние 138 строк этого сочинения. Данный фрагмент все поставил на свои места. Стало ясно, что «Проклятие Агаде» представляет собой не обычный плач, а является примером достаточно редко встречающегося историографического документа, написанного высокопоэтической прозой и с большим эмоциональным подъемом. Неизвестный историограф начал его со вступления, где невероятная слава и мо-

¹ Агаде — это шумерское название города Аккад, столицы Аккадского царства, а также исторической области, находившейся на севере Южной Месопотамии, на территории современного Ирака.

гущество Агаде противопоставлялось его разорению и запустению, наступившему после того, как четвертый правитель династии Агаде по имени Нарам-Син, разграбил Ниппур и осквернил Экур, великое святилище бога Энлиля. В отместку Энлиль и еще восемь божеств шумерского пантеона наложили на Агаде проклятие и предрекли, что он навсегда останется пустынным и необитаемым, что, как отмечает автор в конце своего труда, в итоге и произошло¹.

Помимо действительно достаточно яркого и необычного литературного произведения под названием «Проклятие Агаде», внимание С. Н. Крамера привлек еще один артефакт, о котором он писал: «Вероятно, самый важный документ в коллекции Хильпрехта — это вовсе не шумерское литературное произведение, а карта — судя по всему, самая старая из известных карт города в истории, изображенная на глиняной табличке довольно хорошей сохранности»² [Kramer 1981: 375]. Речь идет о глиняной табличке необычных, довольно больших размеров (18 x 21 см), хранящейся под номером 197. Она представляет собой план, на котором изображена центральная часть Ниппура и Экур, храм бога Энлиля, так как они, по всей видимости, выглядели в середине II тыс. до н. э., в период правления касситской династии.

Вполне понятно, почему этот план привлек внимание С. Н. Крамера. Среди многих тысяч глиняных табличек, обнаруженных в разное время и в разных частях Месопотамии археологами, лишь 12 представляют собой планы и карты, которые являются чрезвычайно редкими. Кроме того, глиняные таблички с текстами, как уже не раз отмечалось, нередко воспроизводят одни и те же ли-

¹ Историческим фоном данного произведения послужило завоевание в 24 в. до н. э. правителем Саргоном большей части Древней Месопотамии и образования Аккадской империи, просуществовавшей до конца 22 в. до н. э., когда государство пришло в упадок и было завоевано племенами кутиев (гутиев), проживавших в горных районах Загроса, находящихся на юго-западе современного Ирана. По версии «Проклятия Агаде», гутиев вывел с гор сам бог Энлиль, отомстивший таким образом за завоевание и разграбление священного города Ниппура и посвященного ему храма.

² Здесь и далее перевод с английского языка автора статьи.

тературные произведения или достаточно стандартные административно-хозяйственные документы, в то время как каждая карта абсолютно уникальна.

Нельзя сказать, что карта города Ниппура была совсем неизвестной, поскольку ее первое издание было осуществлено еще самим Г. Хильпрехтом [[Hilprecht 1903](#)]. Однако намеренно или случайно изображение было опубликовано в столь низком качестве, что надписи на табличке оказались нечитаемыми. Затем из-за малой доступности коллекции и отсутствия последующих публикаций карта не исследовалась: она, по сути, была забыта, и С. Н. Крамеру принадлежала честь нового открытия данного, действительно, очень важного и интересного артефакта.

С. Н. Крамер достаточно подробно описал карту, выделив наиболее важные ее признаки и особенно отметив двуязычие. Большинство изображенных на плане объектов было подписано, при этом в основном использовался не аккадский, а шумерский язык. Последнее было важно, поскольку в среднеавилонский период (ок. 1500 г. до н. э.), когда, по всей видимости, была создана эта карта, шумерский язык уже продолжительное время не использовался, т. е. был, по сути, «мертвым» языком. Основным же разговорным языком семитского народа, который в первой четверти II тыс. до н. э. составлял большинство населения страны, был аккадский, на котором, как отмечает С. Н. Крамер, было выполнено всего несколько надписей на карте. Следует отметить, что использование двух языков не является исключительным признаком данной карты Ниппура. Напротив, считается, что, перестав быть около 2000 г. до н. э. языком каждодневного общения, шумерский язык еще очень долго, вплоть до начала нашей эры, сохранял свой статус языка образованности и культуры и продолжал использоваться для написания религиозных, административных и научных текстов.

Экспертная оценка С. Н. Крамера оказалась очень важной для Йенской коллекции. Среди прочего за счет выделения наиболее важного и второстепенного она заметно повлияла на программу последующих публикаций, которую как куратор коллекции взяла

на себя Инес Бернхардт. В 1958–1959 гг. она совместно с финским ассириологом Юсси Аро опубликовала письма средневавилонского времени [Bernhardt, Aro 1958–1959: 565–575], а в 1961 и 1967 гг. вместе с С. Н. Крамером подготовила тома III и IV научной серии публикации коллекции фрау профессора Г. Хильпрехт [Bernhardt, Kramer 1961; Bernhardt, Kramer 1967], которые были посвящены исключительно литературным произведениям.

В 1972 г. И. Бернхардт вышла на пенсию, в 1976 г. появился завершённый к тому времени пятый том серии с прорисовками экономических текстов средневавилонского времени, научная обработка которых была сделана Гербертом Петшоу в 1974 г. [Petschow 1974]. Далее должность куратора получил Йоахим Ольснер, преподававший ассириологию в университете Мартина Лютера в Галле-Виттенберге и работавший над отдельными табличками коллекции, начиная с 1966 г. Й. Ольснер завершил инвентаризацию коллекции, начатую его предшественниками, опубликовал и отредактировал тексты в серии отдельных изданий и приложил руку к «соединению» (сборке) отдельных фрагментов табличек. В 1993 г. он был назначен на вновь созданную должность профессора древневосточных исследований, которую занимал до выхода на пенсию в 1997 г.

В 1998 г. на посту хранителя коллекции Й. Ольснера сменил Манфред Креберник, который разработал план завершения публикации коллекции и предложил возродить первоначальную серию «Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht-Collection», основанную ещё Юлиусом Леви. В 1998 г. новый план публикаций был официально утверждён, и в том же году возобновлена публикация серии. И то, и другое начинание оказалось успешным. В 2003 г. при спонсорской помощи Фонда Гумбольдта вышел том «Ур III. Заклинания из собрания фрау профессора Хильпрехт» [Ford, Morgenstern 2020]. В 2005 г. были изданы тексты волшебных чаш [Müller-Kessler 2005]. В 2008 г. был опубликован сборник, содержащий математические и метрологические тексты коллекции [Proust et al. 2008]. Издан также отдельный том, посвящённый шумерскому царскому гимну, полная версия которого, наряду с ещё

несколькими фрагментами, находится в собрании Г. Хильпрехта [Lämmerhirt 2013]. Параллельно редактировались и издавались древнеавилонские административные и экономические тексты, число которых в коллекции очень значительно [Spada 2018; Goddeeris, Seidl 2016]. В начале 2000-х гг. описание коллекции в целом было завершено, произведено редактирование и публикация текстов значительного числа табличек, а также в основном выполнен подбор и соединение отдельных фрагментов.

5. Цифровые корпуса

В дальнейшем исследование коллекции продолжалось в рамках тематических проектов, сфокусировавшихся на изучении отдельных категорий клинописных текстов. Одним из наиболее крупных был проект по изучению лексических текстов, представляющих собой учебные таблички, на которых ученики школы писцов тренировались изображать слова и знаки. В отличие от литературных, научных и административных текстов, примерно 250 табличек Йенской коллекции с лексическими списками ранее практически не публиковались. Задачу разобрать, проанализировать и описать эту часть собрания взяли на себя исследователи из американского университета Беркли, получившие грант Фонда Сталя и Меллонского проекта¹. Конечной целью проводимого ими исследования должна была стать не столько серия публикаций, сколько добавление полученных результатов в интернет-ресурс под названием «Цифровой корпус клинописных лексических текстов»², целью которого является аккумуляция клинописных лексических текстов из разных коллекций.

Согласно отчетам данной рабочей группы, лексические тексты из коллекции Йены содержат все виды упражнений, использовавшиеся в школах писцов в Ниппуре. По сути, это древние прописи, позволяющие довольно точно реконструировать последователь-

¹ Подробнее о проекте см. Lexical Texts in the Hilprecht Collection: Highlights [электронный ресурс] // URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/jena/highlights/index.html> (дата обращения: 01.11.2023).

² Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts [электронный ресурс] // URL: <http://oracc.org/dcclt> (дата обращения: 01.11.2023).

ность выполнения упражнений, а также способ и характер обучения. Для копирования использовалось пять различных видов табличек, все варианты которых присутствуют в собрании Йены. Это простые упражнения в один столбик или упражнения, построенные по принципу «учитель – ученик», когда типовой текст пишется вначале учителем, после чего его в точности воспроизводит ученик. Еще один тип лексических текстов имел форму больших многоколоночных табличек, выполнялись также упражнения по умению писать на покато́й и круглой поверхности, и наконец, самыми сложными и разработанными были четырех- или шестигранные призмы с надписями, выполненными со всех сторон. В отличие от табличек и упражнений «учитель – ученик», представляющих собой выдержки подобранных по тому или иному принципу лексем, призмы, как правило, содержат полные списки и включают в себя обширные лексические перечни тематически подобранных слов.

В коллекции Г. Хильпрехта находится одиннадцать лексических призм, ряд которых представляет собой по-настоящему незаурядные артефакты. К числу последних принадлежит, например, большая четырехсторонняя призма, хранящаяся под номером HS 1802¹, на каждой стороне которой расположено по три столбца текста, включающего в совокупности около 720 строк. Данный артефакт содержит список шумерских слов с редко встречающимися глоссами, который, по всей видимости, использовался для перевода сложных шумерских текстов на аккадский язык. Важность данного списка связана с тем, что он представляет собой ранее неизвестную версию списка, включающую целый ряд новых прочтений и вариантов перевода слов. Особенно интересно то, что перечень, очевидно, имеет не прикладной, а умозрительно-научный характер, расширяя вариативность известных исследователям шумеро-аккадских эквивалентов.

Заслуживает внимания еще одна четырехсторонняя призма, хранящаяся под номером HS 1659⁺² и содержащая использовав-

¹ HS 1802 [OB Nippur Izi] [электронный ресурс] // URL: <http://oracc.org/dcclt/P229965> (дата обращения: 01.11.2023).

² HS 1659 + 1760 + 1761 + 1813 + 1864 [OB Nippur Ura] [электронный ресурс] // URL: <http://oracc.org/dcclt/P229794> (дата обращения: 03.11.2023).

шийся в Ниппуре список камней, рыб, птиц и тканей. Сами по себе подобные тематические списки слов и понятий, знакомившие учеников школы писцов с шумерской лексикой, не представляют какую-либо редкость. Данный список также был известен, однако до его обнаружения в Йенской коллекции он встречался только в виде фрагментов. Теперь благодаря публикации полного списка исследователи получили возможность не только восполнить недостающие ранее места, но и реконструировать весь текст.

Однако самым интересным из лексических текстов коллекции Йены является, на наш взгляд, табличка под номером HS 1822¹, представляющая собой неизвестную ранее версию списка, который условно можно определить как «Раннединастические сосуды и одежды». Этот список, составленный впервые в период позднего Урука (ок. 3200 г. до н. э.), продолжал копироваться и расширяться вплоть до начала II тыс. до н. э. И хотя сам список хорошо известен, его ранние варианты, относящиеся к концу III тыс. до н. э. – началу II тыс. до н. э. встречаются крайне редко. Находящийся в коллекции Йены экземпляр относится к древневавилонскому периоду и, по всей видимости, был создан около 1800 г. до н. э. К этому времени данному тематическому списку было около 1 500 лет, и многие входившие в него слова и понятия были либо устаревшими, либо почти непонятными для писцов. В этой ситуации особую важность приобретали многочисленные глоссы, написанные мелким шрифтом и как бы комментирующие древний лексический список².

На протяжении последних 30 лет особое внимание хранителей уделялось оцифровке коллекции с помощью разнообразных технологий. Первые попытки были сделаны еще в середине 1990-х гг., когда при помощи специальных компьютерных программ были выполнены голографические модели нескольких табличек и предпринята попытка распознать и прочесть клинопись с помощью

¹ HS 1822 [ED Vessels and Garments] [электронный ресурс] // URL: <http://oracc.org/dcclt/P229979> (дата обращения: 03.11.2023).

² Еще один вариант снабженного глоссами древневавилонского списка хранится в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии (CBS 13922 (+) CBS 14130).

нейронной сети. Этот проект был осуществлен лабораторией биофизики Института экспериментальной аудиологии Университета Мюнстера в сотрудничестве с лабораторией оптики Университета Гумбольдта в Берлине, в результате чего вся коллекция была оцифрована.

В конце 90-х гг. – начале 2000-х гг. наиболее древние и ценные экспонаты коллекции, датируемые IV–III тыс. до н. э., были дополнительно отсканированы с помощью планшетного сканера. Результаты находятся сейчас в открытом доступе на портале «Инициативы цифровой библиотеки клинописи»¹. В отличие от предыдущего этот проект носил международный характер и в оцифровке принимали участие Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, Оксфордский университет и Институт истории науки имени Макса Планка. С 2009 г. в проекте стали использовать более современный 3D-сканер высокого разрешения, предоставленный университетом Макса Планка. В данный момент проект возглавляет действующий куратор коллекции Манфред Креберник и Питер Дамеров из университета Макса Планка, который отвечает за техническую сторону проекта. Целью проекта является цифровая фиксация более 3 000 объектов коллекции в высоком разрешении в трех измерениях. По состоянию на сегодняшний день более 2 500 объектов были записаны в виде 3D-моделей. Из них чуть менее 2 000 единиц доступны в Архиве Г. Хильпрехта и могут быть просмотрены онлайн по-особому, выдаваемому университетом, разрешению. Хотя было объявлено, что после завершения проекта коллекция станет общедоступной, пока этого, к сожалению, не произошло.

6. Заключение

При всех несомненных успехах существует целый ряд проблем, связанных не столько с изучением, сколько с хранением и реставрацией предметов из рассматриваемой коллекции. Большинство археологических объектов до сих пор находятся в заказанных еще в начале прошлого века слишком высоких, полностью запол-

¹ Cuneiform Digital Library Initiative [электронный ресурс] // URL: <https://cdli.mpiwg-berlin.mpg.de/> (дата обращения: 03.11.2023).

ненных ящиками, стальных шкафах. Они выше человеческого роста, при извлечении предметов ящики приходится вынимать под большим углом, что создает постоянную опасность повреждения артефактов. Более того, книги, письменное наследие, фотографии и т. д. из-за недостатка места хранятся в необорудованном подвале, где, как указывают работающие с коллекцией исследователи, нередко слишком высокая температура, влажность и даже плесень. Согласно недавнему исследованию, большинство выполненных из глины экспонатов коллекции нуждаются в консервации и реставрации, причем многие в срочном порядке, для чего, помимо значительного бюджета, требуется создать новую должность реставратора и оснастить лабораторию необходимой материальной базой, что также пока является делом будущего.

Сокращения

аккад. — аккадский;
нем. — немецкий;
шум. — шумерский.

Источники и литература

- Bernhardt, Aro 1958–1959 — *Bernhardt I., Aro J.* Mittelbabylonische Briefe in der Hilprecht-Sammlung // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena* 8. Jena: Friedrich-Schiller-Universität Jena, 1958–1959. Pp. 565–575.
- Bernhardt, Kramer 1961 — *Bernhardt I., Kramer S. N.* Sumerische Literarische Texte aus Nippur 1: Mythen, Epen, Weisheitsliteratur und andere Literaturgattungen. Berlin: Akademie Verlag, 1961. 116 p.
- Bernhardt, Kramer 1967 — *Bernhardt I., Kramer S. N.* Sumerische Literarische Texte aus Nippur 2: Hymnen, Klagelieder, Weisheitstexte und andere Literaturgattungen. Berlin: Akademie Verlag, 1967. 133 p.
- Ford, Morgenstern 2020 — *Ford J. N., Morgenstern M.* Aramaic Incantation Bowls in Museum Collections, Vol 1: The Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities, Jena // *Magical and Religious Literature of Late Antiquity*, 8. Leiden: Brill, 2020. 311 p.
- Gibson 1993 — *Gibson McG.* Nippur, sacred city of Enlil, supreme god of Sumer and Akkad // *Al-Rāfidān*. 1993. Vol. 14. Pp. 1–18.

- Goddeeris, Seidl 2016 — *Goddeeris A., Seidl U.* The Old Babylonian Legal and Administrative Texts in the Hilprecht Collection Jena. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. 539 p.
- Hilprecht Archive — Hilprecht Archive Online [электронный ресурс] // URL: <https://hilprecht.mpiwg-berlin.mpg.de/> (дата обращения: 01.11.2023).
- Hilprecht 1903 — *Hilprecht H.* Explorations in Bible Lands during the 19th Century. Philadelphia: Holman, 1903. 809 p.
- Kramer 1981 — *Kramer S. N.* History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Recorded History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. 388 p.
- Lämmerhirt 2013 — *Lämmerhirt K.* Die sumerische Königschyme Šulgi F // Texte und Materialien. Vol. 9. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. 160 p.
- Lewy 1932 — *Lewy J.* Die Keilschrifttexte aus Kleinasien // Texte und Materialien der Frau-Professor-Hilprecht-Collection of Babylonian antiquities im Eigentum der Friedrich Schiller-Universität Jena, Vol. 1. Leipzig: Hinrichs, 1932. 35 p.
- Müller-Kessler 2005 — *Müller-Kessler C.* Die Zauberschalentexte in der Hilprecht-Sammlung, Jena, und weitere Nippur-Texte anderer Sammlungen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. 257 p.
- Ousterhout 2010 — *Ousterhout R. G.* Archaeologists and Travelers in Ottoman Lands // Expedition Magazine. July, 2010. Vol. 52. No. 2. Pp. 9–20.
- Peters 1897 — *Peters J. P.* Nippur, or Explorations and Adventures on the Euphrates. New York and London: Putnam, 1897. 420 p.
- Petschow 1974 — *Petschow H.* Mittelbabylonische Rechts und Wirtschaftsurkunden der Hilprecht Sammlung Jena: mit Beiträgen zum mittelbabylonischen Recht. Berlin: Akademie-Verlag, 1974. 116 p.
- Pezzati 2012 — *Pezzati A.* Nippur and Hamdi Bey // Expedition Magazine. December, 2012. Vol. 54. No. 3. Pp. 22–45.
- Proust et al. 2008 — *Proust C., Krebernik M., Oelsner J.* Tablettes mathématiques de la collection Hilprecht // Texte und Materialien der Hilprecht Collection 8. Wiesbaden: Harrassowitz, 2008. 166 p.
- Spada 2018 — *Spada G.* Sumerian model contracts from the Old Babylonian period in the Hilprecht Collection Jena. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 126 p.
- Stein et al. 2017 — *Stein P., Köhler S., Krebernik M., Lämmerhirt K.* Hilprecht-Sammlung vorderasiatischer Altetümer: Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 2017. 151 p.

- Veldhuis 2014 — Veldhuis N. Lexical Texts from Jena // UC Berkeley Archaeological Research Facility Stahl Reports. Berkeley. 2014. Pp. 1–4
- Westenholz 1975 — *Westenholz A.* Early cuneiform texts in Jena: pre-Sargonic and Sargonic documents from Nippur and Fara in the Hilprecht-Sammlung vorderasiatischer Altertümer // Institut für Altertumswissenschaften der Friedrich-Schiller-Universität, Jena. København: Munksgaard, 1975. 101 p.

Об этике буддиста-мирянина (на материале ойратского перевода «Сутры о плоде»)

Саглара Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мирзаева С. В., 2023

Аннотация. В статье рассматривается рукопись Calm D 16 на ойратском «ясном письме» «Асі үгеуін судур» («Сутра о плоде») из рукописного фонда Библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Данная сутра относится к буддийским апокрифическим (неканоническим) сочинениям, которые в некоторых традициях тибетской книжности считались неистинным «словом Будды», и поэтому не всегда включались в своды буддийского канона. Несмотря на то, что она была переведена с китайского языка, в тибетском и монгольском переводах она вошла в Кагьюр (Ганджур), и, очевидно, использовалась буддийскими священнослужителями в дидактических целях для просвещения мирской общины. По содержанию сутра представляет собой беседу Будды с учеником Анандой, в которой объясняются последствия благих и неблагих деяний, которые выстраиваются в определенную систему этических норм для буддиста-мирянина. К действиям, имеющим положительный результат, относятся взращивание сострадания, практика шести парамит, совершение подношений буддийским храмам, ступам, Трем Драгоценностям (Будде, Дхарме и Сангхе), а также Учителю и родителям, чтение вслух, переписывание, способствование переписыванию и размышление над сутрами Махаяны. Негативными деяниями в сутре называются поступки, приводящие к страданию живых существ: причинение боли, устрашение, охота, кража, убийство и пр., проявление неуважения по отношению к Трем Драгоценностям, Учителю, священным текстам сутр, монашеской сангхе. Сопоставление ойратского перевода с тибетской и монгольской каноническими версиями в составе Кагюра (Ганджура) показывает, что в основе ойратского текста

лежит либо другая тибетская версия, либо самостоятельная редакция, отличная от канонического монгольского текста.

Ключевые слова: ойратская рукопись, тибето-монгольский буддизм, «Сутра о плоде», буддийские апокрифы, этика мирянина, кармический результат

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта «Памятники «ясного письма» как культурное наследие России и Китая» (№ 20-512-93002).

Для цитирования: Мирзаева С. В. Об этике буддиста-мирянина (на материале ойратского перевода «Сутры о плоде») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 27–52. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-27-52

On the Issue of Buddhist Laymen' Moral Precepts (based on the Oirat translation of the “Cause and Effect Sūtra”)

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Ph. D. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: [saglaramirzaeva\[at\]kigiran.com](mailto:saglaramirzaeva[at]kigiran.com)

©KalmSC RAS, 2023

© Mirzaeva S. V., 2023

Abstract. The article examines the manuscript Calm D 16 in Oirat «clear letter» «Ači üreyin sudur» («Cause and Effect Sūtra») from the manuscript collection of the Library of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University. This sutra refers to Buddhist apocryphal (non-canonical) writings, which in some traditions of Tibetan literature were considered to be the untrue «word of the Buddha», and therefore were not always included in the Buddhist canon. Despite the fact that it was translated from Chinese, in Tibetan and Mongolian translations it entered the Kagyur (Ganjur), and was obviously used by Buddhist priests for didactic purposes to educate the lay community. According to the content, the sutra is a conversation between the Buddha

and the disciple Ananda, which explains the consequences of good and evil deeds, which are built into a certain system of ethical norms for a lay Buddhist. Positive actions include cultivating compassion, practicing the six paramitas, making offerings to Buddhist temples, stupas, the Three Jewels (Buddha, Dharma and Sangha), as well as to the Teacher and parents, reading aloud, rewriting, contributing to rewriting and reflecting on the Mahayana sutras. Negative actions in the sutra are actions that lead to suffering of living beings: inflicting pain, intimidation, hunting, theft, murder, etc., showing disrespect towards the Three Jewels, the Teacher, the sacred texts of the sutras, the monastic sangha. A comparison of the Oirat translation with the Tibetan and Mongolian canonical versions as part of the Kagyur (Ganjur) shows that the Oirat text is based on either another Tibetan version or an independent revision different from the canonical Mongolian text.

Keywords: oirat manuscript; Tibetan-Mongolian Buddhism; “Cause and Effect Sūtra”; Buddhist apocrypha; laymen ethics; karmic result

Acknowledgements. The reported study was carried out within the framework of the project ““Clear Script” Texts as Cultural Heritage of Russia and China” (No. 20-512-93002) with the financial support of RFBR and CASS.

For citation: Mirzaeva S. V. On the Issue of Buddhist Laymen’ Moral Precepts (based on the Oirat translation of the “Cause and Effect Sūtra”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 27–52. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-27-52

1. Введение

Данная публикация выполнена в рамках научного проекта «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая» и является продолжением исследований образцов ойратоязычного письменного наследия в фондах России, Монголии и Китая. Предметом настоящего исследования выступает ойратская рукопись под кратким названием «Сутра о плоде» (ойр. асі үреyin sudur). Эта сутра представляет собой одно из апокрифических сочинений китайского происхождения, включенное в тибето-монгольский свод буддийского канона Кагьюр (Ганджур)¹. Полное

¹ Тибетский перевод, выполненный с санскрита и китайского Чойдрубом (тиб. chos grub), включен в четыре ксилографических издания Кагьюра в раздел сутр (тиб. mdo) [[Каталог сочинений... 2019: 163](#)]. Монгольский анонимный перевод сутры вошел в раздел Eldeb ксилографического Ганджура [[Каталог ... 1993: 258](#)].

название сутры в тибетском и монгольском переводах — «Святая сутра Махаяны под названием „Наставление о плодах и причинах благого и дурного“» (тиб. 'phags pa legs nyes kyü rgyu dang 'bras bu bstan pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo, монг. qutuγ-tu sayin maγu üile-yin siltayan kiged üg-e-yi üjegülegsen kemekü yeke kölgen sudur).

Китайские буддийские апокрифы в своем большинстве составлялись в период династии Тан с V по VIII вв. н. э. монахами для обучения мирян в специальных общинах, целью создания которых было совместное накопление различных благодеяний — создание статуй или изображений Будды, копирование и начитывание сакральных текстов, участие в пиршествах без употребления мяса и пр. [Overmyer 1990: 201]. Это обусловило круг основных тем подобных сочинений:

- спасительная функция буддийских сакральных текстов;
- необходимость следования мирским заповедям;
- объяснение пользы совершения подношений, в том числе для возведения монастырей и создания образов Будды;
- восхваление могущества будд и бодхисаттв;
- поощрение практик начитывания имен будд и бодхисаттв и их визуализации;
- объяснение понятий, связанных с кармой и пустотностью [Overmyer 1990: 201].

2. Материалы

Два ойратских текста сутры обнаружены в рукописном фонде Библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета [ВФ СПбГУ; Catalogue... 1999: № 077, 36] и цифровой библиотеке ойратских текстов «Тод номийн гэрэл» [TNG]. Предварительный сравнительный анализ двух рукописей показывает, что перед нами два разных списка одного сочинения, незначительно отличающиеся друг от друга. Основное отличие заключается в том, что петербургская рукопись, привезенная в столицу из калмыцких степей К. Ф. Голстунским, содержит в конце текста дополнительную историю дидактического характера, представляющую собой диалог Будды с неким брахманом и

отсутствующую во втором ойратском списке сутры. Колофон, в котором могли бы содержаться данные о переводчике или времени составления перевода, в обоих текстах отсутствует. Исходя из того, что эта сутра не встречается в коллекциях ранних памятников монгольского письма, рукописном Ганджуре, а также отсутствует в списке переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо, мы можем предположить, что она была переведена на монгольский и ойратский языки не раньше второй половины XVII в.

В традиции монгольских народов эта сутра относится к канонической переводной литературе, а также, возможно, использовалась в дидактических целях, служа средством просвещения и обучения мирского населения буддийскими священнослужителями. Исторически сложилось так, что языком буддийской литургии среди монгольских народов стал тибетский язык, т. е. для ритуала необходимы были тибетоязычные тексты сутр, садхан и пр. Факт же издания монгольского перевода этой сутры ксилографическим способом в Анинском дацане в Бурятии во второй половине XIX в., а также ее многочисленные ксилографические и рукописные копии в фондохранилищах монгольских рукописей (№ 336 в [Сазыкин 2003: 111]; №№ 2905–2913 в [Сазыкин 2001: 116–117]) могут свидетельствовать о дидактической функции данной сутры в буддизме монгольских народов.

Используя методы текстологического и сравнительно-сопоставительного (в том числе и в приложении к тибетскому оригиналу) анализа, на материале ойратской рукописи Calm D16 из фонда Библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, в которой, на наш взгляд, представлен более полный список ойратского перевода, мы рассмотрим особенности свода этических норм для мирян, регулирующего нормы поведения, в первую очередь по отношению к Трем Драгоценностям (Будде, Дхарме и Сангхе), культовым объектам (образам Будды, храмам, монастырям, текстам) и пр. Актуальность исследования обусловлена тем, что в этнографической литературе, посвященной вопросам функционирования буддийского культа у монгольских народов [Житецкий 1893; Смирнов 1999; Позднеев 1993; и др.],

как правило, приводятся общие сведения о храмах, составе духовенства, основных богослужениях и ритуальных действиях, однако информации по табуированным действиям в отношении культовых объектов или монашеской сангхи нами обнаружено не было.

3. Композиционная структура

«Сутра о плоде» имеет традиционную для сутр композицию:

1. Полное название сутры, но только на ойратском, без аналогов на санскрите и тибетском, — «Святая сутра, называемая „Наставление о причинах и результатах благого и неблагого, изъянах мира“» (ойр. *xutuqtu sayin ba: mou ba kigēd: gem yertünčuyin šiltāni ači üreyi: üzülküi neretü sudur*). В конце текста приводится альтернативное название «Повествование о плоде и пользе» (ойр. *ači üreyin touji*).

2. Формула поклонения всем буддам и бодхисаттвам (ойр. *xamuq burxan bodhi sado-nartu mürgümüi*).

3. Описание исходной ситуации, в которой бодхисаттва Ананда задает Будде Шакьямуни вопросы о многочисленных крайностях и противоречиях человеческой жизни (бедность – богатство, красота – уродство, счастье – страдание, долголетие – короткая жизнь, высокое происхождение – низкое происхождение и т. д.) и просит объяснить причины их возникновения.

4. Ответ Будды, в котором он объясняет последствия благих и неблагих поступков человека.

5. Выражение радости слушателями — небожителями, людьми, асурами и гандхарвами.

6. Заключительная формула благопожелания *sarvā maṃ ghaṃ*.

7. Фраза о завершении текста.

8. Дополнительное дидактическое повествование — беседа Будды и брахмана.

Как указано выше, последний элемент присутствует только в петербургской рукописи. Он отделен от основного текста сутры, поскольку следует за фразой о завершении сочинения, начинается с фразы вводного характера, маркирующей начало нового сочи-

нения «С верой припадаю к стопам учителя Будды, неотделимого от Учителя» (ойр. *blama-luγā ilγal ügei burxan baqšiyin ölümöyidu süzülün mürgümüi*). Беседа выстроена в виде вопросов брахмана и ответов Будды, которые по структуре напоминают триады афористической поэзии, распространенные в фольклорной традиции монгольских народов, а также представленные в образцах повествовательной литературы, переведенных с тибетского языка [Бичеев, Эрдэмт 2020: 25, 31–34]. Приведем примеры: «О монахе, есть ли что-то острее меча, есть ли что-то сквернее яда, есть ли что-то жарче огня, есть ли что-то темнее ада?» (ойр. *ā toyin yambar youman xur<a>ca ildu-ēce neng γutālxu [=utulxu]: yambar youmin xurun [=xoron]-ece neng γutāxui: yambar yuumin γal-ēce neng tülküi yambar yuumin tamu-ēce neng xaranguyi bui*), ответ Будды: «О брахман, острее меча резкое недоброжелательное слово, сквернее яда — неправильные воззрения и ядовитый злой ум, жарче огня — гнев вспыльчивого жестокого человека, темнее ада — человек, погрязший в невежестве» (ойр. *ai biraṃin šüröün xatuu muu üge xur<a>ca ildu-ēce neng utulxu: buruu üzel kigēd xortu mou sedkil xoran-ēce neng γutāxu: ötör uuralaqči doqšin kü/müni ürin γal-ēce neng tüleküi: mungxaq zönöqtü uxān ügei kümün tamu-ēce xaranguyi bui*).

4. Кармические результаты благих и неблагих действий

Описываемые в разделе 4, который составляет содержательную часть сутры, кармические результаты благих / неблагих действий могут относиться к:

1) внешности или физическим характеристикам:

– красивая (ойр. *γō üzeskülengtu*) / некрасивая (ойр. *üzesküleng ügei önggü ügei mou önggütü*) внешность. В первом случае предпосылкой является медитация о парамите нравственности с применением любящей доброты (ойр. *asaraxui sedkil-yēr šaqšābad barimad bišilyaqsan*) в прошлой жизни, во втором — вступление в конфликт с ламой-Учителем и несдержанный гнев в его сторону (ойр. *blama baqšiyigi dāyiriji our kiling ese xariuluqsan*). К положительным качествам физического облика можно отнести обладание полноценными органами чувств и ясным умом (ойр. *erketen бүрин*

sedkil gegēn boluqçi), которое объясняется как результат чтения сутр и размышления об их смысле (ойр. хамуq sudur bişilıyaqsanı unğşıqsan). В качестве другой предпосылки обладания внешней красотой и полноценными органами чувств называется совершение подношений монастырям и ступам на уровнях тела, речи и ума и почтительное отношение с чистыми помыслами к монашеской сангхе (ойр. beye kelen sedkil-yēn şütēni söme suburıyan sayitur takıd yeke burasang хувараги күндүлен ариуна sedkiqsan).

Гораздо более многочисленны описания ситуаций, когда человек в силу прежде совершенных дурных деяний имеет внешние изъяны:

– черное тело, словно запачканное чем-то, и красноватые глаза (ойр. beye харлаји ıoton nidun ulanggir boluqçi). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек погасил свет лампы или как-то препятствовал лучезарным наставлениям Учения Будды (ойр. zulayin genel kigēd burхан nomiyin gegēn gereltu зарлиги түйдүqsan), или, погасив лампаду, исполнял грешные скверные желания (ойр. zulayin gereli söñöji nüültu mou burataq күseli üyiledüqsan);

– вытянутую губу или отсутствие способности говорить (ойр. хоşıun utu kelen kelekei boluqçi). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек съел подношение для Учения Будды и не прочел священный текст или молитву-благопожелание (ойр. burхан nomiyin хорими idēji nom ese unğşıqsan ese igöqsön). Далее в тексте причина рождения немым также объясняется как результат принижения Учителя, Будды и Учения (ойр. blama burхан nomi dogomjiloqsan); обращение к благочестивому монаху с плохими словами или проклятьями и неподобающее поведение (ойр. ariun bursang хувараqtu mou üge-bēr dayiriji харāji харşilaji tere buruu харşilan yabuqsan);

– красные глаза, которые не видят (ойр. nidun ulān soxor boluqçi). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек лишал существ глаз (ойр. amitani nidü tesüleqsan);

– отсутствие способности слышать (ойр. çikin дүlei boluqçi). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек проявлял

недовольство, когда кто-то читал священные тексты (ойр. пом ungšiqčigi ese tālaqsan);

– кривой нос (ойр. xabartu gem boluqči). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек подносил Учителю, Будде или монастырю нечто грязное и зловонное (ойр. mou ünürtü burtaq-yēr blama burxan nomi ese (?) takiqsan);

– «заячью губу» (ойр. urel setürkei boluqči). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек ел живность, которая заводится в рыбьей чешуе (ойр. zaγasun хоуогийин [=хогохоуин] маха ideqsен);

– нарывы, ранки, язвочки на теле (ойр. beyedü mou yara γaruqči; mou yara šarxan γarajı; beyedu namurusun iladun γarajı umulji ülü boluqči). Это может быть результатом нескольких действий: в прошлой жизни этот человек разводил дым рядом с Учителем, Буддой или ступой (ойр. blama burxan kigēd suburγan-bēr šütēni oroni ba utān-yēr utaqsan); разрушил место поклонения Трем Драгоценностям (ойр. γurban erdeniyin šütēni oroni ebdeqsен); всячески измывался над живыми существами (ойр. amitani eldeb züyil-yēr ürgülji načiqsan);

– кривые или увечные конечности (ойр. γar köl takir doγolong boluqči). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек не вставал в знак почтения перед ламой–Учителем и родителями (ойр. blama baqši kigēd ečige ekēgi ese күндүлүqsани ese bosuqsan);

– горб или другие увечья (ойр. beye бүгүтер мохур болуqči). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек проявлял недовольство, отворачивался от образа Татхагаты и вытягивал в его сторону ноги (ойр. tögүнčilen ireqseni šütēn-du buruu xanduji ülü tālaji köl-yēn esürgü jiyiqsan);

– неполноценные органы чувств и глупый ум (ойр. erketen ese geiyqsен mungxaq boluqči; erketen dotuu ese бүридүqsен). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек был животным (ойр. aduusuni töröldu töröqsön) или нарушил обет целомудрия (ойр. sanvar šaqsabadi ebdüqsan ese takiqsan);

– плохой запах изо рта вкупе с низким происхождением (ойр. töröl dorо bolöd aman inu ümükei boluqči). Это результат того, что в прошлой жизни этот человек произносил проклятия и плохие слова (ойр. mou üge-bēr γar-yēn [=xarān] od ügei sögüqsön);

– несоответствие половых признаков полу (ойр. *ere emeyin belge ese zokoqsun*)¹;

2) благосостоянию:

– богатство объясняется как результат практики в прошлой жизни парамиты щедрости (ойр. *öqligü bari/mad ögüqsön*), а также совершения корней добродетели (ойр. *dēdudu buyani ündüsün ürgülji üyiledün: öqligü barimad takil örgüqsen*); совершения подношений Трем Драгоценностям, Учителю и родителям любимым имуществом (ойр. *γurban erdeni kigēd baqši inu: eǰige ekedu ger tergen ed barān kigēd yeke takil öqligü ögüqsen*), а бедность — как результат препятствования совершению благих поступков из зависти (ойр. *sayin buyani üyiledü sād zedker keji xaramnaǰi ese üyiledüqsen*);

3) наличие потомства:

– рождение множества сыновей объясняется как результат заботы о многих существах с любящей добротой (ойр. *olon amitani asaran teǰēqsen*); вкупе с долголетием и богатством — как результат совершения благих поступков в целом, спасения живых существ от смерти и зарождения любящей доброты (ойр. *buyantu sayin üyile üyiledun amitani ami aburajǰi asaraxui sedkil-yēr tögülder boluqsan*). Невозможность иметь детей (ойр. *üre ügei uyisan boluqǰi*) является результатом кастрирования коня, быка или барана (ойр. *mörin üker xoni čimkeqsen*) в прошлом;

4) происхождению:

– высокое происхождение объясняется как результат почтительного отношения и совершения подношений ламе и Будде (ойр. *blama burxani ariun kündülün takin üyiledün mörgün bišireqsan*), низкое, в том числе рождение прислугой, — как результат высокомерия по отношению к другим (ойр. *busud-ēce dēruki sedkil öüskeqsen*) или неуплата долга (ойр. *öri tölö ese ögüqsen*);

¹ В рассматриваемом тексте объяснение причины отсутствует. Во втором списке сочинения говорится, что это результат того, что в прошлой жизни человек кастрировал пса (ойр. *pochoi čimkiqsen*). В тибетской версии, помимо пса, также упоминается боров (ойр. *khyi dang phag nams kyi rlig pa bcad pa*).

5) продолжительности жизни:

– долголетие, как упомянуто выше, вместе с богатством и наличием потомства является результатом спасения живых существ от смерти и зарождения любящей доброты; короткая жизнь выпадает в случае лишения многих существ жизни и обладания властью убивать и сокращать жизни в прошлом (ойр. *amitani ami olo taslād alaxu utulxu irigeleqsan [=erkeleqsan]*). В то же время в тексте отмечается, что случается так, что грешники живут долго. Причина этого в том, что сосуд для грехов еще не заполнен до конца ('букв. до горлышка')¹ (ойр. *kilenceyin sabayin ama ese duuroqsan*).

5. Особенности в поведении человека

Интерес представляет описание поведенческих особенностей человека, объясняющихся как кармические отпечатки предыдущих рождений в животном облике:

Ойратский текст	Русский перевод ²
<i>ariun buratagi ilγal ügei ideqçi tere yuuni küčun bui: uridu zayāndu γaxaiyin töröldü töröqsöni mou abiyāsi/yin küčun bui: [ВФ СПбГУ. Л. 7r: 4–9]</i>	В силу чего человек принимает пищу, не разделяя ее на чистую и грязную? В силу негативного отпечатка того, что в прошлой жизни он был свиньей.
<i>töröl dorо бүгүтөлө өбөрө sayīd-luyā saca boltuyai: kemēn küseqçi/-du tere youni küčun bui: uridu zayāndu noxoyin töröldü töröqsöni küčun bui: [ВФ СПбГУ. Л. 7r: 14–20]</i>	В силу чего у простолюдина появляется желание сравняться с аристократами более высокого происхождения? В силу того, что в прошлой жизни он был собакой.

¹ Эта концепция вызывает интерес, поскольку прежде не встречалась автору в литературе, посвященной буддизму.

² Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

mon kümün bügütölö erketen ese geyiqsen mungxaq boluqçi tere yuuni küçun bui: uridu uridu zayāndu aduusuni töröldu töröqsöni küçün bui:: [ВФ СПбГУ. Л. 6r: 26 – 6v: 3]	Также в силу чего человек рож- дается лишенным какого-то ор- гана чувств и глупым? В силу того, что в прошлой жизни он был животным.
könggün boson [=buşuun] nisün yabuqçi tere yuuni küçun bui: uri/ du zayāndu sar-meçini töröldu töröqsö[n] küçün bui: [ВФ СПбГУ. Л. 6v: 3–8]	В силу чего человек рождается непоседливым и легкомыслен- ным? В силу отпечатка того, что в прошлой жизни он был обезьяной.

Некоторые из дурных деяний, совершаемых человеком, приво-
дят к рождению в трех неблагоприятных участках: животным, в мире голод-
ных духов-претов и различных адах:

Ойратский текст	Русский перевод
basa busud emedu хорисахуй- ду bayasuqçi tere youni küçun bui: mou abyaşiyin küçun-du ükēd saca anggir kigēd kitaröün şobuun-du törökü boluyu: [ВФ СПбГУ. Л. 7v: 17–23]	Также в силу чего возникает влечение к чужим женщинам? В силу [данного] плохого от- печатка человек сразу после смерти перерождается турпан- ном или воробьем.
suduriyin ayimaq kigēd şaştir nom kigēd terigüüteni xaramnaşi busud/tu inēdu ülü üzöülüqçi ükēd saca хорту амурюду töröyu [ВФ СПбГУ. Л. 7v: 24–29]	Те, кто проявлял скупость от- носительно текстов больших сутр, комментариев и учений и не показывал их другим, после смерти рождаются ядовитым чудовищем.
sumu numu barişi kül/gün kigēd abalaşi alaxu utulxuyidu bayasuqçi tere dorо ügei ulus kigēd noxoi çino харсаға mis coburi terigüüten amitani amindu	Те, кто любит охотиться и уби- вать, вооружившись луком и стрелами и сев на коня, такие люди, ниже которых нет ни- кого, после смерти рождаются

<p>xor keqçindü töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8r: 1–9]</p>	<p>собакой, волком, ястребом, котом, шакалом и прочими существами, приносящими вред.</p>
<p>kebteji idē ideküiyidü duralaqçin kigēd önggütu xobcasun ümüsküydü durlaqçin bayasuqçin ba ükēd saca yaxai kigēd toyoroun šobuundu töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8r: 9–16]</p>	<p>Те, кто любит есть лежа и носить яркую одежду, сразу после смерти рождаются свиньей или журавлем.</p>
<p>busudiyin ügeigi udexaji xudal boloyji öbörön ügēn ünēn kemēn nādondu bayasuqçi ükēd saca toti šobuundu töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8r: 16–21]</p>	<p>Те, кто любит развлекаться, говоря, что другие врут, а они сами говорят правду, сразу после смерти рождаются попугаем.</p>
<p>dēdušiyin aman-du ariun busu idē öqligü ögüqseni küçundu ükēd saca xortu burtaq keltu xoroxoyidu töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8r: 22–27]</p>	<p>Силой деяния, когда совершают подношение возвышенным существам и чистой, и скверной пищей, такие люди рождаются ядовитым насекомым с грязным языком.</p>
<p>xourmaq xadaxā üge ögüüleküidu bayasuqçin ükēd saca xortu amuryu moyoi-du töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8r: 27 – 8v: 2]</p>	<p>Те, кто любит врать и вести грубые речи, сразу после смерти рождаются огромной ядовитой змеей.</p>
<p>saca amuryu xoroxoi/du töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 2–6]</p>	<p>Те, кто любит причинять вред жизням безгрешных существ, сразу после смерти рождаются огромным насекомым.</p>
<p>xob šib üge ögüüleküydü bayasuqçin ükēd saca muu yorotu uuli šobuundu töröyü: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 6–10]</p>	<p>Те, кто любит клеветать и проклипать, после смерти с рождаются совой, имеющей низкое происхождение.</p>

<p>mou xokir üge ögüüleküi-du bayasuqçin ükēd saca ölösöqsen ünegendu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 10–14]</p>	<p>Те, кто любит произносить глупые слова, сразу после смерти рождаются голодной лисой.</p>
<p>busudiyin ayıl̄yaqçiyin küçunbēr üiledüqçin ükēd saca olon aban dotoro oroqson buxa hatuu doqšin görösündu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 14–20]</p>	<p>Те, кто пугает других, сразу после смерти рождаются жестоким животным оленем, попадающим в многочисленные ловушки.</p>
<p>činadustu mou gemürüküi orondu töröqçin ükēd saca doqšin xortu xoroxoi-du töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 20–25]</p>	<p>Те, кто порождают гнев по отношению к врагам, сразу после смерти рождаются свирепым ядовитым насекомым.</p>
<p>uridu zayāndu burxan nomi yeke ariun burasang xuvarayuudiyin ömönö eldeb mou burataq tōsu küdölgüqçi tērme erigüüluqçi burataq keqsen ene zayāndu olon toloyoyitōi biridtu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 8v: 25 – 9r: 3]</p>	<p>Если в прошлой жизни человек поднимал пыль или разводил грязь в присутствии великих незапятнанных монахов, относящихся к Учению Будды, поворачивал жернова, также создавая грязь, в этой жизни он родится претой с множеством голов.</p>
<p>uridu zayāndu busudiyin idēndu xor zedker keqsen ene zayāndu modun dotoroki xoroxoi-du töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9r: 4–8]</p>	<p>Тот, кто в прошлой жизни портил еду для других, в этой жизни родится насекомым, обитающим внутри дерева.</p>
<p>uridu zayāndu yeke bursang xuvaraqtu amalaqsan uuqsan idē xuluqçi ideqsen ene zayāndu zaγasun kigēd kilingtu matar zögüdu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9r: 8–13]</p>	<p>Если в прошлой жизни человек своровал еду, предназначенную для великого святого монаха, в этой жизни он родится рыбой или свирепым крокодилом.</p>

<p>uridu zayāndu yeke ariun bursang xubarayudiyin souridu ariun busu tōsu cacuqsan ene zayāndu burataq ümukei aqçi xoroxoyidu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9r: 14–20]</p>	<p>Если в прошлой жизни нечистый человек поднял пыль, оказавшуюся на сиденье непорочного монаха, в этой жизни он родится нечистым насекомым, копошащимся в гное.</p>
<p>basa yeke ariun burasang xubarayoudiyin zemis kigēd binzad idē xuluqçi ideqsen ene zayāndu nusu nilbusu ideqçi xoroxoi kigēd tērme tataqçi eljigen üker bolun töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9r: 20–28]</p>	<p>Также, если в прошлой жизни человек украл и съел фрукты или угощение, предназначенные для великого непорочного монаха, в этой жизни родится насекомым, питающимся соплями и слезами, ослом или коровой, тянущими жернова.</p>
<p>basa yeke ariun bursang xubarayoudiyin ed tabar yubiği doliji ögüqsen kemēn abuqsan ese öqbüsu xara sedkiltu biridtu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9r: 28 – 9v: 3]</p>	<p>Также, если человек берет имущество великого непорочного монаха, чтобы отдать долг, и обещает отдать, но не отдает, он родится претой с черными помыслами.</p>
<p>basa ariun burasang xubarayoudiyin amalaqsani xuluqçi ideqsen inu busudi xadaxon öbörön beye-bēn xadxoqçi öürgestu xoroxoi-du töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 4–10]</p>	<p>Также, если человек украл и съел пищу, обещанную непорочному монаху, он родится насекомым с шипами, которое, кусая (?) других, ранит себя.</p>
<p>ariun bursang xubarayoudiyin tabcangdu souqsan inu urtu söültu xoroxoi-du töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 10–14]</p>	<p>Человек, сядящий на сиденье монаха с чистой нравственностью, в этой жизни родится насекомым с длинным хвостом.</p>

<p>basa yeke ariun burasang xuvaryuudiyin dēdustu amal-aqsani ed barāni öbörön bolān üyiledüqçi ükēd erbeyikēdu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 14–19]</p>	<p>Также, если человек присвоил себе имущество, обещанное великому непорочному монаху, сразу после смерти он родится бабочкой.</p>
<p>basa ariun söme kiyidiyin dotoro untaqsan kümün inu ükēd saca ümükē kükü šobuundu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 19–23]</p>	<p>Также, если человек спал в чистом храме или монастыре, сразу после смерти он перерождается кукушкой, издающей запах гнили (?).</p>
<p>suburyan kigēd burxan nom ba šütēni oroni alxaqsan inu ükēd saca temēndu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 24–27]</p>	<p>Совершивший грех переступания через ступу, статую Будды, священный текст или любой другой объект поклонения, сразу после смерти родится верблюдом.</p>
<p>blama kigēd burxan nom terigüütendu burataq takil üyiledubēsu kizār çazarā aqçi melekēdu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 9v: 27 – 10r: 2]</p>	<p>Если человек совершает нечистые подношения учителю, Будде, Учению и пр., он родится лягушкой, живущей на окраинной земле.</p>
<p>nom ungšixui sonosxui sedkiküi caqtu olon dongyodun sedkil alayasun xuluquqçi ükēd saca nayiman keletü šobuun kigēd: ödör söni alzaxu metü dongyoduqçi amitandu töröyu: töröd saca ariun dēdü arxayoudiyin sedkil nēji sayīd zedker üyileduqçin inu ükēd saca tamudu töröd xayiluqsan</p>	<p>Если человек во время слушания учений, чтения священных текстов и размышления над смыслом много болтает с другими и его ум отвлечен, сразу после смерти он родится птицей с восемью языками. Он родится существом, которое болтает без устали и днем, и ночью. Если он препятствует высшим</p>

<p>tömör delekei dēre zuun mingyan meseyin kürdüni beyedu šaxaĵi utuĉixu buluyu: [ВФ СПбГУ. Л. 10r: 2–20]</p>	<p>непорочным архатам, то сразу после смерти оказывается в аду, и его тело разрезают сотни тысяч мечей в виде колес на земле из расплавленного металла.</p>
<p>ene zayāndu busudiyin beye-ēce debel xobcasun adal terigüüten–ni bulaĵi abun üyiledüqčün ükēd saca tamudu töröyu tamu-ēce nöqčid yong-xor utusuni yabuqči xoroxoi-du töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 11v: 28 – 12r: 6]</p>	<p>Тот, кто в этой жизни занимается кражей чужой одежды и прочего, сразу после смерти окажется в аду, после ада же переродится шелкопрядом</p>
<p>ene zayāndu ayimaq sudur burxani ömönö eldeb zuyil takil tergüüteni zula šitāxui-du ülü tālaqči tere ükēd saca yeke burataq you nükendü öni kebteqči amitan-du töröyu ecustu xab xarangyui tamudu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 12r: 7–17]</p>	<p>Тот, кто в этой жизни не любит ставить разнообразные подношения перед текстами больших сутр или изображениям Будд, зажигать лампы, сразу после смерти переродится существом, которое постоянно лежит в грязной норе, а затем в полностью темном аду.</p>
<p>ene zayān/du amitani ami tasulād doqšin-yēr yabuqčün ükēd saca uula kigēd ildu namčitu modundu ölgüqdēd saca tamuyin xuraca mesedü ölgüqdekü: tüme üküĵi tüme edegeküi tamudu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 12r: 17–27]</p>	<p>Тот, кто в этой жизни лишает живых существ жизни и проявляет жестокость, сразу после смерти окажется на холме подвешенным на деревьях, на которых вместо листьев мечи, и его подвешат на острые адские мечи. [Затем] он родится в возрождающем аду, где будет умирать и воскресать десятки тысяч раз.</p>

<p>ene zayāndu abulaǰi noxoi kigēd šobuu šobuuluqçi tere üküđ saca kürödöüǰi xaǰalaǰi keseq keseq utulxui tamudu töröyu: [ВФ СПбГУ. Л. 12r: 27 – 12v: 3]</p>	<p>Тот, кто в этой жизни занимается охотой и использует для этого собак и птиц, сразу после смерти переродится в аду, где тело распиливают на куски пилой.</p>
--	--

Отдельно стоит привести характеристики добродетельного и грешного человека, которые дает Будда в ответ на второй вопрос Ананды и которые представляют одну из основных тем китайских апокрифов:

1) ‘Если говорить о том, каковы добродетельные, лишь только увидев [образ] Татхагаты, они выражают почтение и веру, словно увидели Будду живую, искренне интересуются и запоминают смысл больших сутр, раскаиваются в грехах, не жалея жизни, и днем, и ночью размышляют о Дхарме и испытывают истинную веру. Такие верующие, делая хотя бы шаг, попадают в божественный дворец будд. Вознося благопожелания, обретают кармические плоды, подобно домохозяевам’ (ойр. buyantu sedkil yamabar bui kemēbēsu: keyid-bēr söme keyid xotolo balıasundu kürbēsu tögünçilen ireqsedı üzēbēsu burxani beye üzeqsen metu kündülen mürgün bişiren üyiledun suduriyin ayimagiyin udxāǰi asaıun ünen-yēr sanabar abçi nüül kilince-yēn namançilan amin beye-bēn ülü xayırlan ödör söni nomi sedkiǰi ünen-yēr bişiren barin üyiledbēsu süzeqten tere metu nigen alxabēr burxan üleşi ügei xaraşı gerte ireǰi iröküi caqtu geriyin ezen şütēn metü zayāni açi üre kürtekü boluyu) [ВФ СПбГУ. Л. 10v: 9 – 11r: 2];

2) ‘Если говорить о том, каковы грешники, они, попав в монастырь, храм или город или встретив великих непорочных монахов, всегда ищут в них недостатки, оскорбляют их, выказывают недовольство, съедают подношение, предназначенное для монашеской сангхи, не читают тексты Дхармы, не возносят молитвы-благопожелания. Сразу после смерти они попадают в ады, где [им в горло] вливают раскаленный металл, они варятся в кипящих медных котлах, словно пшеница, сгорают в пожаре среди зарослей камыша, их подвешивают на деревья, листья на которых подобны обо-

юдоострым мечам, — [таким образом,] они испытывают подобные разнообразные страдания' (ойр. *nüültü sedkil yambar bui kemēbēsü: ken-bēr süme keyid xoto balıasun-du yeke şütēni xuvaragiyin üzesküleng asaıād: xoyışıdo gem eriji doromjilon ülü tālan: xutuqtu xuvaragiyin edi edleji nomi ülü unğşin: irōl-yēr ülü irōn bātur sedkil-tü yabudal-yēr xamugi xulaqçı nuuji yabuxui üyiledüqçi: ükēd cacuu ulayidxaqsan keseq tömür ideqsen metü tamudu unād: zes toıōn dotoro ıaqca tarā bucalıaqsan metü: xulusuni oyidu tüyimer şitaqsan-du adali xoyor irtü mesedü adali nabçıtu modun-du ölgüqdeji zoboxu ali ali tere zobolonggi üzekü boluyu*) [ВФ СПбГУ. Л. 11r: 5–30].

6. Аксиологические константы

Анализ содержания текста ойратской рукописи позволяет нам выстроить определенную «систему координат», регулирующую поведение буддиста-мирянина. Описываемые в тексте благодеяния, являющиеся предпосылкой различных благ, помимо общеправильных практик (совершение добродетелей, возвращение со-страдания, любящей доброты, практика различных парамит), как правило, связаны с правилами поведения по отношению к Трем Драгоценностям, культовым объектам, священным текстам, монахам и т. д. Приведем ниже перечень положительных действий:

– почитание, поклонение, возвращение веры в Учителя и Будду (ойр. *blama burxani ariun kündülün takin üyiledün mörgün bişireqsan*);

– совершение подношений Трем Драгоценностям, Учителю и родителям (ойр. *ıurban erdeni kigēd baqşı inu: eçıge ekedu ger tergen ed barān kigēd yeke takil öqligü ögüqsan*);

– начитывание вслух текстов больших сутр (ойр. *xamuq [=ayımaq] sudur bişilyaqsani unğşıqsan*);

– совершение подношений храмам и ступам, опорам тела, речи и ума, почтительное отношение и чистые помыслы по отношению к великой монашеской сангхе (ойр. *beye kelen sedkil-yēn şütēni söme suburyan sayitur takıd yeke burasang xuvaragi kündülen ariuna sedkiqsan*);

– практика, переписывание и размышление над смыслом сутр обширных учений Махаяны с верой (ойр. *ayui yeke külgün nomi ünēn-yēr bütēqsan biçiqsen bişilyaqsan*).

К действиям, имеющим негативные последствия, в тексте перечисляются следующие:

– лишение многих существ жизни и обладание властью лишать и прерывать жизнь (ойр. amitani ami olo taslād alaxu utulxu irigeleqsan [=erkeleqsan]);

– измывание разными способами над живыми существами (ойр. amitani eldeb züyil-yēr ürgülji načiqsan);

– нагружение существ тяжелой ношей (ойр. yeke күндү ача ақиqsan);

– страсть к охоте и вооружению (ойр. sumu numu barıjı күлгүн кигед абалаји alaxu utulxuyidu bayasuqči);

– получение удовольствия от причинения вреда безгрешным существам (ойр. kilis [=kilince] ügei amitani amindu хор üyiledküi-du bayasuqči);

– принуждение других к действиям с помощью насилия или устрашения (ойр. busudiyin ayı[=u]ıyaqçıyın күчүн-bēr üiledüqči);

– препятствование принятию пищи другими (ойр. busudiyin idēndu хор zedker keqsan);

– прерывание жизней живых существ и жестокость (ойр. amitani ami tasulād doqšin-yēr yabuqči);

– охота с собаками и птицами (ойр. abulaји noxoi кигед šobuu šobuuluqči);

– кастрирование коня, быка, барана (ойр. mörin üker хони čimkeqsan);

– кража чужой одежды и имущества (ойр. busudiyin beye-ēce debel хобcasun adal terigüüten-ni бұлаји abun üyiledüqči);

– привычка есть лежа и рядиться в яркую одежду (ойр. kebtеји idē ideküiyidü duralaqčın кигед önggütu хобcasun ümüsküiyidü durlaqčın bayasuqčın);

– удовольствие от того, что выставил другого обманщиком, а себя — говорящим правду из забавы (ойр. busudiyin ügeigi udeхаји худал болуoji öböгөн üгән үнен кемән nādondu bayasuqči);

– удовольствие от произнесения лживых и грубых слов (ойр. хourmaq хadaхā üge ögüüleküi-du bayasuqči);

– удовольствие от произнесения клеветы и проклятий (ойр. хоб šib üge ögüüleküiyidü bayasuqči);

– удовольствие от произнесения ругательств (ойр. *mou xokir üge ögüüleküi-du bayasuqçi*);

– проклинание и сквернословие (ойр. *mou üge-bēr yar-yēn [=xarān] od ügei sögüqsön (?)*);

– препятствование совершению добродетелей из зависти (ойр. *sayin buyani üyiledü sād zedker keji xaramnaji ese üyiledüqsen*);

– высокомерие (ойр. *busud-ēce dērüki sedkil ööskeqsen*);

– влечение к замужним женщинам (ойр. *busud emedu xoricaxui-du bayasuqçi*);

– зарождение гнева по отношению к врагам (ойр. *činadustu mou gemürüküi orondu [=urin] töröqçi*).

Остальные табуированные неблагие действия имеют буддийскую специфику. Это могут быть поступки по отношению:

1) к Трем Драгоценностям, ламе-Учителю как четвертой Драгоценности и опорам веры (храмы, статуи, ступы):

– принижение ламы, Будды или Учения (ойр. *blama burxan nomi doromjiloqson*);

– вступление в конфликт с ламой, учителем и проявление гнева (ойр. *blama baqšiyigi dāyiriji our kiling ese xariulaqsan*);

– поднесение ламе, Будде или храму чего-то зловонного и грязного (ойр. *mou ünürtü burtaq-yēr blama burxan ese (?) takiqsan*);

– разведение дыма около ламы, Будды или ступы (ойр. *blama burxan kigēd suburyan-bēr šütēni oroni ba: utān-yēr utaqsan*);

– проявление непочтительности по отношению к ламе, учителю или родителям, когда человек не встает (ойр. *blama baqši kigēd ečiḡe ekēgi ese kündülüqsanı ese bosuqsan*);

– отворачивание от образа Татхагаты или вытягивание ног в его сторону (ойр. *tögünčilen ireqseni šütēn-du buruu xanduji ülü tālaji köl-yēn esürgü jiyiqsan*);

– разрушение места поклонения Трем Драгоценностям (ойр. *yurban erdeniyin šütēni oroni ebdeqsen*);

– приведение в движение жерновов, поднимающих пыль или грязь, перед храмом Будды или великим святым монахом (ойр. *burxan nomi yeke ariun burasang xuyarayuudiyin ömönö eldeb mou burataq tōsu küdölgüqçi tērme erigüülüqçi burataq keqsen*);

– ночевка в святом храме или монастыре (ойр. *ariun söme kiyidiyin dotoro untaqsan*);

– переступание через ступу, образы Будды или Учения (ойр. *suburyan kigēd burxan nom ba šütēni oroni al{xa}qsan*);

– совершение грязных подношений ламе, Будде, Учению и т. д. (ойр. *blama kigēd burxan nom terigüütendu burataq takil üyiledu{bē}su*);

– поднесение божествам чего-то без разделения на чистое и грязное (ойр. *dēdüsüyin aman-du ariun busu idē öqligü ögüqsen*).

2) к священным текстам или устным проповедям:

– проявление недовольства при чтении священных текстов (ойр. *nom ungšiqčigi ese tālaqsan*);

– утаивание и прятание больших сутр, шастр и других священных текстов от людей из жадности (ойр. *suduriyin ayımaq kigēd šaštir nom kigēd terigüüteni xaramnaǰi busudtu inēdu (?) ülü üzöülüqči*);

– болтовня и отвлечение ума во время для слушания, чтения и размышления об Учении (ойр. *nom ungšixui sonosxui sedkiküi caqtu olon dongyodun sedkil alayasun xuluıyüqči*).

3) к различным предметам, имеющим буддийскую символику:

– игра на ритуальных инструментах — цимбалах и барабанах — ради забавы (ойр. *burxani takil čing [=cang]-yēr nāduqsan*);

– проявление недовольства при поднесении разнообразных подношений Будде и возжигании лампад (ойр. *burxani ömönö eldeb zuyil takil tergüüteni zula šitāxui-du ülü tālaqči*);

– задувание лампы и исполнение грешных грязных желаний (ойр. *zulayin gereli söñdži nüültu mou burataq küseli üyiledüqsen*).

4) к духовенству:

– нарушение обета целомудрия развратом (ойр. *sanvar šaqsabadi ebdüqsan ese takiqsan [=sakiqsan]*);

– взятие взаймы имущества и скота, принадлежащего целомудренному монаху, и невыполнение обещания отдать (ойр. *ariun bursang xuvarayoudiyin ed tabar ıubıǰi dolıǰi ögüqsen kemēn abuqsan {ese} öqbüsu*);

– кража и поедание фруктов или угощения для великого целомудренного святого монаха (ойр. *yeke ariun burasang xuvarayoudiyin zemis kigēd binzad idē xuluqči ideqsen*);

– кража и поедание пищи, поднесенной святому целомудренному монаху (ойр. *ariun burasang xuyaraγoudiyin amalaqsani xuluqči ideqsen*);

– сквернословие по отношению к великому целомудренному монаху и вступление с ним в конфликт (ойр. *ariun bursang xuyaraqtu mou üge-bēr dayiriji harāji haršilaji tere buruu haršilan yabuqsan*);

– принижение великого монаха, создание препятствий в возведении храмов и ступ, опор тела, речи и ума (ойр. *beye kelen sedkiliyin xoto suburγan keküyidü sād zedker keleqči yeke burasang xuyaragi doromjiluqči*);

– осквернение пылью сидения великого целомудренного монаха тем, кто нечист (ойр. *yeke ariun bursang xuyaraγudiyin souridu ariun busu tōsu cacuqsan*).

7. Заключение

Оригинал ойратской рукописи «Сутра о плоде» относится к китайским апокрифическим текстам, которые создавались в период правления династии Тан с целью формирования буддийских мирских общин. Эта сутра, несмотря на свое происхождение, в тибетском и монгольском переводах вошла в Кагьюр (Ганджур), и, очевидно, использовалась буддийскими священнослужителями в дидактических целях. По содержанию она представляет собой беседу Ананды с Буддой, в которой последний объясняет последствия благих и неблагих деяний, таким образом устанавливая дисциплинарный свод правил для буддиста-мирянина.

К действиям, имеющим положительный результат, относятся возвращение сострадания, практика шести парамит; совершение подношений храмам, ступам, Трем Драгоценностям, а также Учителю и родителям; чтение вслух, переписывание, способствование переписыванию и размышление над сутрами Махаяны.

Негативными в первую очередь называются действия, приводящие к страданию живых существ: на уровне тела — убийство, причинение боли, принуждение с помощью силы или устрашения, охота, кастрация, кража; на уровне речи — ложь, грубые слова, клевета, проклятия, сквернословие; на уровне ума — высокомерие,

зависть, гнев, влечение к замужним женщинам, праздность и пр. Определенные действия запрещаются в отношении Трех Драгоценностей, Учителя, священных текстов, буддийских ритуальных предметов: проявление непочтительности (в том числе поднесение оскверненных субстанций, разведение дыма и т. д.), ночевка в монастыре, переступание через образ Будды или Учения, проявление недовольства, рассеянности во время чтения священных текстов, утаивание текстов сутр, шастр из жадности и пр. Определенное количество правил предписывает отношение к монашеской сангхе: нельзя садиться на монашеское сиденье, красть скот, имущество и еду, предназначенные для монахов, сквернословить и принижать тех, кто наделен обетами.

К реалиям, отражающим специфику мировоззрения монгольских народов и обнаруживаемым только в ойратском тексте, можно отнести упоминание родителей наряду с буддийскими Тремя Драгоценностями — Буддой, Дхармой и Сангхой — и приравнивание их таким образом к высшим объектам почитания. К запретам, которые, очевидно, не связаны с буддизмом, а скорее могут относиться к более ранним воззрениям монгольских народов, можно отнести кастрирование коня, быка или барана (ойр. *mögi üker хопi ċimkeqsen*), что приводит к бесплодию в этой жизни (в тибетском тексте сутры написано, что рождение без половых признаков является результатом кастрирования пса или борова (тиб. *khyi dang phag nams kyi rlig pa bcad pa*)) и употребление в пищу рыбы или насекомых (ойр. *zayasun хоуогi/yin [=хогохоуин] маха ideqsen*), что может привести к рождению с заячьей губой. В тибетском тексте указывается другая причина такого рождения — протыкание жабр у рыбы (тиб. *пуа'i 'gram pa phug pa*). Сопоставление с тибетским и монгольским каноническими текстами «Сутры о плоде», включенными в Кагьюр (Ганджур), показывает, что в основе ойратского текста лежит либо другая тибетская версия, либо самостоятельная редакция, отличная от канонического монгольского текста, что требует дальнейшего изучения.

Сокращения

ойр. — ойратский;
тиб. — тибетский

Источники

- ВФ СПбГУ — (л. lb) *Xutuqtu sayin ba: muu ba kigöd: gem yertüncüyin šiltani ači üreyi: üzүүлкүй neretü sudurtu* // Рукописный отдел библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 16. Инв. № 1840. Прежний шифр Хул. Q 549. Коллекция К. Ф. Голстунского (1862). № 14.
- TNG — *Ači üreyin sudur orošiboi* // Digital Library for International Research Archive, № 11362 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11362> (дата обращения: 14 мая 2023 г.)

Литература

- Бичеев, Эрдэмт 2020 — *Бичеев Б. А., Эрдэмт М.* Триады в тексте «Истории Усун Дебескерту-хана» // Монголоведение. 2020. № 1. С. 22–36. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-22-36
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 73 с.
- Каталог сочинений... 2019 — Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 2: Индексы / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 952 с.
- Каталог... 1993 — Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указ. З. К. Касьяненко. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 382 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтное изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Сазыкин 2003 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. III. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.
- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям

- Астраханской губернии. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 248 с.
- Catalogue... 1999 — Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky. Tokyo, 1999. 530 p.
- Overmyer 1990 — *Overmyer D. L.* Buddhism in the Trenches: Attitudes toward Popular Religion in Chinese Scriptures Found at Tun-huang // Harvard Journal of Asian Studies 50-1. 1990. P. 197–222.

Мотив превращения героя в калмыцких сказках на сюжетный тип АТУ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Горяева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* В фонде калмыцких волшебных сказок существует несколько вариантов на сюжетный тип АТУ 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)». В этих сказках мотив превращения героя является сюжетообразующим. В данной статье впервые в калмыцкой фольклористике рассмотрен мотив превращения на материале сказочных текстов на сюжетный тип АТУ 400, записанных и опубликованных в разное время. *Результаты.* В гендерном отношении в сказках на сюжет АТУ 400 змея представлена в мужской ипостаси. Локализуется этот персонаж на земле в срединном мире людей (заросли бурьяна, степь). Изображение чудесного супруга в образе лягушки дает его локализацию в водной стихии (море, река). При сжигании шкуры змея / лягушки супруг — представитель верхнего мира поднимается на небо в обличи желтоголового лебедя. Мотив превращения чудесного супруга показывает «легкость» трансформации змеи в птицу, в рассмотренных текстах — лебедя. Атрибутом змеи / лягушки является «золотистость», представленная в разных формах, начиная от золотого брюшка и заканчивая золотым кольцом, промежуточным звеном можно назвать золотой след, оставляемый змеем. Указанный признак показывает принадлежность иному миру и отражает связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный». В образе желтоголового лебедя, помимо белого цвета, который коррелирует с соляной семантикой, отмечается еще и желтый, усиливающий эту связь. **Ключевые слова:** калмыки, волшебная сказка, сюжет, чудесный супруг, мотив превращения.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 53–66. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-2-26-53-66

The Motif of the Hero's Transformation in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400 «The Man on a Quest for his Lost Wife»

*Baira B. Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Goryaeva B. B., 2023

Abstract. Introduction. In the foundation of Kalmyk folktales, there are several options of the plot type ATU 400 «The Man on a Quest for His Lost Wife». In these fairy tales the motif of the hero's transformation is a plot-forming one. **Goals.** In this article, for the first time in Kalmyk folklore studies, the motif of transformation is considered in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400. **Results.** In terms of gender, in fairy tales based on the plot of AT 400, the snake is represented in a male hypostasis. This character is localized on earth in the middle world of people (thickets of weeds, steppe). The image of a wonderful spouse in the form of a frog gives its localization in the water element (sea, river). When burning the skin of a snake / frog, the spouse, a representative of the upper world, ascends to heaven in the guise of a yellow-headed swan. The motif of the transformation of a wonderful spouse shows the «ease» of the transformation of a snake into a bird, in

the considered texts — a swan. The attribute of a snake /frog is «golden», represented in various forms, starting from a golden belly and ending with a golden ring, an intermediate link can be called a golden trail left by a snake. This feature indicates belonging to another world and reflects the connection of the components of the semantic series «golden — sunny». In the image of the yellow-headed swan, in addition to the white color, which correlates with solar semantics, yellow is also noted, reinforcing this connection.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, magic assistant, motif of the hero's transformation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name «Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China» (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Goryaeva B. B. The motif of the hero's transformation in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400 «The Man on a Quest for his Lost Wife». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 53–66. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-2-26-53-66

1. Введение

В устной традиции многих народов мира распространен сюжет о супруге-представителе иного мира. В калмыцкой сказочной традиции также представлен сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)». Младшая из ханских дочерей вступает в брак со змеем (лягушкой), который выполнил трудные задания правителя. После нарушения запрета, когда зловредные сестры сожгли змеиную шкуру супруга, он возвращается в верхний мир. Жена отправляется на поиски мужа. Вышеуказанный сюжетный тип представлен несколькими вариантами в сказочном фольклоре калмыков. Мотив превращения в рассматриваемых текстах сказок является «динамическим», так как он «изменяющий ситуацию», «движущий» (по Б. В. Томашевскому). В связи с этим в настоящей статье мы поставили целью рассмотреть мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену».

2. Материал исследования

Материалом исследования явились опубликованные в различных сборниках сказки на данный сюжетный тип, а также текст, хранящийся в архиве Калмыцкого научного центра РАН. В фольклорной коллекции Габора Балинта представлено пятнадцать сказочных текстов. Четвертая сказка в записи венгерского ученого представляет собой вариант сюжетного типа ATU 400 [Kalmyk Folklore 2011: 235–239; Горяева 2017: 17–19]. В четырехтомном издании «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») сказки на рассматриваемый сюжетный тип представлены в первом [Хальмг туульс 1961: 204–206] и последнем томах [Хальмг туульс 1974: 11–15]. В репертуаре сказителя Санджи Бутаева имеется сказка «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») на сюжетный тип ATU 400 [Буутан Санжин 2008: 87–93]. В архиве КалмНЦ РАН имеется самозапись сказки на данный сюжетный тип, произведенная Василием Бакаевичем Манжиковым из с. Бургуста Калмыцкой АССР (ныне — Республика Калмыкия) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 150]. В литературном сборнике «Волшебный мертвец» сказка «Имеющий птичью оболочку» соотносима с сюжетным типом ATU 400. Отличие в том, что героиня, ставшая женой белой птицы, сама сжигает птичье обличие супруга. По совету мужа она призывает душу супруга до тех пор, пока она не вселилась в птичье чучело [Волшебный мертвец 1958: 58–61].

Мотив превращения в сказках на сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)» ранее в калмыцкой фольклористике специально не анализировался. Мотив превращения в сказочной традиции калмыков рассматривался нами в сказках на сюжетный тип ATU 325 «Волшебник и его ученик» [Горяева 2023a] и ATU 567 «Чудесная птица» [Горяева 2023б].

3. Змей — лебедь: превращение чудесного супруга

Изучение имеющихся в нашем распоряжении сказок на рассматриваемый сюжетный тип показывает, что в большинстве случаев младшая ханская дочь выбирает в супруги змея. Наиболее ранняя запись сказки, соотносимой с сюжетным типом ATU 400,

датируется концом сентября 1871 г. – маем 1872 г. В это время Г. Балинт записал ее среди астраханских калмыков, изучая разговорный язык монгольских народов. Согласно тексту, зафиксированному исследователем, большой желтый змей не пускал домой единственную желто-пеструю корову старика и старухи. В поисках пропавшей скотины старик встречает змея и в страхе не может подойти к пеструхе. Змей успокаивает старика и говорит ему, что ночью прибудет к ним. В юрте змей поднимает напуганных и спрятавшихся за сундуком супругов, занимает их кровать. Наутро по велению змея старик идет к хану сватать его дочь за своего новоявленного сына. Хан дает согласие отдать свою дочь при условии, что он построит от дверей своего дома до ханского дворца мост из золота, серебра, меди и бронзы. По двум сторонам этого моста должны расти фрукты, чтобы всадник мог их легко доставать и есть. Еще свой дом должен превратиться в желто-пестрый дворец. Для молодых отдельно построить желто-пестрый дворец. Змей выполняет все требования хана-отца. Ханская младшая дочь становится супругой змея. После свадьбы жене, умирающей со страха, муж приказывает раскурить трубку. Заглянув под полог, девушка видит смуглого мужчину с седыми волосами *халха цаһан үстэ харулан залу*. Назавтра с золотом в виде подарка зять отправляется к хану. В это время старшие дочери хана требуют у своей младшей сестры то, что превращает ее мужа в змея. Найдя его змеиную шкуру, они сжигают ее, и мужчина, сидевший во дворце хана, исчезает. Жена отправляется на поиски мужа. По совету ламы она находит марала, который поддев ее рогами закидывает в верхний мир. На небе девушка встречается с тремя сестрами мужа. Каждая из них во время игры в шахматы, спрятав невестку, спрашивает у брата о его земной супруге. Когда младшая золовка спросила о ней у брата, то он дал положительный ответ. Ханская дочь выходит из укрытия и остается с мужем [[Kalmyk Folklore 2011: 235–239](#); [Горяева 2017: 17–19](#)].

В рассмотренной сказке мотив превращения является сюжетообразующим. Чудесный супруг ханской дочери небесного происхождения в мире людей приобретает облик желтого большого

змея. При сжигании его шкуры муж-небожитель возвращается в верхний мир. Текст в записи Г. Балинта рисует страх старика, старухи, хана и ханской дочери перед змеем.

В сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змей») более поздней 1933 г. записи этот испуг перед змеем сменяется отвращением. Хан спрашивает у своих трех дочерей, кто из них выйдет замуж за змея, который выполнил его трудное задание: *Ик куукнь я тетэ, моһад кун оддмб? — гив. Я, тетэ, моһад кун оддмб? — гиж дундк куукнь келв. Би однав, — гиж дү эмтин бичкнь келв* 'Старшая дочь сказала: «Фу, за змея кто пойдет?». «Фу, за змея кто пойдет?» — ответила средняя дочь. «Я пойду», — сказала самая младшая' [Хальмг туульс 1961: 205].

Иное обличье приобретается юношей при одевании шкуры змея, поэтому после женитьбы он строго наказывает жене спрятать ее и отдать только в том случае, если будут угрожать жизни: *Маңдур өдртнь моһа хувлһән гергндән дүрүләд, Хурмустан теңгрин куукдлә нааднав, — гигэд, хун хувлһән авад, хун болад, һаң һуң гигэд нисэд йовад одна. Эман алн гихлә, эн хувлһиг өг, эс гиж куунд бичэ өг, — гив* 'Назавтра днем обличие змея дал запрягать жене, сказал, что полетит развлекаться с детьми Хурмустан тенгрия, взял обличие лебедя, превратился в лебедя, и с криком улетел. Если будешь при смерти, то отдай это обличье, иначе никому не давай, — сказал' [Хальмг туульс 1961: 205]. Когда старшие сестры разожгли камыш и стали поджаривать младшую, требуя обличие мужа, она вытащила из своего правого накосника-шивирлыка змеиную шкуру. Здесь следует отметить, что волосы женщины по традиционным представлениям воспринимались хранилищем жизненной силы супруга. После свадьбы волосы женщины делились на две косы, которые прятались в накосники из ткани, к низу которых крепились токуги как обереги от нечистой силы. При этом правая коса считалась вместилищем мужской энергии, а левая — женской.

В рассмотренной выше сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змей») происходит смена обличия змея на лебедя. Когда змеиная кожа стгорела в огне, дымок в виде змеи поднялся вверх, и желтоголовый

лебедь, пролетая над женой, бросил свое золотое кольцо, сказав, чтобы не искала его, так как он будет жить в месте слияния неба и земли. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой»), когда старшие сестры спалили лягушачью шкуру, герой обратился в желтоголового лебедя и улетел на небо. Таким образом, в представленных сказках происходит превращение змея (лягушки) в лебедя.

Т. В. Цивьян, отмечая «легкость взаимной трансформации» змеи и птицы, пишет, что отождествление змеи и птицы в ритуальных практиках «производится по контрасту: в определенном смысле птица и змея предельно противопоставлены друг другу, не похожи друг на друга» [Цивьян 2008: 236]. При этом «оказываются мифологически правомерными реальные основания, по которым змея отождествляется с птицей. Подмечаются их сходства: плоская, вытянутая голова; длинная, гибкая шея, как у гуся; блеск, гладкость, пестрота — соответственно перьев и чешуи; то, что обе они выводят потомство из яиц (здесь совпадает и терминология: одинаково обозначается жилище змеи и птицы — гнездо)» [Цивьян 2008: 239].

Лебедь как птица, принадлежащая двум стихиям: воздуху и воде, особо почитается в традиционной культуре и наделяется функцией медиатора между мирами. Уважительное отношение к лебедям у калмыков выражалось в запрете отстрела лебедей. Это обстоятельство усиливалось верой в то, что человек, убивший лебедя, потеряет свою супругу. В образе желтоголового лебедя, помимо белого цвета, который коррелирует с соляной семантикой, отмечается еще и желтый, усиливающий эту связь.

4. Образ змея в волшебной сказке калмыков на сюжет ATU 400

Исследователями отмечается, что «в фольклорной традиции калмыков образ змеи многозначен и динамичен» [Басангова 2014: 78]. В мифологии народа рога змеи воспринимаются как чудесный дар, с помощью которого можно исцелять различные нарывы, опухоли [Басангова 2014: 76].

В целом в монгольской традиции к змеям относились с большим почетом и уважением, называя их табуированным именем

хайрхан. Это обращение хайрхан подчеркивает, «что змеи относились к общим божествам, которых чтили все монгольские племена» [Дампилова, Сундуева 2020: 1169].

Кроме обличия змея чудесный супруг в калмыцких сказках на сюжетный тип АТУ 400 представляется также в образе лягушки. Сказки из репертуара сказителей Х. Салбыкова [Хальмг туульс 1974: 11–15] и С. Бутаева [Буутан Санжин 2008: 87–93] повествуют о том, что чудесный супруг имеет облик земноводного существа. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик со старухой живут у берега моря и живут ловлей рыбы. Однажды в сети старика попадает лягушка с золотым брюшком и серебряной головой *алтн чеежтэ, мөңгн дүрстэ меклэ* [Хальмг туульс 1974: 115]. Золотое брюшко и серебряная голова лягушки свидетельствуют о ее принадлежности «иному миру». Традиционная формула «чудесные дети», которой описан персонаж сказки, отражает связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. В. Я. Пропп отмечал: «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к другому царству» [Пропп 1986: 285].

В следующей сказке сын-лягушка уже не обладает «золотистостью», которую имеют боги, умершие и посвященные. В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») из репертуара С. Бутаева старуха, отправившись за водой на реку, в ее устье встречает лягушку, которая говорит по-человечески: *Үрн-саднь угаднь — үрн-садн болнав, ах-дү угаднь — ах-дү болнав* ‘Для тех, у кого нет детей, стану сыном, для тех, у кого нет братьев-сестер, стану братом’ [Буутан Санжин 2008: 87]. Старуха, испугавшись, бросила оземь ведро и убежала, восприняв это негативно. Реакция старика напротив является положительной, он идет к реке и приносит лягушку, которая может говорить. С появлением сына бедные старики разживаются маслом и молоком. Через семь дней усыновленная лягушка отправляет старика к хану сватать его дочь. Три дня подряд старик ездит к хану с предложением, его изрубуют в куски, с мясом коровы-трех-

летки, барана кладут в ведро и отправляют домой. Сын-лягушка оживляет старика-отца и животных [Буутан Санжин 2008: 88–89].

Здесь отметим способность главного персонажа, помимо собственного перевоплощения, оживлять и превращать предметы из одних в другие. Так, когда юноша-змея выполнял трудную задачу хана, то приказал старухе принести охапку бурьяна, а старику собрать мешок комьев глины. Глину старик раскидал от дверей ханского дворца до дверей своей юрты. Старуха повтыкала ветки бурьяна по обеим сторонам глины, со словами «пусть будет тополем» воткнула стебли подлиннее у дверей дворца и у своих дверей. Наутро от ханского дворца до юрты стариков появился золотой мост, по двум сторонам которого выросли фрукты. У дверей ханского дворца вырос тополь до неба, у юрты старика и старухи тоже тополь возвышался. В приведенном фрагменте юноша-змея проносит заклинание *уласн болтха* ‘пусть будет тополем’, которое следует повторить старухе [Хальмг туульс 1961: 205].

Кроме указанного перевоплощения, оживление также входит в возможности чудесного существа из иного мира. Когда старик отправляется к хану с предложением выдать замуж дочь, его разрывают надвое, навьючивают на ездовое животное и отправляют домой. Юноша-змея переползает через тело старика и оживляет его. На следующее утро старик вновь предстает перед правителем ханства с той же просьбой. На третий день оживленный змеем после очередной смерти старик все же получил согласие хана и за сватал его дочь [Хальмг туульс 1961: 204].

Дав согласие отдать свою дочь, хан ставит условие за ночь возвести мост, по двум сторонам которого должны расти фрукты. Согласно исследованиям В. Я. Проппа, иной мир — это страна изобилия. Будущий зять хана как представитель иного мира создает изобилие в среднем мире людей, выполнив трудное задание хана. По двум сторонам золотого моста вырастают фрукты в неизмеримо огромном количестве — цаглшго, которые могут есть как всадник, так и пеший [Хальмг туульс 1961: 205].

При выполнении трудной задачи хана благодаря чудесным способностям сына-лягушки появляются золотой, серебряный мост,

сто старух, похожих на старуху-мать, сто стариков, похожих на старика-отца, сто юношей, похожих на приемного сына (*эмгнлэрн эдл зун эдл эмг авад ир, өвгнлэрн эдл зун өвг авад ир, бийнь бийлэрн эдл зун көвү дахулж иртн*) [Хальмг туульс 1974: 12]. Таким образом, мост и люди предстают самовозникшими, появившимися по волшебству.

Все условия хана осуществляются за ночь, после чего происходит свадьба. Чудесный супруг скидывает свою внешнюю оболочку и ночью принимает человеческий облик. При сжигании змеиной шкуры герой улетает в облике желтоголового лебедя со словами: *Би теңэр һазр хойрин шавилһнд оч бээх күмб!* 'Я человек, который будет жить в месте слияния неба и земли!' [Хальмг туульс 1961: 205]. Жена отправляется вслед за мужем пешком, взяв с собой железную трость в полторы сажени, обув железные башмаки (*алд делм төмр тайг, төмр хойр сөөкэ*) [Хальмг туульс 1961: 205]. Здесь следует отметить, «что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 1986: 49]. Трость в свою очередь в мифологии многих народов воспринимается сакральным предметом. Исследователи, изучив функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов, отмечают, что «трость со змеиной головкой играет роль универсального посредника между мирами, и посох воспринимается как «живой» мифологический персонаж» [Дампилова, Сундуева 2020: 1171].

В другом сказочном тексте также отмечается, что после того, как спалили лягушачью кожу, главный герой, превратившись в желтоголового лебедя, улетает. Жена отправляется на поиски мужа. Через несколько дней на ее пути встречается белая юрта, в которой одна женщина расчесывала волосы. Оказалось, что она сестра мужа. Досыта накормив девушку, золовка дает ей белый платок. Угощение едой в этом случае, на наш взгляд, можно воспринимать как действие, имеющее «особое значение» для отправившегося в иной мир. Так, В. Я. Пропп обнаружил, что «мотив угощения героя углой на его пути в тридесатое царство сложился на основе пред-

ставления о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир» [Пропп 1986: 69].

5. Анализ калмыцких сказок на сюжетный тип АТУ 400

«Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» показал, что чудесный супруг в образе змея располагается на земле. Огромный желтый змей не дает пасшейся в степи корове старика и старухи проходу в течение трех дней, так что старик отправляется на поиски своей пеструхи [Горяева 2017: 17]. В сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змея») старик и старуха имеют черно-пестрого бычка, в качестве топлива используют бурьян. Однажды они принесли охалпку бурьяна, в котором находилась змея [Хальмг туульс 1961: 204].

Местонахождением юноши-лягушки является водная стихия. В сказке «Меклә дүрстә көвүтә эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик, пропитанием которого была рыба, как-то поймал в сети лягушку. Три раза он закидывал невод в море, два первых раза были неудачными, на третий — попалась лягушка [Хальмг туульс 1974: 11]. В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») старуха встречает юношу-лягушку в устье реки. Услышав от нее человеческую речь, старуха, побросав ведра, убегает домой [Буутан Санжин 2008: 87].

Отметим, что главный герой в образе змея находится на суше, а юноша-лягушка в воде. Несмотря на это различие в местонахождении героев, есть общая деталь, их объединяющая. Приемными родителями героев становятся бедные старик и старуха. Это обстоятельство передается сказкой эксплицитно и имплицитно, так же как и то, что старики усыновляют героя с «нечеловеческим» обликом. Единственная желто-пестрая корова стариков — показатель бедности для кочевников-скотоводов [Горяева 2017: 17]. Использование бурьяна вместо традиционного топлива — кизяка свидетельствует об отсутствии достаточного количества коров для его создания, единственный черно-пестрый бычок не справляется с данной функцией. Крайней формой нужды в сказке представлено прошение милостыни. Из-за отсутствия возможности платить албан-подать старики живут отдельно от отока (*отгасн тесркэн бәәдг*).

С появлением приемного сына жизнь стариков становится привольней. Через неделю сын-змея требует от отца, чтобы он посватал за него за ханскую дочь. После чего в калмыцких сказках на сюжет АТУ 400 происходит женитьба, описание которой сходно с наблюдениями Е. М. Мелетинского: «брак совершается по строго определенным правилам брачного «обмена» (с соблюдением экзо- и эндогамии) и обставляется известными табу, имеющими временный или постоянный характер; единственный подлинно архаический сюжет, правда, очень широко распространенный и посвященный непосредственно «брачной» теме, — это сказки о чудесных (тотемных, звериных) женах, реже мужьях, потерянных в результате нарушения брачных табу и возвращенных (не всегда, впрочем) после трудных испытаний в «тотемном» царстве «тестя» [[Мелетинский](#)].

6. Заключение

Калмыцкие сказки на сюжет АТУ 400 о браке с чудесным супругом строятся на мотиве превращения. Он находит реализацию в образе героя: змея / лягушка — человек — лебедь. Чувство страха перед змеем в текстах ранней фиксации сменяется в сказках позднего времени отвращением. При этом до сегодняшнего дня в традиционной культуре калмыков отмечается почтительное отношение к змеям.

Локусы, в которые сказочное повествование помещает змея, находятся на земле. Старик встречает юношу-змея, отправившись на поиски своей пропавшей коровы. В другой сказке змея попадает в юрту стариков вместе с бурьяном, который был собран в качестве топлива. В доме юноша-змея занимает кровать стариков, располагается на правой стороне юрты. Местоположение лягушки связано с водной стихией. Сын-лягушка обнаруживается в сетях старика, закинутых в море. Приемный сын-лягушка находится также в реке, которая воспринимается границей миров.

«Золотистость» как признак принадлежности чудесного супруга иному миру обозначается через традиционную формулу,

отражающую связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. Использование традиционной формулы «кто без детей, сыном буду» также связано с образом героя. Усыновленный настолько бедными стариками, что они живут изолированно от общества, юноша-змея выполняет трудные задачи хана, занимающего наивысшую позицию в социальной стратификации калмыцкого общества, и женится на его дочери. Таким образом, экзогамия, отраженная в сказках на сюжетный тип АТУ 400, переходит из «горизонтальной» (по Е. М. Мелетинскому) в «вертикальную».

Чудесный супруг покидает жену при нарушении запрета. Функция вредителя в изученных сказках отведена старшим сестрам. Когда они сжигают шкуру змея / лягушки, чудесный супруг в облике желтоголового лебедя улетает, бросив свое золотое кольцо. Оставленное супруге золотое кольцо является атрибутом юноши-змея. Когда ханская дочь достигает верхнего мира, то она передает кольцо мужу и тем самым раскрывает свое присутствие.

Таким образом, можно отметить, что мотив превращения чудесного супруга в сказках на сюжетный тип АТУ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» показывает «легкость» трансформации змея в птицу, в рассмотренных текстах — лебедя.

Источники

- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер.: «Өвкэрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4. С. 6–32.
- Волшебный мертвец 1958 — Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. 2-е изд. М.: Вост. лит., 1958. 164 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по делам изд-в, по-

лиграфии и книжной торговли Совета министров Калмыцкой АССР, 1974. 274 с.

Kalmyk Folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid – 19 Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Agnes Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of B. B. Gorjajeva. Budapest, 2011. 380 p.

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.

Литература

Басангова 2014 — *Басангова Т. Г.* Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 75–79.

Горяева 2018 — *Горяева Б. Б.* Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. № 5. С. 76–85.

Горяева 2023a — *Горяева Б. Б.* Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Волшебник и его ученик» (АТ 325) // Новый филологический вестник. № 1 (64). 2023. С. 282–294.

Горяева 2023б — *Горяева Б. Б.* Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Чудесная птица» (АТ 567) // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 298–309.

Дампилова, Сундуева 2020 — *Дампилова Л. С., Сундуева Е. В.* Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов // Oriental Studies. 2020. № 13 (4). С. 1167–1176.

Мелетинский — *Мелетинский Е. М.* Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // URL: <https://ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm> (дата обращения 11.02.2023).

Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1986. 365 с.

Цивьян 2008 — *Цивьян Т. В.* Змея — птица: к истолкованию тождества // Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 2008. С. 235–247.

ATU — *Uther H. J.* The types of international folktale: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedeakat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 284: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. 619 p.

Авторские сказки Н. А. Алексеева: традиция, специфика

Светлана Ивановна Петрова¹, Надежда Васильевна Павлова²

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(д. 42, ул. Кулаковского, 677007 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-8588-8330. E-mail: petrovasi1954[at]yandex.ru

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск,
Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-7481-7695. E-mail: nadya.sanaaya[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Петрова С. И., Павлова Н. В.

Аннотация. *Цель* данной работы заключается в выявлении композиционно-стилевых особенностей текстов авторских сказок историка, этнографа, фольклориста Н. А. Алексеева. Научная новизна данной работы состоит в рассмотрении одной неизвестной грани творчества видного ученого в области этнографии и фольклора народов Сибири Н. А. Алексеева — сочинений детских сказок. В якутском литературоведении и фольклористике данный вопрос еще не был объектом специального изучения. *Результаты.* Впервые были проанализированы по отдельности пять авторских сказок известного ученого, такие как «Олень — золотые рога», «Зайка-Айка и бурундук», «Сказка о городе Крошке», «Веселый барабанщик», «Сказка о двух друзьях», и выявлены их композиционно-стилистические особенности. Основные результаты исследования связаны с характеристикой языка и стиля авторских сказок, которые способствуют созданию атмосферы волшебства и показа волшебных действий в сказочных сюжетах, вследствие этого система персонажей, композиция авторских сказок Н. А. Алексеева соответствуют канонам традиционной

волшебной сказки, которые формируют духовно-нравственные качества и моральные нормы детей младшего и среднего возраста. Авторские сказки Н. А. Алексеева основаны на фольклорной традиции якутского народа.

Ключевые слова: сказка, якутская сказка, авторская сказка, Николай Алексеевич Алексеев, герой, сюжет, традиционные формулы, композиция

Благодарность. Исследования выполнены с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра Якутского научного центра СО РАН в рамках реализации мероприятий по гранту «Реализация мероприятий и выполнение работ по дооснащению Центра коллективного пользования Федерального исследовательского центра Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, обеспечивающих комплексное развитие инфраструктуры исследовательской деятельности, повышение уровня ее доступности и роста эффективности ее использования» (№ 13.ЦКП.21.0016).

Для цитирования: Петрова С. И., Павлова Н. В. Авторские сказки Н. А. Алексеева: традиция, специфика // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 67–82. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-67-82

Author's Fairy Tales by N. A. Alekseev: Tradition, Specificity

Svetlana I. Petrova¹, Nadezhda V. Pavlova²

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (42, Kulakovskiy str., 677007 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-8588-8330. E-mail: petrovasi1954[at]yandex.ru

¹ Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS (1, Petrovskiy str., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-7481-7695. E-mail: nadya.sanaaya[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Petrova S. I., Pavlova N. V., 2023

Abstract. *The purpose* of this work is to identify the compositional and stylistic features of the texts of the author's fairy tales by historian, ethnographer, folklorist N. A. Alekseev. The scientific novelty of this work consists in examining one unknown facet of the work of a prominent scientist in the field of ethnography and folklore of the peoples of Siberia N. A. Alekseev — the works of children's fairy tales. In Yakut literary and folklore studies, this issue has not yet been the object of special research. *Results.* For the first time, five author's fairy tales of the famous scientist were analyzed separately, such as «The Deer — Golden Horns», «Bunny-Aika and the Chipmunk», «The Tale of the Little Town», «The Merry Drummer», «The Tale of Two Friends», and their compositional and stylistic features were revealed. The main results of the study are related to the characteristics of the language and the style of the author's fairy tales, which contribute to the creation of an atmosphere of magic and the display of magical actions in fairy-tale plots, as a result, the character system, the composition of the author's fairy tales by N. A. Alekseev correspond to the canons of traditional fairy tales, which form the spiritual and moral qualities and norms of young and middle-aged children. The author's fairy tales by N. A. Alekseev are based on the folklore tradition of the Yakut people.

Keywords: fairy tale, Yakut fairy tale, author's fairy tale, Nikolai Alekseevich Alekseev, hero, plot, traditional formulas, composition

Acknowledgements. The research was carried out using scientific equipment of the Central Research Center of the Federal Research Center of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences as part of the implementation of activities under the grant «Implementation of measures and work on equipping the Center for Collective Use of the Federal Research Center of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, providing comprehensive development of the infrastructure of research activities and increasing its accessibility and the efficiency of its use» (No. 13.CCP.21.0016).

For citation: Petrova S. I., Pavlova N. V. Author's Fairy Tales by N. A. Alekseev: Tradition, Specificity. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 67–82. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-67-82

1. Введение

В российской и зарубежной гуманитарной науке широко известно имя выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, руководителя ведущей новосибирской научной школы

фольклорно-этнологического направления, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники Николая Алексеевича Алексеева. Он внес огромный вклад в реализацию уникального академического проекта по изучению фольклорного наследия Сибири и Дальнего Востока и его публикации в 60-ти томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [[Якутский героический эпос 1996](#); [Фольклор долган 2000](#); [Несказочная проза алтайцев 2011](#)]. Его исследования по традиционной духовной и материальной культуре народов Сибири, методические находки и теоретические обобщения остались в историко-филологической науке [[Алексеев 1975](#); [Алексеев 1980](#); [Алексеев 1984](#); [Алексеев 1992](#); [Якутские мифы 2004](#)].

Личные документы и переписка, весь научный архив ученого (научные труды, рукописи сборников и статей и т. д.), его научная библиотека, коллекция этнографических материалов, документы, предметы второстепенного характера и личного пользования переданы на хранение в Музей истории науки Якутии им. Г. П. Башарина Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, в Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН (далее — РФ АЯНЦ СО РАН) и в фонд Музея музыки и фольклора Республики Саха (Якутия) (далее — ММиФ РС (Я)). Из них в научном плане интересны дневники, полевые материалы экспедиций по Алтайскому краю, Тувинской области, Хакасской автономной области Красноярского края, Якутской АССР и культурологической экспедиции в Непал, рукописи статей, переписки с исследователями, а также ценная коллекция якутской деревянной утвари XVIII–XIX вв. из личных этнографических сборов Н. А. Алексеева.

2. Постановка задачи

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что интерес общества к литературным сказкам возрос в настоящее время. Проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в условиях глобализации и новых вызовов приобрела особую роль. С давних пор сказка как обязательный инструмент воспитания, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение,

является надежной опорой, в которой наличествует стабильная система ценностей любого народа.

Необходимость изучения авторских сказок связана не только с проблемами современной педагогики, но и с рядом вопросов филологических наук: литературоведения и фольклористики. Среди них основными являются проблемы сюжетно-композиционного строения, стилевых основ авторской сказки, влияния фольклорной традиции на литературную сказку и др.

Для изучения композиционно-стилевых особенностей текстов авторских сказок Н. А. Алексеева нами были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть систему персонажей и композицию пяти сказок ученого; 2) выявить стилевую основу, язык сказок; 3) определить характер и адресат произведений; 4) выявить влияние фольклорной традиции на литературную сказку. Для характеристики и определения специфических особенностей сказок Н. А. Алексеева на композиционно-стилевом уровне авторами использованы сравнительно-сопоставительный, структурный методы исследования.

Теоретической базой исследования послужили труды по сравнительно-типологическому и структурному анализу фольклорных и литературных произведений. Исследование структурных особенностей фольклорных и литературных произведений проводилось довольно широко. Сюжетно-повествовательную организацию произведений в своих работах рассматривали многие российские и зарубежные ученые: В. Я. Пропп [[Пропп 1969](#)], А. Н. Веселовский [[Веселовский 1940](#)], Ст. Томпсон [[Thompson 1964](#)], В. В. Виноградов [[Виноградов 1963](#)], К. В. Чистов [[Чистов 2005](#)], Ф. М. Селиванов [[Селиванов 1977](#)], С. Ю. Неклюдов [[Неклюдов 2019](#)], Н. В. Петров [[Петров 2020](#)] и др.

На материале народных сказок учеными были рассмотрены отдельные компоненты, такие как типические места, традиционные формулы, типы сюжетов: на материале румынских, славянских и некоторых восточных сказок Н. Рошияну [[Рошияну 1974](#)], на материале белорусских и восточнославянских сказок Л. Г. Бараг [[СУС 1979](#)], Ю. И. Смирновым [[Смирнов 1988](#)], на материале русской сказки В. П. Аникиным [[Аникин 1977](#)], Э. В. Померан-

цевой [Померанцева 1963], Н. М. Герасимовой [Герасимова 1978], Т. Г. Леоновой [Леонова 1982], И. А. Разумовой [Разумова 1991], Л. В. Овчинниковой [Овчинникова 2003], на основе литовских сказок Б. П. Кербелите [Кербелите 2001], на абхазском фольклорном материале Дж. Адлейбой [Адлейба 1991], на сказках адыгских народов А. И. Алиевой [Алиева 1986], на алтайском сказочном материале Т. М. Садаловой [Садалова 2008], на эпическом материале сибирских народов Е. Н. Кузьминой [Кузьмина 2005], на калмыцких сказках Т. Г. Басанговой и Б. Б. Манджиевой [Басангова, Манджиева 2011], Б. Б. Горяевой [Горяева 2011], И. С. Надбитовой [Надбитова 2011], Б. Б. Манджиевой [Манджиева 2017] и др.

Источниковой базой послужили авторские сказки ученого. Николай Алексеевич в личной беседе с одним из авторов статьи (С. И. Петровой) рассказывал о том, что в 1960–1970-х гг. увлекался сочинением собственных сказок и сообщил, что одну из сказок ему удалось опубликовать в республиканском журнале. Поиски рукописей сказок и опубликованного материала не прошли даром, в личном архиве нашлись его рукописи и машинописные материалы нескольких сказок. В книжном фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) также найдены два его опубликованных материала. Один из них сказка «Олень — золотые рога» [Алексеев 1973: 139–140], другой — перевод стихотворения П. А. Ойунского «Из тины» с якутского на русский язык опубликованы в республиканском журнале в 1973 г.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования послужат в дальнейшем сравнительным материалом для последующих работ, посвященных изучению особенностей авторских сказок. Материалы исследования также могут быть применены в изучении творческого и научного пути Н. А. Алексеева.

3. Основная часть

В настоящее время нами обнаружены сказки собственного сочинения ученого: рукопись сказки «Олень — золотые рога» [ММиФ РС (Я). ВП 3059. Л. 1–9], машинописные варианты сказок «Зайка-Айка и бурундук» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11.

Л. 13–14], «Сказка о городе Крошке» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 15], рукописный и машинописный варианты сказки «Веселый барабанщик» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 10–12; ММиФ РС (Я). ВП 3060. Л. 1–5], машинописный вариант «Сказка о двух друзьях» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 1, 5–9], рукопись «Заяц и бурундук» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 4–4об.] и некоторые рукописные прозы, которые сегодня хранятся в вышеназванных фондах. Также обнаружены незаконченные рукописи сказок «Косолапый медведь» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 2] и «Жадный заяц» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 11. Л. 3]. Все сказки написаны на русском языке и в прозаической форме. При беседе Николай Алексеевич объяснил свое увлечение прежде всего тем, что он рассказывал эти сказки своему сыну Алеше и любовь к своему сыну он показал, назвав его именем главного героя сказки «Веселый барабанщик» [ММиФ РС (Я). ВП 3060. Л. 1].

3.1. «Сказка о городе Крошке»

Данное произведение, как и волшебная сказка, начинается с зачина, который содержит инициальные хронологические (*Давным-давно...*) и топографические (*...посреди темного леса, на светлой поляночке...*) формулы, а также формулы существования (бытия) героев (*...родился город Крошка*). Среди медиальных формул в сказке есть типы формул быстрого роста героя (*...город Крошка увеличился не по дням, а по часам, Много ли, мало ли времени прошло...*), которые с помощью гиперболы больше всего наличествуют в русской народной сказке [Павлова 2022: 114]. Финальная формула сказки относится к группе сказок, представляющих собой констатацию конечного благополучия [Павлова 2021: 285].

Структура сказки также соответствует композиции волшебной сказки, в ней есть зачин, завязка, развитие действия, кульминация, развязка и концовка. Завязкой действия является то, что быстрее всех растёт антипод (*...Зайка-Айка выросла вдвое больше слоненка Тип-Тона и верблюжонка Мудрика*). К развитию действия относится эпизод, в котором антипод обижает героев (*...Ни за что, ни про что толкала их, отнимала игрушки и царапалась. Особенно оби-*

жала Зайка-Айка слоненка *Туп-Тона*). В кульминационной части герой в воспитательных целях «пугает» антипода (...верблюжонок Мудрик сказал ей в шутку: *Слушай, Айка, а Туп-Тон стал больше тебя! Он теперь хочет тебя побить! Испугалась Зайка-Айка и бросилась бежать*). Развязкой служит то, что герои освобождаются от гнета антипода (*С той поры Зайка-Айка живет в темном лесу и боится приходить в город*). Концовка сказки содержит мотив жалости к антиподу (*Зря, — говорит Мудрик, — Зайка-Айка убежала в лес. Жили бы сейчас все трое вместе, а то Зайке, наверно, скучно одной в лесу*), тем самым автор как будто учит детей быть добрыми, великодушными и незлопамятными даже к тем, которые вас раньше обижали и угнетали.

Город и лес уподобляются человеку — они «живые» (...*Это был волшебный город. Все его жители, все дома города росли, если жители города вели себя хорошо..., В лесу деревья и кусты пытались остановить ее, протягивали к ней свои руки-ветки и шептали ей: «Вернись в свой город»*).

Если в якутских народных сказках животные описываются без имени, то в этой сказке у каждого героя есть свои имена собственные (слоненок *Туп-Тон*, верблюжонок *Мудрик* и *Зайка-Айка*). Автор номинировал своих сказочных героев не только для создания семантического поля художественного произведения, но и для дефиниции характеров и судьбы персонажей. Имена героев характеризуют их как три типа психологического поведения человека — преследователя (шустрая, быстрая, горделивая *Зайка-Айка*), жертвы (безобидный, славный слоненок *Туп-Тон*) и спасателя (защищающий угнетенного слоненка и справедливый верблюжонок *Мудрик*) [Karpman 1968: 40].

Как отмечает Б. П. Кербелите, «...цель героя устанавливается по достигнутому позитивному или негативному результату столкновения» [Кербелите 2001: 12], т. е. если герой совершает правильные действия, то его ждет положительный результат, а если герой совершает неправильные действия, то его ждет негативный результат. И в этой же сказке один из героев (*Зайка-Айка*) из-за неправильных своих действий («*Загордилась она и стала смеяться над своими друзьями, обижать их. Ни за что, ни про что толкала*

их, отнимала игрушки и царапалась. Особенно обижала Зайка-Айка слоненка Тип-Топы») в конечном итоге получает негативный результат («С той поры Зайка-Айка живет в темном лесу и боится приходить в город»).

3.2. «Сказка о двух друзьях»

В систему персонажей данной сказки так же, как и в волшебной сказке, входят герой (Зайка-Айка), близкий героя (белка), антипод (волк), близкий антипода (лиса), волшебные помощники (луна, лунные зайчики, гора, синь-трава), нейтральный персонаж (Дед Мороз, геологи, вороны).

Композиция сказки также соответствует структуре волшебной сказки. Зачин состоит из инициальных формул времени (*Давным-давно, когда твои мама и папа были меньше тебя, а бабушка и дедушка были не так стары...*), места (*...в стране голубых гор...*) и формулы существования (бытия) героев (*...жили рыжая белка и Зайка-Айка*). Далее автор как будто ведет диалог с юным читателем и спрашивает: *Ты спрашиваешь почему? Ну, если это тебя интересует, то я расскажу*. Сказочник во время сказывания также использует подобные приемы, чтобы коммуницировать со слушателями в целях пробудить их внимание. Исследователи включают такие выражения в группу медиальных (серединных) формул и называют их «внешними медиальными формулами» [Рошияну 1974: 92] или «фабульно не обусловленными формулами» [Адлейба 1991: 14]. Финальная формула этой сказки также относится к группе сказок, представляющих собой констатацию конечного благополучия.

Завязкой в этой сказке является то, что у близкого героя (у Белки) возникает «недостача» (*Добравшись до макушки она схватила шишку, но нечаянно свалилась вниз и сломала ножку*). В развитии действия входит эпизод, в котором герой пытается помочь своему близкому (*Понес заяц своего друга домой. Принес Зайка-Айка белку домой и отправился за синь-травой*). Кульминационное действие происходит, когда героя преследует антипод (Лиса и волк пытаются съесть зайца). Развязкой действия является то, что героя

выручают волшебные помощники (Луна и лунные зайчики), герой добирается до своего места и помогает волшебному помощнику (Зайка-Айка, посадив деревья на горе, освобождает его от боли), волшебный помощник одаривает героя (гора дает Зайке-Айке синь-траву от всех бед и болезней, самую теплую и красивую белую шубку, вертолет, чтобы быстро добрался до дому). В концовке рассказывается о достижении цели героя (*Вылечил он белку синь-травой и пустились они плясать на своей поляне*).

Отличительной чертой этой сказки является то, что автор в ней привносит названия нейтральных персонажей (*Дед Мороз, геологи*), предметов и полезных ископаемых (*вертолет, руда*) из современной жизни.

3.3. Сказка «Зайка-Айка и бурундук»

В сказке «Зайка-Айка и бурундук» есть два героя — два друга, лесные животные (*Зайка-Айка и Бурундук*). В начале сказки рассказывается о том, что ... в далекое время все зайцы имели длинный пушистый хвост и были самыми красивыми из зверей. Далее повествуется о том, из-за чего же заяц остался без красивого хвоста. Впоследствии своих неправильных действий (Зайка-Айка обманывает Бурундука, надсмехается над ним) в конце сказки герой получает негативный результат (*Он бросился на своего друга и оторвал ему красивый хвост. Убежал Зайка-Айка из избушки и идет по лесу, плачет*). Автор завершает сказку словами медведя: *Так тебе и надо! Не надо было обижать друга!*

Произведение содержит инициальные формулы времени (*Давным-давно...*), места (*...на берегу одного озера в небольшой избушке...*) и формулы существования (бытия) (*...зимовали два друга — Зайка-Айка и Бурундук*). Среди медиальных формул наличествуют магические формулы без волшебного действия (*Снежок, снежок! Давай меняться, я тебе дам полосы черные, а ты мне шубку белую!*). Интересно отметить, что в этой сказке нет финальной формулы. Таким образом, данная сказка — это сказка о животных этиологического характера, имеющая нравоучительное значение.

3.4. Сказка «Веселый барабанщик»

Сказка «Веселый барабанщик» состоит из зачина, завязки (*Отчаялся мальчишка и перестал ходить в гору, стал бездельничать*), развития действия (*Алешка, сидя со Скукой, тоже стал зеленеть, Стыдно стало Алешке*), кульминации (встреча с Мужеством), развязки (Алешка с другими ребятами поднимается на волшебную гору) и концовки (Благопожелание Веселого барабанщика). Зачин содержит инициальные формулы времени (*Далеко-далеко...*), места (*...за нашим краем...*) и формулы существования (бытия) героев (*...жил мальчишка по имени Алешка*). Финальная формула сказки также содержит констатацию конечного благополучия, герой достигает свою цель (желание Алеши исполняется).

Сказку можно разделить на две части: в первой части герой получает негативный результат (над ним насмеются, ему становится стыдно) из-за своих неправильных действий (Алеша, отчаявшись, водится со Скукой, бездельничает), во второй части правильные действия (прогоняет собак, побеждает свой страх) героя приводят к положительному результату (ему приходит на помощь Мужество по имени Веселый барабанщик, они поднимаются на желанную волшебную гору).

3.5. Сказка «Олень — золотые рога»

Рассмотрим опубликованную сказку «Олень — золотые рога» — единственную сказку, которая была издана при жизни ученого. Сказка была опубликована в 1973 г. в республиканском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Полярная звезда» [Алексеев 1973: 139–140]. На первый взгляд, данное произведение по своему жанру относится к сказке о животных этиологического характера, так как в финальной части говорится о том, что *с той далекой поры все олени поднимаются на крутые сопки и первыми приветствуют солнце*. Сказочные герои — животные, дикие звери: Олень, Лось, Медведь. Однако, помимо них, присутствует мифический персонаж — Хозяин зимы, из-за деяний которого развивается сказочное действие. Структура данной сказки соответствует композиции волшебной сказки: в ней есть присказка, зачин, завязка действия, развитие действия, кульмина-

ция и развязка. Присказка состоит из трех предложений: *Ранним утром, когда первый луч солнца касается верхушки угрюмых елей, на высокие сопки поднимаются олени. Гордо вскинув головы, они приветствуют солнце и их рога сверкают золотом. Но было так не всегда.* Присказка — это вступление к сказке, в котором описывается конечный результат всей сказки в целях заинтересовать слушателя или читателя (*Но было так не всегда*), тем самым приоткрывая завесу к самой сказке, в которой рассказывается, как же было на самом деле и что произошло. Как и полагается в инициальных формулах волшебной сказки, в зачине автором указывается время (*Давным-давно..., В ту далекую пору...*) и место (*...в одинокой юрте*) начального сказочного действия, а также существование сказочных героев (*...жили Олень, Лось и Медведь*). В данной сказке завязка действия происходит тогда, когда Хозяин зимы, задремав раньше времени, забывает укрыть землю снегом. Из-за отсутствия снега лесным жителям становится холодно, настигает беда, о которой знал по давним рассказам своего дедушки только Олень. Два друга реагируют по-разному, т. е. выполняют противоположные действия: первый (Медведь) отрицает действия героя (не верит, уходит), а второй (Лось) выполняет функции помощника-дарителя, а именно: дарит герою (Оленю) волшебные предметы (волшебный топор и запасную доху). Развитие действия связано с путешествием героя, который намерен решать вопрос недостачи. Так, герой по дороге встречает различные препятствия (коварство сестер-речек, злые проделки братьев-ветров). Однако преодолеть испытания помогают волшебные помощники (дочь и сын Луны), освещая дорогу заблудившемуся герою (приводят Оленя к дому Хозяина зимы). Кульминацией в этой сказке является возмущение антипода, когда герой пробуждает его ото сна (*Кто посмел меня разбудить? Зачем пришел сюда, зачем меня беспокоишь?*), герой объясняет причину беспокойства (*Извините меня, Хозяин зимы, но вы забыли укутать землю теплым снежным одеялом: могут погибнуть мои друзья!*). Развязкой становится то, что, осознав свою ошибку, антипод приступает к ее исправлению (Хозяин зимы посылает на землю долгожданный снег), тем самым «недостача» в сказке устраняется. Концовкой сказки является одаривание анти-

подом героя (Хозяин зимы дарит Оленю звонкие копыта и золотые рога и с тех пор Олень первым начинает встречать весеннее солнце), таким образом герой награждается за свои добрые дела.

Если придерживаться классификации персонажей волшебной сказки Б. П. Кербелите [[Кербелите 2001: 13](#)], то в данном произведении присутствуют: главный герой (Олень), близкие героя (Лось, Медведь), антипод (Хозяин зимы), близкие антипода (речки-сестры, братья-ветры) и волшебные помощники (Луна и ее дети).

Следует еще отметить, что мотив данной сказки бытовал среди сказок других народов. Об этом свидетельствует воспоминание Е. А. Окладниковой, дочери известного ученого-историка, археолога А. П. Окладникова, в предисловии книги ее отца «Олень Золотые Рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками»: «... Таким „мемом“ романтизма для А. П. Окладникова стала сказка об Олене Золотые Рога, которую он услышал в детстве из уст бабушки — великой сказительницы. И с того самого зимнего вечера, когда у пахнувшей хлебом деревенской печи бабушка рассказала Алеше эту сказку, образ Оленя Золотые Рога вел его по жизни. Образ сказочного золоторогого оленя — олицетворение удачи, благополучия, счастья, любви, надежды — был путеводной звездой, свет которой привел ученого на берега Ангары, Амура, к скальным выходам Монголии, то есть в те места, где находились древние святилища наскального искусства» [[Окладникова 2013: 4](#)]. Таким образом, возможно, данный мотив послужил основой для сказки авторского варианта.

4. Заключение

Система персонажей и сама композиция авторских сказок Н. А. Алексеева полностью соответствуют канонам традиционной волшебной сказки, имеет схожие черты со сказками о животных. Исследуемый материал показал, что литературная сказка по большей части основывается на структуре народной сказки, заимствует ее художественно-стилистические особенности. В отличие от народной сказки автор по своему усмотрению трансформирует темп сказочного времени, транслирует идеи, характерные тому периоду, когда были написаны эти произведения.

Авторские сказки Н. А. Алексеева при наличии яркой и интересной иллюстрации заслуживают отдельной публикации в виде книги для детей младшего возраста, что послужит возможностью почтить память еще одной творческой грани известного ученого с мировым именем Николая Алексеевича Алексеева. Анализ авторских произведений ученого Н. А. Алексеева, в том числе его сказок и связанного с ними пласта современного устного народного творчества, несомненно, является задачей будущих исследователей.

Источники

ММиФ РС (Я) — Музей музыки и фольклора Республики Саха (Якутия).
РФ АЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН.

Литература

- Адлейба 1991 — *Адлейба Дж. Я.* Устные стилевые основы сказки (опыт экспериментального исследования на абхазском материале). Сухуми: Алашара, 1991. 340 с.
- Алексеев 1973 — *Алексеев Н. А.* Олень — золотые рога // Полярная звезда. 1973. № 2. С. 139–140.
- Алексеев 1975 — *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Алексеев 1984 — *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
- Алексеев 1992 — *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 242 с.
- Алиева 1986 — *Алиева А. И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 281 с.
- Аникин 1977 — *Аникин В. П.* Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
- Басангова, Манджиева 2011 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текста // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. Т. 4. № 1. С. 177–181.
- Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Худ. лит., 1940. 648 с.

- Виноградов 1963 — *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 255 с.
- Герасимова 1978 — *Герасимова Н. М.* Формулы русской волшебной сказки. К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры // Советская этнография. 1978. № 5. С. 18–28.
- Горяева 2011 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 127 с.
- Кербелите 2001 — *Кербелите Б. П.* Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М.: РГГУ, 2001. 724 с.
- Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): экспериментальное издание / отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: СО РАН, 2005. 1382 с.
- Леонова 1982 — *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: (Поэтич. система жанра в ист. развитии). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 197 с.
- Манджиева 2017 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения инициальных и финальных формул калмыцкой богатырской сказки // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 66–71.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП Джангар», 2011. 260 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Несказочная проза алтайцев 2011 — Несказочная проза алтайцев. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Овчинникова 2003 — *Овчинникова Л. В.* Русская литературная сказка XX века: история, классификация, поэтика: учебное пособие. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 311 с.
- Окладникова 2013 — *Окладникова Е. А.* Предисловие // Олень Золотые Рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Петрополис, 2013. 192 с.
- Павлова 2021 — *Павлова Н. В.* Традиционные формулы в якутской народной сказке (на материале Виллойской экспедиции 1938 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 272–296. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-272-296

- Павлова 2022 — *Павлова Н. В.* Особенности формул чудесного роста героя в якутской сказке и олонхо в сравнительном аспекте с тюрко-монгольским эпосом // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 4 (41). С. 110–121. DOI: 10.25693/SVGV2022.41.4.010
- Петров 2020 — *Петров Н. В.* Русский эпос: герои и сюжеты. 2-е изд. М.: Неолит, 2020. 280 с.
- Померанцева 1963 — *Померанцева Э. В.* Русская народная сказка. М.: АН СССР, 1963. 128 с.
- Пропп 1969 — *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
- Разумова 1991 — *Разумова И. А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 152 с.
- Рошияну 1974 — *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Садалова 2008 — *Садалова Т. М.* Алтайская сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2008. 240 с.
- Селиванов 1977 — *Селиванов Ф. М.* Поэтика былин. Учебное пособие. М.: МГУ, 1977. 128 с.
- Смирнов 1988 — *Смирнов Ю. И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Фольклор долган 2000 — Фольклор долган. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Чистов 2005 — *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Якутские мифы 2004 — Якутские мифы (= Саха өс-номохторо). Новосибирск: Наука, 2004. 450 с.
- Якутский героический эпос 1996 — Якутский героический эпос: Могучий Эр Соготох. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Karpman 1968 — *Karpman S. B.* Fairy tales and script drama analysis // Transactional Analysis Bulletin. 1968. Vol. 7. No. 26. Pp. 39–43.
- Thompson 1964 — The types of the folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen (FFC No 3). Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia Academia Scientiarum Fennica, 1964. (FFC No 184)

Мифопоэтика и фольклор в романе Э. Веркина «снарк снарк» в контексте новейшей отечественной литературы

*Ирина Николаевна Иванова*¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Иванова И. Н., 2023

Аннотация. Одна из основных тенденций современной отечественной словесности (В. Пелевин, В. Сорокин, А. Рубанов, А. Старобинец, А. Иванов, Е. Некрасова и др.) — постоянное обращение к мифу и фольклору как неиссякаемым источникам сюжетов, вечных образов, этических конфликтов и эстетических сокровищ. Однако в отличие от классических форм эстетического освоения мифа и фольклора современные авторы максимально усложняют формы диалога с традицией, представляя в новейшей прозе такие тексты, в которых мифофольклорное начало проявляется не в индивидуально-авторском неомифологизме или на уровне языка и системы персонажей, что, казалось бы, ожидаемо и освящено серьезной историей ряда жанров, например литературной сказки или фэнтези. Миф (в том числе литературный) и фольклор могут быть вплетены в ткань вполне «реалистического» художественного повествования, не воплощаясь в конкретных образах, имеющих отчетливо фольклорное происхождение, не структурируя сюжет и даже не формируя жанрово-стилистическую принадлежность текста. В подобном случае возникают различные авторские стратегии мифопоэтического или квазимифопоэтического письма, порождающие произведения синкретического характера, одним из которых является рассматриваемый в статье последний роман Э. Веркина «снарк снарк».

Ключевые слова: фольклор, мифопоэтика, Э. Веркин, современный роман, новейшая отечественная литература

Для цитирования: Иванова И. Н. Мифопоэтика и фольклор в романе Э. Веркина «snark snark» в контексте новейшей отечественной литературы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 83–96. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-83-96

Mythopoeics and Folklore in E. Verkin’s Novel “snark snark” in the Context of Contemporary Russian Literature

*Irina N. Ivanova*¹

¹ North-Caucasus Federal University (Pushkina Street, 1, block 20 / 355009, Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Ivanova I. I., 2023

Abstract. One of the main trends of modern Russian literature (V. Pelevin, V. Sorokin, A. Rubanov, A. Starobinets, A. Ivanov, E. Nekrasova, etc.) — is constant appeal to myth and folklore as inexhaustible sources of plots, eternal images, ethical conflicts and aesthetic treasures. However, unlike classical forms of aesthetic development of myth and folklore, modern authors complicate the forms of dialogue with tradition as much as possible, presenting in modern prose such texts in which the mythological principle does not manifest itself in individual authorial neo-mythologism or at the level of language and character system, which, it would seem, is expected and sanctified by the serious history of a number of genres, for example a literary fairy tale or fantasy. Myth (including literary) and folklore can be woven into the fabric of a completely “realistic” artistic narrative, without being embodied in specific images that have a distinctly folkloric origin, without structuring the plot or even forming a genre-stylistic affiliation of the text. In such a case, various author’s strategies of mythopoeic or quasi-mythopoeic writing arise, generating works of a syncretic nature, one of which is E. Verkin’s latest novel “snark snark”, considered in the article.

Keywords: folklore, mythopoetics, E. Verkin, modern novel, contemporary Russian literature

For citation: Ivanova I. N. Mythopoetics and Folklore in E. Verkin's Novel "snark snark" in the Context of Contemporary Russian Literature. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 83–96 ((In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-83-96

1. Введение

Миф и фольклор всегда были и остаются основой художественной литературы, питающей ее почвой. Российская литература XXI в. не является исключением: современные писатели обращаются к мифу и фольклору, вступая в диалог с традицией, полемизируя с ней либо используя как конструктивный материал для построения собственных, весьма далеких от непосредственного фольклоризма фантазмагорий. «Архетипический и фольклорно-мифологический материал создает основу для постановки вечных бытийных вопросов» [Фолимонов 2020: 65]. Формы творческой рецепции и трансформации такого материала могут быть весьма различны: включенность мифа и фольклора в изящную постмодернистскую виртуальность (В. Пелевин), апелляция к национальной и донациональной хтони (В. Сорокин), присутствие «волшебного мира» и его персонажей в реальной современной действительности как сюжетный прием (А. Старобинец, С. Лукьяненко, А. Иванов, Е. Некрасова, М. Галина и т.д.), развернутая в роман и психологизированная иллюстрация известной сказки (А. Рубанов) и т. п. Если оставить в стороне специфические жанры, открыто ориентирующиеся на фольклорный канон и в той или иной мере его воспроизводящие (современная литературная сказка, сказка для детей, «славянское фэнтези» и т. п.), то нельзя не согласиться, что основные тенденции современного обращения к мифологическим и фольклорным мотивам — психологизация, «дрейф в сторону психологической прозы» [Богатырева 2017: 3], «проблематизация статуса архетипических персонажей» и «сокрушение наива» [Ковтун 2022: 10], актуализация эстетики страшного и особое внимание к жанру «страшного рассказа», «страшилки» [Петренко 2017: 6, 9–10]. Кроме того, следует заметить, что о «фольклориз-

ме» и «мифологизме» современной литературы можно говорить со значительными оговорками в силу отсутствия непосредственной рецепции классического фольклора и тем более мифа и подчеркнутой рефлексивности персонажей, часто и охотно обсуждающих мифофольклорную хтонь в своей жизни, причем зачастую в рамках научного дискурса («Псоглавцы» А. Иванова, «Земля» М. Елизарова, романы В. Пелевина и роман Э. Веркина, о котором пойдет речь). В большинстве случаев скорее можно говорить о мифологических или фольклорных мотивах, образах, реминисценциях, нежели о неомифологизме или неофольклоризме.

2. Методология исследования

Предметом нашего исследования является мифопоэтика уникального новейшего романа Э. Веркина «снарк снарк» (заглавие — со строчной буквы). Основные применяемые в работе методы — классический мифопоэтический и сравнительно-исторический (в синхроническом аспекте). Поскольку научных работ о романе Э. Веркина пока нет, автор учитывает рецензии и отзывы критиков [Владимирский 2022; Лебедева 2023; Мина 2023; и др.], а также литературоведов, пишущих о постфольклоре, современном фольклоризме и мифологических либо фольклорных мотивах в новейшей отечественной прозе [Неклюдов 2010; Богатырева 2017; Ковтун 2022; Фолимонов 2020; Шевчугова 2022; и др.].

3. Результаты и дискуссия

3.1. Поэтика заглавия

Роман Э. Веркина вызывает вопросы уже с заглавия: почему дважды «снарк» и со строчной буквы? (Кэрролловский Снарк все же персонифицирован: хотя снарков много, они поддаются классификации, но герои ищут определенного снарка, который может оказаться (и оказывается) Буджумом — самым страшным вариантом, при встрече с которым можно просто исчезнуть.) Как и команда Л. Кэрролла, команда Виктора в романе Э. Веркина ищет «не знаю что», в соответствии с одним из самых известных сюжетов русской сказки. Читателей огромного романа, по справедливому

замечанию критика, ждет «полный крах любых читательских ожиданий» [Лебедева 2023: 2], кроме одного, связанного как раз со снарком.

Сущность снарка (как и загадочного Шушуна в романе) никому не известна. «„Вопрос типа «Что такое Снарк?»“ — это вопрос о значении произвольно взятого термина. Такому термину всегда можно придать какое угодно значение, в том числе и пучок (неупорядоченное множество) разнообразных значений», — утверждает переводчик и комментатор «Охоты на Снарка» [Москотельников 2018а: 590]. Дважды снарк романа Э. Веркина — это дважды абсурд и хтонический ужас, принципиально не визуализируемый и ни разу на всем протяжении почти 1500-страничного романа не показавшийся героям. Характерно, что в российской глубинке, где, по словам автора в одном из интервью, из каждого пруда торчат уши Ктулху, читателя не удивляет разлитое во всем неуловимое зло, удивляет то, что мы его так и не увидим, загадка так и не будет разгадана.

Мнимая интрига мнимодетективного романа — исчезновение мальчиков и их возможная (но не подтвержденная) гибель. Их кто-то похитил и убил (или нет), кто-то инициировал расследование спустя 17 лет — и дело вновь не закончилось ничем! Перед нами странное пространство, мимикрирующее под обычный провинциальный город Чагинск, странные персонажи, имитирующие современных россиян, странные рассказы о Шушуне (фонетически созвучном как Буджуму, так и Джубдуб у Л. Кэрролла). Искомый персонаж очевиден — и неуловим. Как и Буджум, «очевиден он совершенно особым образом: о его присутствии поблизости, если не о самом его существовании вообще, нашим охотникам подсказывает лишь отсутствие... (выделение. — А. М.) даже не его самого, но другого (Булочник исчез!)» [Москотельников 2018а: 601]. Метасюжет обоих «снарков» — у Л. Кэрролла и Э. Веркина — «поиски знакомых и невиданных объектов при наличии достаточно обширных — не знаний, нет! — разглагольствований о них» [Москотельников 2018б: 993]. Все, что видят герои, безусловно, имеет значение, но это «знаки неизвестно чего, то есть знаки в чистом

виде» [Москотельников 2018б: 993]. «Мы что-то явно узнали, но мы не знаем, что мы узнали» [Веркин 2022а: 430].

3.2. Слово-миф и слово-текст

Герои Э. Веркина пытаются сложить головоломку, интерпретировать множество знаков, но она не складывается, потому что это мир с иной логикой, мир иррациональный, даже несколько миров, просвечивающих друг через друга. Виктор, Роман и Аглая часто и охотно говорят о мифе и фольклорных текстах, но не понимают, что загадка — на дологическом, мифологическом плане. «Если бы мир был и вправду явлен нам в слове на языке, то он был бы текстом... Но мир именно явлен нам в непроизносимом монослоге и притом гораздо глубже в организме, чем на языке ... Мир — это миф» [Москотельников 2018б: 999]. Недаром герои так легко сочиняют на ходу любые тексты, в том числе якобы фольклорные, придумывая «городские легенды», «былички», «страшные рассказы» и т. п. Они понимают, что «слово», «имя» здесь мало стоит, оно рассыпается и может быть заменено другим: не Чичагин, так Пересвет (или Суворов, или богатырь Пера как местный культурный герой), не Чагинск, так Налимов (в финале есть идея «переназвать» город, придумав ему новую мифологию и историю — почему нет?). Придумываемые на заказ героем «локфики» по мотивам им же выдуманных легенд — никому не нужные тексты, которые никто не читает. Псевдофольклорное «слово» бессильно, оно не может ничего объяснить и пасует перед страшной внелогической реальностью. Замысел «серьезной» книги о событиях в Чагинске одновременно приходит к Виктору и Роману, но у них ничего не получается и получиться не может: «текст» рвется и расплывается.

Настоящее слово, слово-миф, а не «текст», иногда прорывается в романе, например, в монологе Маргариты Николаевны о бобре и способах его использования (еще одна нить, связывающая «снарк снарка» с «Охотой на Снарка», где Бобр — ключевой персонаж истории). Характерно, что неостановимый рассказ героини, данный не как прямая речь, а как «объективное» повествование от третьего лица, — словно прорыв стихии, он погружает героев в транс:

Хазин «впадает в оцепенение», а Виктор «погружается в странное состояние». «Энэлпэ какое-то, боевая суггестия», — говорит стряхнувший опасный морок герой [Веркин 2022а: 304–306].

3.3. Мифологическое пространство

Главные персонажи романа изо всех интеллектуальных сил пытаются рационализировать происходящее. Они постоянно используют в речи понятия «архетип», «мифологическое мышление», «работа с мифом», чтобы ввести реальность Чагинска в рамки привычного для образованного человека научно-популярного дискурса. (Так, свою задачу как создателя локфиков Виктор видит в том, чтобы «укоренять миф в повсеместности и приближать реальность к мифу» [Веркин 2022б: 676].) Однако эта реальность постоянно двойится и троекратно распадается, обнаруживая хтоническую основу, лес, окружающий город, периодически перестает быть просто лесом и становится лесом Бабы Яги, лесом Шушуна, лесом-детоубийцей. Здесь ничему нельзя доверять: один памятник на открытии сменяется другим, потом вовсе исчезает. И если пространство классического мифа или фольклорный мир как раз очень четко структурированы, то в современном литературном тексте мифологическое пространство обнаруживает себя как зона трансформации, перехода, неустойчивых форм. Виктор обращает внимание на то, что улицы города кажутся то прямыми, то искривленными. Черная Топь, пугающая детей, оказывается каждый раз в другом месте. Маленький город, где герой должен был бы ориентироваться с закрытыми глазами, постоянно выводит не туда. Виктор боится этого чуждого пространства, которое кажется меняющейся декорацией, западней, состоящей «из колокольчиков, из крючьев, силков и волчьих ям, из топей и зыбучих песков, стоит неосторожно свернуть с тропы — и за тобой начинается охота» [Веркин 2022а: 550]. Именно детская страшилка как постфольклорный жанр отражается в структуре «страшного» в «снарке...»: пространство дома — свое (дом детства, дом Снаткиной, дом Аглаи), чужое пространство «наполнено семантикой смерти, потенцией скрытой угрозы» [Петренко 2017: 10]. «Ненормальное

что-то... Разрыв. Или скорее смещение» видит в Чагинске случайно попавший сюда Роман [Веркин 2022а: 562]; истончение и грядущий разрыв «метафизической ткани локуса» — Хазин [Веркин 2022а: 128]. Тем не менее этот разрушающийся мир, где все гниет, включая людей (якобы из-за радона), обладает невероятным притяжением: герои возвращаются сюда через 17 лет, высокопоставленный чиновник и миллионер Светлов строит планы на этот город, Кристина и Хазин похоронены в этой земле, Виктор в финале решает остаться здесь навсегда, став чем-то вроде сакральной жертвы, требуемой городом.

3.4. Мифологическое время

Со временем в Чагинске тоже не все в порядке. «Герои пребывают в симуляции вне времени и пространства», — считает критик [Мина 2023: 3]. За семнадцать лет (одна из многочисленных аллюзий на творчество С. Кинга: повзрослевшие дети возвращаются для битвы со злом) практически ничего не меняется; герой может проспать три дня и не заметить этого; старуха Снаткина со времени детства почти пятидесятилетнего героя остается все такой же. Композиция романа, как и жизнь чагинцев, определяется циклическим, а не линейным временем; аналогичные события повторяются и воспроизводятся: трагифарсовые похороны в конце первого и второго тома, троекратно повторенная сюжетная схема «девочка и два мальчика»; многократные предупреждения о необходимости уехать и игнорирование их героями и многое другое. Историческое время Чагинска растягивается и уходит в мифологическое: здесь «тысячу лет» верят в Шушуна, а легендарным основателем может быть как адмирал, живший в позапрошлом веке, так и Пересвет «по пути на Куликовскую битву», это не столь важно, ведь историю всегда можно переписать как очередной локфик. Бабушка Виктора, пытающаяся избавить внука от тяги города, дает чисто мифологическое объяснение искривленности локального времени и пространства: «мы слишком долго здесь, гораздо дольше, чем следовало бы. Земля пропиталась нами, нас стало больше под землей, чем на ней, и наши корни стали сильнее нас... корни их

затягивают в грунт, а надо бежать...» [Веркин 2022а: 449]. С идеей вечного повторения и вечного возвращения связан и основной имплицитный сюжет «снарка...» — сюжет жертвоприношения. В минуту откровенности Зинаида Захаровна, новый мэр Чагинска, выбалтывает Виктору тайну: «Мы сделали, как ему нравится, все как он любит... Но все не так получилось, эта сучка вывернулась, я не виновата, что она вывернулась... но я все исправлю... в этот раз доделаем» [Веркин 2022б: 632]. Аглая, подруга пропавших мальчиков, тогда, как и они, 12–13-летняя, оказывается, тоже должна была стать жертвой семнадцать лет назад. Читатель остается в неведении, кто такие «мы», кому «ему» и что именно «мы» сделали, не исключено, что эти слова — просто бред нетрезвой женщины. Однако из дальнейшего контекста (и того, что Виктор моментально ей верит) следует, что благополучие Чагинска зависит от некоей жертвы Шушуну, реальным воплощением которого многие считают миллионера Светлова, собирающегося серьезно вложиться в развитие города. Возможно, «недожертва» — девочка увернулась от гибели — и стала причиной нынешнего загнивания Чагинска.

3.5. Фольклорные персонажи

Безусловно, основную роль в «закадровом» сюжете романа играют персонажи, непосредственно восходящие к фольклорным архетипам. Такова, например, старуха Снаткина, вечная и постоянная, делящая с бабушкой Виктора функции архетипа мудрой старухи, великой матери, хранящей и предостерегающей. Несмотря на «проблематизацию статуса мудрой старухи» [Ковтун 2022: 10] и ее амбивалентность [Шевчугова 2022: 63], это по-прежнему один из базовых образов современной мифопоэтики. К той же архетипической парадигме принадлежит и образ директора гостиницы Маргариты Николаевны (как и Снаткина, она владеет Словом), и няни, пытавшейся спасти Кристину, и даже — пусть в негативной форме — образ мэра Зинаиды Захаровны (она «мать» Чагинска, одновременно любовница и старуха — после сексуальной сцены с героем, видящим вполне еще привлекательную женщину, она мгновенно превращается в «Бабу Ягу»). Характерно, что

все «мудрые старухи» как «великие матери» сохраняют тем или иным способом связь с сексуальным началом: Снаткина сочиняет и прекрасно исполняет эротические частушки, Зинаида Захаровна внезапно соблазняет героя, Маргарита Николаевна пристает к постояльцам, а бабушка Виктора одновременно бабушка и молодая красавица, страстно любящая мужа, — в воспоминаниях «вечной» Снаткиной.

Шушун (местный вариант Буджума) — основной герой «снарка...», функционально во многом совпадающий с персонажем Л. Кэрролла. Местные не сомневаются в его существовании: «Снежный человек, сасквоч, йети... за Кологривом леса каждый год горят, вот он сюда к нам и лезет... Шушун. Ему там жрать нечего, вот и прет» [Веркин 2022а: 273]. С самого начала повествования читатель ждет его появления по законам хоррора: напряжение нагнетается, герои постоянно ощущают чей-то взгляд, чье-то присутствие (рационализируя, они решают, что некто наблюдает за ними с дрона). Однако собственно явления так и не случаются: Шушун присутствует, но не показывается, поскольку относится к типу фольклорных персонажей с ослабленным в силу специфики сюжета «визуальным ракурсом» [Неклюдов 2010: 2]. При этом он отнюдь не невидимка, во многом напоминает лешего, но от классического образа лешего, лесовика отличается сексуальной активностью, причем почему-то только к мужчинам [Веркин 2022а: 372]. В шушуна может превратиться и человек (как не вспомнить «Кысь» Т. Толстой или «Псоглавцев» А. Иванова, не говоря уже о многочисленных «вампирических» сюжетах). Собственно, Шушун персонафицирует все темные страхи чагинцев, все разрушительные инстинкты, всю тьму, неуклонно заливающую город, но и бессмыслицу и ложь в жизни давно покинувших город. «Мы генерировали тьму, мы раскрашивали пустоту, мы утверждали, что это не тьма, когда придумываешь правильное название... Тьма отвечает, Витя», — говорит укушенный странной мышью Хазин [Веркин 2022а: 384]. Чуткая к местной тьме Кристина, подруга детства Виктора и мать одного из пропавших мальчиков, безуспешно пытается вырваться из города, но возвращается из-за ряда личных неудач. Еще

в детстве она затевает игру в Шушуна, суть которой — убежать и спрятаться, и в эту игру увлеченно играют дети всего города. Когда же разбитая и разочарованная молодая женщина возвращается, ее бывшая няня при встрече говорит, что в городе пахнет смертью, «шушун вышел из топей и теперь живет среди них, а горожане предались ему и прядут его шерсть, что на многих лежит печать, беги, зачем ты вернулась? Кристина давно не верила в шушуна, не умела прятаться, и бежать ей было некуда» [Веркин 2022б: 599].

В пространстве «снарка снарка» множество других фольклорных образов, подлинно существующих и придуманных героями в их какой-то одержимости продуцированием псевдофольклора. Такова история уже упомянутого бобра, лиса-хохотуна, великой Мыши (почти как у В. Пелевина) — другого сквозного образа, структурирующего размытый сюжет «снарка...» и завершающего искания измученного Виктора. Укушенный мышью Хазин начинает бредить и в бреду произносит страстный монолог о значении мыши в русском и мировом фольклоре (хотя заболел и проспал три дня не укушенный Виктор). Разумеется, Виктор придумывает роман про Хазина, которого укусила мышь и через укус в него проникает «метафизическая сущность мыши» [Веркин 2022а: 684].

3.6. Фольклорные мотивы и сюжеты

Повествование «снарка...» изобилует самыми разными мотивно-сюжетными комплексами, представляющими многообразие жанров фольклора и отчасти постфольклора. В основном это былички (рассказы о встрече с нечистой силой, в том числе истории о контактах с Шушуном, о «небывалых ктырях», пьющих глаза кур и коз), городские легенды (о лесовозе-призраке, о Кракене, обитающем под мостом, псевдооснователях Чичагине, Пересвете, богатыре Пере и др.), страшные рассказы (рассказ Снаткиной об ожившем чучеле кошечки, фантазия о девочке, преследуемой красной дверью, о мертвом деде героя, приходившем к жене, и отогнавших его полотенцах), частушки, сказки (например, известный сюжет о ведьме-поповне и ее отрубленной руке) и трудно определимые в жанровом отношении тексты (рассказ кочегара

Паши о дружбе с ондатрой). Смешные глупости, придуманные как часть пьяной беседы (иногда нарочито пошлые, вроде пародийного фэнтези о борьбе сил света и тьмы), неожиданно сгущаются и становятся подсказками к основному сюжету. Так пьяный Хазин придумывает «электрического деда», забирающего каждый год одно и то же количество электриков (под видом несчастных случаев на производстве). У воды, говорит герой, есть водяной, у земли должен быть земляной, и в контексте ситуации (а люди в Чагинске исчезают часто, и об этом не принято говорить) это уже не кажется просто болтовней: «Разное бывает, к этому нельзя легкомысленно относиться» [Веркин 2022а: 337].

4. Выводы

Для основных персонажей романа, одновременно принадлежащих миру Чагинска и имеющих опыт проживания вне его, очевидна подчеркнутая литературность происходящего, сводящая в едином культурно-смысловом пространстве гетерогенные мифы, фольклорные сюжеты и истории из жизни, кино, газет и т. п. Они смеются над ситуацией «дешевого детектива», в которой оказались по чьей-то (мы так и не узнаем, по чьей) злой или доброй воле, но ни самоирония, ни юмор, ни алкоголь, ни рационализация происходящего на сей раз не помогает. Ближе к развязке Виктор, называя все происходящее «русской готикой», приходит к выводу: «Русская готика отличается от прочих тем, что события могут иметь как реальные, так и мистические движущие силы. Иногда одновременно» [Веркин 2022б: 509]. И далее: «В пространстве русской готики отличить жизнь от литературы порою весьма сложно. Иногда... практически невозможно» [Веркин 2022б: 509]. При всей несерьезности этого разговора о различных видах готики в литературе, в нем, как и в других подобных разговорах романа, проговаривается истина. Финальный диалог загадочного Светлова (возможно, все-таки Шушуна?) и Виктора о ненаписанных книгах и необходимости для писателя «созидать новые смыслы» выводит повествование на новый уровень реальности, и в новом тексте Виктора возникает история нового города на месте умирающего

Чагинска — Налимова. Возможно, что Виктор или Роман все же напишут «настоящую» книгу и, подобно Прусту, обретут смысл в ее написании. В конце концов, «мир существует для того, чтобы были написаны книги» [Веркин 2022б: 520].

Источники

- Веркин 2022а — Веркин Э. Н. снарк снарк. Книга 1. Чагинск. М.: Эксмо, 2022. 768 с.
- Веркин 2022б — Веркин Э. Н. снарк снарк. Книга 2. Снег Энцелада. М.: Эксмо, 2022. 704 с.
- Иванов 2012 — Иванов А. В. Псоглавцы: роман. СПб.: Азбука, 2012. 352 с.
- Некрасова 2019 — Некрасова Е. И. Калечина-Малечина: роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 279 с.
- Рубанов 2019 — Рубанов А. В. Финист — ясный сокол: роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 567 с.
- Старобинец 2006 — Старобинец А. Убежище 3/9: роман. СПб.: Лимбус Пресс, 2006. 448 с.

Литература

- Богатырева 2017 — *Богатырева И. С.* Фольклорные элементы в современной русской литературе [электронный ресурс] // URL: <https://y-code.ru/all/folklornye-elementy-v-sovremennoi-russkoi-literature-ponyatie/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Владимирский 2022 — *Владимирский В.* «Смело говорите правду — вам все равно никто не поверит» [электронный ресурс] // URL: <https://gorky.media/reviews/smelo-govorite-pravdu-vse-ravno-nikto-ne-poverit/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Ковтун 2022 — *Ковтун Н. В.* Современная литература в поисках героя времени // Образ героя современности в прозе рубежа XX — XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА; Красноярск, 2022. С. 8–31.
- Лебедева 2023 — *Лебедева М.* Твин Пикс, Костромская область. [электронный ресурс] // URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/09/27/tvin-piks-kostromskaia-oblast> (дата обращения: 15.10.2023).
- Мина 2023 — *Мина Н.* «Охота на снарка». О романе Эдуарда Веркина «снарк снарк» [электронный ресурс] // URL: <https://pechorin.net/articles/view/okhota-na-snarka-o-romanie-eduarda-vierkina-snark-snark> (дата обращения: 15.10.2023)

- Москотельников 2018а — *Москотельников А. А.* Аннотированный Снарк-2 // Льюис Кэрролл: досуги математические и не только / [сост., пер. с англ. и примеч. А. А. Москотельникова]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 575–602.
- Москотельников 2018б — *Москотельников А. А.* Накануне вторжения вещей. Заметки переводчика на полях «Охоты на Снарка». Жизнь есть сон // Льюис Кэрролл: досуги математические и не только / [сост., пер. с англ. и примеч. А. А. Москотельникова]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 972–1003.
- Неклюдов 2010 — *Неклюдов С. Ю.* Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) [электронный ресурс] // URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neskludov52.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
- Петренко 2017 — *Петренко С. Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX — начала XXI века: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 25 с.
- Фолимонов 2020 — *Фолимонов С. С.* Фольклорные элементы как знаки мифологизации реальности в романе А. В. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 54–65.
- Шевчугова 2022 — *Шевчугова Е. И.* Образ «мудрой старухи» в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои»: идеализация, демонизация, трансформация // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА; Красноярск, 2022. С. 57–68.

«Кризис поступка» героя в повести А. Д. Галахова «Старое зеркало»

*Татьяна Васильевна Швецова*¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, Набережная Северной Двины, 163000 Архангельск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
 0000-0001-9637-6958. E-mail: t.shvetsovaat@narfu.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Швецова Т. В., 2023

Аннотация. *Цель* статьи — дать характеристику литературного героя повести «Старое зеркало», принадлежащей перу автора, выступавшего под псевдонимом Сто-один на страницах журнала «Отечественные записки» в 1845 г. Изучение русских повестей сороковых годов XIX в., в частности повестей А. Д. Галахова, актуально в контексте поиска модели героя русской литературы. *Результаты.* В статье рассматривается проблема традиции и новаторства в изображении русского литературного героя. Обсуждается вопрос о появлении «непоступающего героя» в мире русских повестей второй трети XIX в. Ситуация «кризиса поступка» трактуется как результат онтологической неопределенности героя в мире.

Ключевые слова: поступок литературного героя, «кризис поступка», А. Д. Галахов, русская литература XIX в.

Для цитирования: Швецова Т. В. «Кризис поступка» героя в повести А. Д. Галахова «Старое зеркало» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 97–111. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-97-111

The Hero's «Deed Crisis» in the Story «The Old Mirror» by A. D. Galakhov

*Tatiana V. Shevtsova*¹

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Emb., 163000 Arkhangelsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0001-9637-6958. E-mail: t.shvetsovaat@narfu.ru

Abstract. The *purpose* of the article is to characterize the literary hero of the story “The Old Mirror”, written by the author, who appeared under the pseudonym Sto-odin on the pages of the magazine “Otechestvennye Zapiski” in 1845. The study of the Russian novels of the forties of the XIX century, in particular the novels of A.D. Galakhov, are relevant in the context of the search for a model of the hero in the Russian literature. *Results.* The article deals with the problem of tradition and innovation in the depiction of the Russian literary hero. The issue of the appearance of the “incomprehensible hero” in the world of Russian novels of the second third of the XIX century is being discussed. The situation on the “crisis of the deed” is interpreted as a result of the ontological uncertainty of the hero in the world.

Keywords: deed of a literary hero, «deed crisis», A. D. Galakhov, Russian literature of the XIX century

For citation: Shevtsova T. V. The Hero’s «Deed Crisis» in the Story «The Old Mirror» by A. D. Galakhov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 2: 97–111. (In Russ.). DOI: 0.22162/2587-6503-2023-2-26-97-111

1. Введение

Понятие «поступок литературного героя» входит в одну парадигму с такими ключевыми литературоведческими терминами, как «литературный герой», «сюжет», «хронотоп». Поступок литературного героя является категорией, введенной в научный оборот М. М. Бахтиным в отрывке «К философии поступка» [Бахтин 2003]. Ученый определяет поступок следующим образом: «...вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всю свою жизнь, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления...» [Бахтин 2003: 4]. В логике философа человек тем отличается от вещи, что делает выбор в совершении поступка и несет ответственность за этот выбор. В мире только одно существо в единую минуту времени совершает конкретный и единственный поступок, тем самым заявляя о своем присутствии и существовании. В поступке определяется онтологическая сущность литературного героя.

Пожалуй, самое точное определение этому понятию дает в своем диссертационном исследовании М. А. Селезнева. Обобщив наблюдения философов, психологов, она формулирует определение поступка, приемлемое для литературоведения, указывая в нем основные структурные элементы: «Являясь основным принципом изображения действующих лиц в литературном произведении, поступок включает в себя внешние ощутимые формы их поведения, а также внутренние состояния сосредоточенности мыслей, задумчивости и сильные душевные впечатления, испытываемые персонажами, причем поступок является одной из составляющих сюжета литературного произведения, который складывается из событий, а события из поступков действующих лиц» [Селезнева 2006: 68]. Таким образом, данное толкование обнаруживает три составляющие, которые позволяют исследовать поступок литературного героя как систему: уровень свойств, уровень отношений, уровень элементов. Уровень свойств (атрибутов поступка): поступок литературного героя сюжетен. Уровень отношений: поступок помогает герою выстроить отношения с другими персонажами, с миром, обществом, группой, с самим собой. Уровень элементов: внешние (формы поведения) и внутренние (переживания, впечатления, мысли и т. д.). На основе предложенного подхода была построена матрица анализа поступка литературного героя [Швецова 2020].

Исследовательская задача нашей статьи состоит в определении ключевых свойств поступка литературного героя повести «Старое зеркало» (1845) А. Д. Галахова, не составляющей классический канон русской литературы, в контексте литературных исканий 40-х гг. XIX столетия, в аспекте проблемы «кризиса поступка» героя.

2. Методология исследования

В отечественной филологии сложилась обширная исследовательская практика, посвященная изучению поступков литературных героев. Значительный вклад в разработку теории данного вопроса внесли Н. А. Бушуева [Бушуева 2019], Л. Г. Кришталёва [Кришталёва 2010], Р. М. Ханинова [Ханинова 2006] и др. Соглас-

но точке зрения литературоведа Р. М. Ханиновой, поступок есть отражение одной из новых форм психологизма. Ученый в своей монографии анализирует проблему поступка героя в свете исторической ситуации «кризиса поступка», отказа личности от «инициативы поступка»; противопоставляет «поступающее» и «непоступающее» сознание, активный поведенческий потенциал и напряженное бездействие персонажей [Ханинова 2006: 12–38]. С нашей точки зрения, «кризис поступка» есть разрыв между мотивом поступка и его продуктом. «Кризис поступка» возникает в литературе тогда, когда остро поднимается вопрос о том, кто он — русский литературный герой и каковы параметры его поступка, обнаруживая зияющую пустоту на месте привычного эпического героя. Другими словами, в истории литературы в 40-х гг. XIX столетия возникает герой, не ориентированный в мире своего поступка, или «непоступающий герой».

Н. И. Николаев предлагает для размышления идею о том, что литературный герой всегда совершает поступок, именно он является «центром исхождения поступка». Поступок соединяет события сюжета: «без учета поступка событие распадается на бессмысленное множество его составляющих, на “химические элементы”, перестает быть органичным, внутренне связанным целым» [Николаев 2012: 174].

Ученые-филологи исследуют разнообразные виды поступков литературных героев: поступок как сокрытие или обнажение неблагоприятных сюжетов истории [Джумайло 2014]; антипоступок, в основе которого лежит конфликт героя с миром, природой, обществом; поступок-действие; поступок-самоубийство [Николаев, Швецова 2014]; «уход из мира» как поступок [Швецова 2014]; поступок-служение [Земляникин 2018]. Однако единого подхода к типологическому изучению поступков, совершаемых героями русской литературы, в литературоведении пока нет.

3. Материалы исследования

Выбор в качестве материала исследования произведения А. Д. Галахова (1807–1892) — писателя, не принадлежащего к

первому ряду авторов русской литературы, был продиктован следующими факторами.

Во-первых, А. Д. Галахов в большей степени известен как ученый, историк литературы, автор педагогических пособий по истории русской литературы. В 1848 г. А. Д. Галахов [Галахов 1848] дал оценку романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», совершенно отличную от оценки В. Г. Белинского. В меньшей степени А. Д. Галахов известен как беллетрист. Сам писатель называл свои прозаические произведения «беллетристическими покушениями» [Галахов 1999: 164]. В этом качестве он начал пробовать себя в 1840-х гг. Поместив в журнале «Отечественные записки» ряд своих произведений («Старое зеркало», «Ошибка» и «Кукольная комедия»), А. Д. Галахов заявил о себе как об участнике нового литературного направления, получившего у историков литературы обозначение «натуральная школа». Приемы этого направления сочетались с романтическим сюжетом в трех его повестях.

Во-вторых, беллетристические сочинения этого автора содержали в себе самые известные и популярные сюжеты русской литературы, востребованные читателями русских журналов.

Перечисленные причины позволяют показать механизмы, происходящие внутри русского литературного процесса 40-х гг. XIX в.

4. Трансформация героя повести «Старое зеркало» в контексте литературной традиции

По утверждению самого А. Д. Галахова, его повесть «Старое зеркало» «заслужила одобрение славянофилов, которые хвалили ее А. О. Армфельдту <...>. Им пришлось по вкусу главное женское лицо, в особенности его сострадание к крестьянскому быту, стесненному крепостным правом» [Галахов 1999: 164].

Не занимаясь специально анализом сюжета повести А. Д. Галахова, в одной из своих статей А. А. Григорьев дает следующую оценку: «в эстетическом отношении она страждет многими странными промахами и недостатками, но на ней лежит след тяжелой, грустной думы и строгого, хотя несколько одностороннего анализа: все идеальные лица не удались автору, но зато везде, где кос-

нулся он повседневных явлений, он проследил их с беспощадно последовательностью мысли, созревшей в опытах жизни» [Григорьев 2015: 46]. Русский критик хвалит образ Маши Ягодиной — «простоватой и миловидной барышни; о которой дворовые говорили: „Марья Ивановна молодец; она умеет обращаться с нашим братом: она и в кухню зайдет, и на скотный двор прибежит, и окрик даст“, — с этой, по выражению отца, козырем-девкою, имеющею обратиться впоследствии в бой-бабу, уж как способною держать в ежовых рукавицах слабодушного господина, пленившегося ее милою непосредственностью» [Григорьев 2015: 46]. Маша — сестра сострадательной к крепостным Лизе, приглянувшейся славянофилам. Именно Машу взял в жены Платон Глобов — тот самый «слабодушный господин», герой, о котором мы напишем далее.

Сюжетная сторона его эпических произведений удивительно проста, незамысловата, и это обстоятельство подчеркивал еще В. Г. Белинский. Рассуждая о «Старом зеркале» А. Д. Галахова в статье «Взгляд на русскую литературу 1845 года», он дает довольно суровый комментарий: «В повести Ста-Одного „Старое зеркало“ много интересных частных и умных замечок, хорошо очерчено лицо Ивана Анисимовича и дочки его, Маши; но в целом эта повесть не выдержана, и развязка ее как-то странна, неестественна и неудовлетворительна» [Белинский 1955: 397]. В оценке В. Г. Белинского ощущается стремление соотнести текст повести А. Д. Галахова с какой-то определенной «выдержанной» традицией в русской литературе, чтобы тут же отметить, насколько автор от нее далек.

В рассуждениях современных отечественных литературоведов очевидна установка на поиск литературных параллелей в тексте А. Д. Галахова. Так, некоторые исследователи видят в «Старом зеркале» повтор известных сюжетных ситуаций, привычных для литературы «натуральной школы», в частности ситуации соперничества сестер в любви [Пономарева 2017]. Рабочая группа по изучению русской повести XIX в. в Высшей школе экономики квалифицирует сюжет «Старого зеркала» как сюжет «предсказания» [Сюжетная ситуация «Предсказание» 2023], помещая повесть

в контекст русских романтических произведений с аналогичным сюжетом.

Наследуя традиции романтизма, автор выбирает название своего произведения. Зеркало не только обладает способностью отражения внешнего мира; оно удваивает действительность и создает двойников. В этом отношении имя героя — Платон — подходит для реализации проблематики повести; античный философ говорит о двух мирах — изменчивом чувственном и умопостигаемом мире идей, существующем вне времени и пространства. Старое зеркало — память — отражает прошлое, оживляя в сознании героя образы из юности. При этом условность сюжета «путешествия в прошлое» отходит на второй план. В орбиту авторского внимания попадает настоящее, в котором очевидна ошибка Глобова, выбравшего в жены не ту сестру. Мотив «ошибки» — это движущий элемент сюжета, центром которого выступает роковая оплошность главного героя в выборе жены. Автор вносит в любовную коллизию мотивы романтизма: трагическая предопределенность этой ошибки была открыта герою в результате гадания на картах. В то же время в образе провинциальной героини Лизы Ягодиной, по наблюдению Ю. Ю. Афанасьевой [Афанасьева 2009: 135], несомненно, чувствуется влияние повести М. Жуковой «Самопожертвование», где главная героиня тоже названа Лизой. Впрочем, это имя имеет более длительную историю, как подсказывает повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина со всей атрибутикой: белое платье, чистота, любовь к природе и к людям. Героиня А. Д. Галахова, дочь небогатого помещика, несмотря на окружающий ее мещанский быт, мечтает о разумной жизни, основанной на справедливых законах. В письме к своей приятельнице она развивает мысли о необходимости изменения окружающего ее мира: «Я ничего не понимаю, что делается около меня. <...> Здесь живут не так, как надобно жить. В этом уверяют меня и природа, и внутренний голос чувства, и слова спасителя. <...> Человек забывает нравственный, высочайший закон, который велит ему находиться в мире с ближними, любить их, как самое себя. Но где же этот мир и любовь? Где братские между ними отношения? Я не вижу их в нашем доме,

не вижу в нашем селе, не вижу и в других селах и деревнях» [Галахов 1845: 216]. Мысли Лизы Ягодиной в какой-то степени перекликаются с мыслями Родиона Раскольникова, Ивана Карамазова у Ф. М. Достоевского об отсутствии гармонии в мире, о неправильности всего происходящего. Лиза — сильная героиня [Пономарева 2017: 70], новый женский тип в литературе; она устремлена к идеалу, рефлексивна и размышляет о мире вокруг себя. Примета русской литературы 40-х гг. XIX в.: отсутствие героя мужского типа, готового совершить активно-ответственный поступок, способного вправить сустав вывихнутого века.

Не вызывает сомнения, что «Старое зеркало» ориентировано на пушкинский претекст как в плане сюжета, так и в плане интертекста, выстроенного вокруг мотива внутрисемейных отношений. А. А. Пономарева рассматривает «Старое зеркало» как репрезентативный пример реализации пушкинской ситуации у А. Д. Галахова: «Ее суть можно сформулировать так: старшая сестра влюбляется в героя, приехавшего в соседнее поместье; он отвечает взаимностью на чувства девушки; влюбленные решают пожениться; они встречают препятствие (родственники против брака, младшая сестра / подруга / благодетельница влюблена в героя). Разрешение коллизии чаще всего драматично: влюбленные расстаются» [Пономарева 2017: 138]. А. Д. Галахов беллетристически обработал «онегинские» события. Вероятно, как раз такая обработка вызвала ответную реакцию у В. Г. Белинского.

«В повествовании объясняется, по какой причине герой увлекся младшей сестрой, — продолжает свое рассуждение А. А. Пономарева. — В отличие от Ленского, который так и не успел повзрослеть, Глобов, в прошлом поэт, к моменту знакомства с героиней, охладил душой: забыл “эфирных дев, перед которыми горел огонь фантастического обожания”, увлекся красотами более доступными» [Пономарева 2017: 138]. В этой характеристике намечена метаморфоза, случившаяся с Глобовым, переход от состояния романтической увлеченности к реалистическому видению мира. Другими словами, Платон Глобов — «повзрослевший» Владимир Ленский, женившийся на Маше / Ольге.

Существует мнение, что повесть «Старое зеркало» написана в лермонтовской традиции. Соответственно, герой повторяет модель поведения Печорина. Может показаться, что герой-мужчина копирует поведение «лишнего человека». Но это далеко не так.

Вопрос о «трансформации» уже известного типа героя носит для нас принципиальный характер. Поэтому остановим на нем свое внимание. Платон Глобов — необычное сочетание имени и фамилии. Платон — имя древнегреческого философа. Глобов — фамилия, не распространенная в России. Складывается впечатление, что носитель этого имени и фамилии — персона достаточно экзотичная в русской действительности. Он — поэт, любитель деревенской жизни: «Глобов любил деревню, как любят ее все недалевидные поэты: он даже сам как-то воспевал серебряные волны рек, свирели невинных пастухов, теплые молитвы благодарного поселянина, злато полей, волнуемых дыханием зефира, — все, что нужно для идиллии» [Галахов 1845: 203].

«Платон Петрович был воспитан так же, как воспитывались почти все люди нашего поколения. Правила для жизни шли у него отдельно от жизни, знания не прилагались к действительности. Школа говорила ему одно, свет представил другое. Гибельное разногласие между голосом науки и требованиями общества произвело в нем тот внутренний раздор, от которого один и тот же человек распадается на два противоположные существа. Что значит образ мыслей, несогласный с образом поведения? Парадно платье, взятое напрокат, сшитое не по нас, — мертвый капитал, бесполезный владельцу, еще меньше полезный другим. Человек в этом платье — скелет, увитый розами» [Галахов 1845: 202]. Беда Глобова — в раздвоенности, его мысли и действия рассогласованы. Герой не гармонирует с миром: «дело должно покоряться мысли, мысль должна переходить в дело. Этого-то и не было в герое нашего рассказа» [Галахов 1845: 203]. Автор повести делает акцент на том, что Глобов не способен к делу. «Пустой человек», — такую характеристику дает ему повествователь [Галахов 1845: 207]. «Мы все Глобовы, больше или меньше» [Галахов 1845: 208], — подводит итог повествователь, обозначив общую проблему времени.

Платон Глобов и герои, подобные ему в малой прозе А. Д. Галахова, П. Н. Кудрявцева, А. Ф. Вельтмана, П. А. Анненкова и др., не являются носителями гамлетовского или байроновского комплекса. Их не тяготит несправедливость миропорядка. Они не претендуют на роль вершителей судеб мира и преобразователей действительности. Они не заняты познанием мира, не открывают истины, а принимают мир таким, каким он создан Творцом. Тайны мира им неведомы, поскольку мир непознаваем. События их жизни сосредоточены исключительно в земном пространстве. В этом пространстве мужчины не проходят испытания делом, любовью. Смерть как событие перехода в «иномирье» авторами во внимание не принимается. Герои не ропщут на Всевышнего, не стараются обнаружить его присутствие в мире, даже когда им плохо (таким образом, проблема библейского Иова исключается).

5. Образ мира в повести «Старое зеркало»

Структура мира в повести «Старое зеркало» удваивается благодаря окну и зеркалу. Зеркало разделяет мир на «здесь» (посюстороннее) и «там» (потустороннее): «В этот вечер, когда семейные обстоятельства вызывали его из Москвы в деревню, перед ним больше чем когда-нибудь ложился вопрос: что ожидает тебя там? Что отставляешь ты здесь?» [Галахов 1845: 179]. Начало текста отмечено мрачным состоянием духа повествователя: «Буйная метель разыгралась в поле; узоры, вытканые морозом, заволокли окна моего ветхого дома, и тьма скоро ляжет на пустынные окрестности села» [Галахов 1845: 172]. Зима, метель, деревня отсылают к А. С. Пушкину. Окно можно рассматривать как символический способ связи с внешним миром. «Особое значение окна проявляется в том, что оно связывает жилище / дом не просто с внешним миром, но и с миром космических явлений, таких как солнце, луна, стороны света» [Смирнов 2001: 46]. Таким образом, повествователь в начале текста, занимая позицию у окна, вписан в глобальную космическую картину мира.

Мотив потусторонности в тексте достигается не только через упоминание зеркала, но и через многочисленные романтические

образы: непонятное предсказание на картах; неведомый голос, который зовет мальчика по имени; сон Лизы, в котором умершие подруги дают ей наказ: «Лиза, люби людей!» [Галахов 1845: 207].

Стоит отметить, что внимание к потусторонности устанавливается в секуляризованном мире. «„Потустороннее“ — это то, что очевидным образом выходит за рамки естественного. Секулярный же мир на то и секулярный, что будто бы приемлет только естественное. Потому гораздо уместнее, по-видимому, предположить интерес к потустороннему в пределах культуры религиозной, знающей наличие сакральной реальности и оперирующей такими понятиями, как, например, сверхъестественное и сверхчувственное. Вроде бы и потустороннему место в том же ряду. Между тем при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что потустороннее — совсем не религиозная тема; напротив, возникает она именно в рамках секулярного мироощущения, и по-своему это вполне закономерно» [Сурикова 2012: 172].

Образ мира, выстроенный А. Д. Галаховым, предполагает наличие не только данной, видимой, реальной действительности, но и сакральной реальности, лежащей в основе всего сущего. Сакральная реальность проявляет себя в предсказаниях, снах. Онейрическое пространство буквально вытесняет профанную реальность в письмах героини (Лиза пишет шесть писем к своей подруге).

Исследование композиции повести указывает на то, что ошибка или сюжетное противоречие является авторским приемом в тексте [Сидоренко 2021: 19–27]. Пространство повести «Старое зеркало» лишено логических закономерных связей: Платона Глобова влечет к Маше, Маше нравится Барбосов, Глобова любит Лиза, в Лизу влюблен цыган.

Персонажи повести не в силах сделать правильный шаг и принять верное решение. Их жизнь полна случайностей. Случайность можно расценивать как ключевое качество картины мира русской беллетристики в середине XIX в. Одним из основоположников концепции «случайности» применительно к художественному миру является Н. К. Михайловский [О Вон Ке 2000]. В этой модели мира нет иерархии предметов, признаков, качеств яв-

ления, установленной уже самим отбором материала и подчеркнутой формой его организации. На случайность как возведенное в энную степень качество бытия указывает С. Бочаров [Бочаров 2013].

Семья становится мнимой ценностью в новом, еще одном (не абсолютном) мире. Кризис института брака, среди прочего, указал на устаревание идеи о нерасторжимости брака. «Соблазнить девушку, увлечь, ради минутной прихоти, замужнюю женщину, завязать связь с какой-нибудь модисткой или горничной и, когда надоест, бросить ее, — это сплошь и рядом выдавалось за практическое приложение принципов жоржзандизма», — емкое наблюдение одного из исследователей [Бурмистрова 2010: 74].

Точки зрения человека и Божественной инстанции в секуляризованном мире не пересекаются. Смертный человек сосредоточен на своем внутреннем бытии, что отражается в письмах, воспоминаниях, дневниковых записях. Его проблемы чаще связаны с житейскими запросами — свадьба, женитьба, организация домашнего быта. От него не требуется защита Отечества и сражение на поле брани; он не защищает интересы своего рода и семьи, как Гамлет, не жертвует жизнью во имя высоких идеалов, как Дон Кихот, не занят поиском истины, как Фауст. Если все же случается чья-то гибель, то событие не воспринимается как трагическое.

Секуляризованный мир порождает героя, не способного к совершению поступка. Понятие «поступок» в таком мире обесценивается.

6. Заключение

Знакомое сюжетное построение в повести А. Д. Галахова оборачивается обесмысливающими деталями и концовками. Следствие таких трансформаций — дегероизация основного действующего лица. Содержание повести А. Д. Галахова «Старое зеркало» можно рассматривать как еще одно свидетельство появления в русской литературе 40-х гг. «непоступающего героя», его непоступание становится базовой характеристикой мира. Аналогичные тенденции прослеживаются в сочинениях П. Н. Кудрявцева («Флейта»,

«Живая картина», «Цветок», «Последний визит»), А. И. Герцена («Кто виноват?»), И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Иван Савич Поджабрин»), Н. А. Некрасова («Макар Осипович Случайный»), А. Майкова («Машенька»), П. А. Анненкова («Кирюша») и др.

Место такого героя в мире неопределимо, что влечет за собой невозможность осуществления поступка, если под понятием «поступок» понимать действие, которое влечет за собой ощущение причастности героя бытию. Разрабатывая проблему поступка в своей ранней философской работе «К философии поступка», М. М. Бахтин обратил внимание на принципиальную ее связь с переживанием, которое испытывает поступающий по поводу своего места в мире. Иными словами, картина мира, в которую встроены поступающий субъект, обязательное условие возникающего импульса — поступка. С учетом этого обстоятельства следует признать, что разрушение художественной картины мира в кризисных фазах литературной истории должно неизменно сопровождаться кризисом поступка, невозможностью его воплощения в мире. Именно это и становится неизменной чертой беллетризованных опытов А. Д. Галахова.

Утрата привычного образа героя на том месте, где он совсем недавно находился, приводит к «кризису поступка» героя. В этом усматривается основной вектор развития русского литературного процесса сороковых годов XIX столетия.

Источники

Галахов 1845 — Галахов А. Д. Старое зеркало // Отечественные записки. 1845. № 9. С. 200–273.

Литература

Афанасьева 2009 — *Афанасьева Ю. Ю.* Творчество М. С. Жуковой в литературном процессе 30–50-х годов XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 4 (82). С. 134–138.

Бахтин 2003 — *Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ти тт. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 3–45.

- Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Русская литература в 1845 году // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 тт. / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 9. Статьи и рецензии. 1845–1846 / тексты подгот. и коммент. сост. В. С. Спиридоновым и Ф. Я. Приймай; ред. В. А. Десницкий. М.: АН СССР, 1955. С. 378–406.
- Бочаров 2013 — *Бочаров С.* Синяя птица Александра Чудакова: Сборник памяти Александра Павловича Чудакова [электронный ресурс] // URL: <https://biography.wikireading.ru/hxfpz378PF> (дата обращения: 07.11.2023).
- Бурмистрова 2010 — *Бурмистрова С. В.* Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 73–79.
- Бушуева 2019 — *Бушуева Л. А.* Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование (на материале русского и английского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2019. 530 с.
- Галахов 1848 — *Галахов А. Д.* Русская литература в 1847 году // Отечественные записки. 1848. Т. LVI, № 1. Отд. V. С. 18–21.
- Галахов 1999 — *Галахов А. Д.* Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с. (Россия в мемуарах).
- Григорьев 2015 — *Григорьев А. А.* «Причуды». Комедия П. Н. Меншикова («Современник», 1850, № VIII) // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика в России первой половины 1850-х годов / сост. А. В. Вдовин, А. С. Федотов, К. Ю. Зубков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 43–50.
- Джумайло 2014 — *Джумайло О. А.* Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 43 с.
- Земляникин 2018 — *Земляникин А. П.* Поступок-служение в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» // XLVI Ломоносовские чтения: сборник материалов науч.-практ. конф. (Северодвинск, 16–18 ноября 2017 г.). Архангельск: САФУ, 2018. С. 101–105.
- Кристалёва 2010 — *Кристалёва Л. Г.* Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах — опыт реконструкции). М.: ИФРАН, 2010. 123 с.
- Николаев 2012 — *Николаев Н. И.* Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. 2012. № 3 (21). С. 173–176.
- Николаев, Швецова 2014 — *Николаев Н. И., Швецова Т. В.* Мотивы самоубийства героинь тургеневских повестей // Знание. Понимание. Уме-

- ние. 2014. № 4. С. 251–259.
- О Вон Ке 2000 — *О Вон Ке*. О поэтике объективности А. П. Чехова: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 190 с.
- Пономарева 2017 — *Пономарева А. А.* Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Селезнева 2006 — *Селезнева М. А.* Поэтика характеров в «Рассказах 1922–1924 годов». М. Горького: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 21 с.
- Сидоренко 2021 — *Сидоренко А. В.* Сюжетные противоречия: ошибка или авторский расчет (повесть А. Д. Галахова «Старое зеркало») // Первые научные штудии: сб. науч. тр. (Новосибирск, 01 сентября – 30 октября 2021 г.) / отв. ред.: Н. А. Агеева, Е. Г. Николаева. Вып. 11. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2021. С. 19–27.
- Смирнов 2001 — *Смирнов В. А.* Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (Архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX вв. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Бунин): дисс. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2001. 310 с.
- Сурикова 2012 — *Сурикова О. С.* Понятие потустороннего в западноевропейской культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 172–182.
- Сюжетная ситуация «Предсказание» 2023 — Сюжетная ситуация «Предсказание» [электронный ресурс] // URL: <https://philology.hse.ru/gusnovel/prophesy> (дата обращения: 07.11.2023).
- Ханинова 2006 — *Ханинова Р. М.* Психология литературного героя в аспекте философии поступка // Ханинова Р. М. Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. С. 12–38.
- Швецова 2014 — *Швецова Т. В.* «Уход из мира» как поступок в нравственном мире героев И. С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 203–206.
- Швецова 2020 — *Швецова Т. В.* Методологические подходы к изучению понятия «Поступок литературного героя» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 1. С. 26–34.

Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр»

Анна Олеговна Путило¹, Олег Олегович Путило²

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0009-0001-6749-5728. E-mail: anna.putilo[at]yandex.ru

² Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Путило А. О., Путило О. О., 2023

Аннотация. *Введение.* В христианском фэнтези дихотомия видимого/невидимого тесно связана с таким религиозно-философским понятием, как ведение (знание) и соответствует христианской концепции устройства вселенной. *Цель* нашей статьи заключается в необходимости проанализировать особенности рецепции христианского вероучения, реализуемые в рамках обозначенной выше категории на примере фантастической прозы. Выбор в качестве материала цикла «ШНыр» российского писателя Дмитрия Александровича Емца обоснован репрезентацией в его романах христианской эстетики и философии, а также относительной их малоизученностью. *Результаты и выводы.* В статье делается вывод, что категория видимого / невидимого в цикле Д. Емца «ШНыр» связана с таким религиозно-философским понятием, как ведение (знание), и соответствует христианской концепции устройства вселенной. Дихотомия видимого / невидимого определяет специфику художественного пространства, составленного из трех миров: сверхплотного, материального и тонкого. В центре сверхплотной Двушки — Бог, единственно невидимый в истин-

ном смысле этого слова. Все остальные герои и вещи, принадлежащие другим мирам, могут считаться лишь условно невидимыми. Категория видимого / невидимого в цикле «ШНыр», в первую очередь, связана не с объектом видения, а с тем, насколько совершенен субъект действия, т. е. насколько совершенен тот, кто видит. Выше всех абсолют — Бог, далее Его подобие — люди, обладающие разной степенью совершенства / святости, и ниже всех падшие существа — эльбы. Исследуемые категории тесно увязаны с идеей цикла — стремлением людей познать (увидеть) божественное зерно друг в друге и во всем окружающем.

Ключевые слова: фантастика, фэнтези, видимое, невидимое, пространство, образ, Емец, ШНыр

Для цитирования: Путило А. О., Путило О. О. Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 112–126. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-112-126

The Category of Visible / Invisible in the Cycle of Dmitry Emets “SHNyr”

Anna O. Putilo¹, Oleg O. Putilo²

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)

Cfnd. Sc. (Philology), Associate Professor

 0009-0001-6749-5728. E-mail: anna.putilo[at]yandex.ru

² Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)

PhD (Philology), Associate Professor

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Putilo A. O., Putilo O. O., 2023

Abstract. Introduction. In Christian fantasy, the visible/invisible dichotomy is closely related to such a religious and philosophical concept as knowledge and corresponds to the Christian concept of the universe. The *purpose* of our article is the need to analyze the features of the perception of Christian doctrine,

implemented within the framework of the above category on the example of fantasy prose. The choice of the Russian writer Dmitry Alexandrovich Yemts as the material of the “SHNyr” cycle is justified by the presence of Christian aesthetics and philosophy in his novels, as well as their relative lack of study. *Results and conclusions.* The article concludes that the category of the visible / invisible in the D. Yemts cycle “Shnyr” is associated with such a religious and philosophical concept as knowledge, and corresponds to the Christian concept of the universe. The visible/invisible dichotomy defines the specifics of an artistic space composed of three worlds: superdense, material and subtle. In the center of the superdense dvushka (two-room apartment) there is God, the only invisible one in the true sense of the word. All other characters and things belonging to other worlds can only be considered conditionally invisible. The category of the visible / invisible in the “SHNyr” cycle, first of all, is not related to the object of vision, but to how perfect the subject of action is, i.e. how perfect the one who sees them is. Above all, the absolute is God, then His likeness are the people with varying degrees of perfection/ holiness, and below all fallen beings are the Elbs. The categories under study are closely linked to the idea of the cycle — the desire of people to know (see) the divine grain in each other and in everything around them.

Keywords: science fiction, fantasy, visible, invisible, space, image, Emets, SHNyr

For citation: Putilo A. O., Putilo O. O. The Category of Visible / Invisible in the Cycle of Dmitry Emets “SHNyr”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 2: 112–126. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-112-126

1. Введение

Категория видимого / невидимого традиционно интересует литературоведов в разрезе нескольких парадигм: как изобразительный прием, как конфликт способов репрезентации реальности, как проблема зримости и реальной правды и как соотношение видимого и говоримого [Ксенофонта 2003]. Актуальность обращения к исследуемой категории в ходе анализа именно фантастической литературы, в первую очередь, определяется спецификой жанра. По мнению И. В. Головачевой, «акцентированное невидимое, как правило, проявляется в трех типах дискурсов. Обозначим первый как делириозный, т. е. связанный с психиатрическим контекстом или подтекстом. (Таков дискурс в главах романа Федора Достоевско-

го, где фигурирует „личный“ черт Ивана Карамазова, только ему и являющийся). Второй тип обнаруживаем, например, в „Человеке-невидимке“ Герберта Уэллса, где незримость героя однозначно опознаваема как научно-фантастическая. Обозначенная Уэллсом невидимость персонажа трактуется в качестве рационализированной новизны, позитивистской инаковости, вызванной научно-техническим изменением (изобретением). Третий тип невидимого в текстах — это призрачное, относящееся к сверхъестественному нереальному в нашей классификации» [Головачева 2016: 251]. Все три типа определяются в контексте понимания фантастического, как колебания между чудесным и необычным [Тодоров 1999: 25]. Хотя невидимость может быть обоснована фокусом или помрачением сознания, в фантастическом жанре мы чаще встречаем сверхъестественное объяснение этого явления. При этом ключевые вопросы, связанные с исследуемой категорией, касаются не столько способа обретения невидимости, сколько того, почему избранные люди способны узреть незримое?

Особый взгляд на реализацию дихотомии видимого / невидимого присутствует в фэнтези, где та тесно увязывается с категорией плотности / тонкости. Например, в романе Д. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» невидимость определяется магическим воздействием кольца всевластья. Надевший его на палец смертный переносится в «тонкий» мир, мир теней и духов. Частое использование артефакта приводит к тому, что его владелец может окончательно утратить «плотность», стать призраком, повторить судьбу злобных назгулов: «Если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает — или, как говорят Мудрые, развоплощается, — а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец» [Толкиен 1994: 52]. Плотность — категория, безусловно связанная с видимостью не только жанра фэнтези в целом, но и в христианской методологии.

Обращение к анализу дихотомии видимого / невидимого в том христианском фэнтези требует расширения указанной категории до познаваемого / непознаваемого, очевидного / тайного. С точки зрения этимологии ведение (знание) и видение (зрение) — пример корневого чередования [Фасмер 1986: 312]. Семантически оба понятия указывают на процесс восприятия окружающего мира,

получение информации о нем. В православии ведение (познание) и видение (зрение) неотделимы друг от друга, поэтому мы будем рассматривать процесс познания не как получение конкретной информации, а как экзистенциальный акт, связанный с пониманием сути вещей и явлений. Следовательно, видимость или невидимость объекта обусловлены не просто его физическими свойствами, а способностью реципиента понимать природу и естество увиденного.

2. История вопроса

Категория видимого / невидимого часто затрагивается в процессе обсуждения вопросов о богопознании и свойствах Бога в религиозно-философских статьях: [Афанасьев 1971; Давыденков 2017; Лосский 2006; Мандзаридис 2010] — и богословских источниках: [Палама 1995; Дамаскин 2012; Симеон Новый Богослов 2015]. Однако в литературоведческой практике к этой дихотомии обращаются не так часто [Иванов, Волкова 2015; Чиан 2016; Кузнецова 2011; Ксенофонтова 2003], еще меньше исследований, построенных на анализе фантастических текстов (science fiction, fantasy), где пространство видимого / невидимого встречается чаще, чем в обычной «литературе вымысла» (fiction) [Головачева 2016]. Недостаточно изученным является и творчество Д. Емца, на материале которого мы рассматриваем вышеозначенную категорию: исследователей преимущественно интересуют его ранние циклы — «Таня Гротгер» и «Мефодий Буслаев» [Дворак 2015]. Все вышеперечисленное определяет актуальность нашей работы.

3. Материалы исследования

Цикл Дмитрия Александровича Емца «ШНыр» включает 12 романов, в которых (относительно предшествующих циклов) прослеживается сильное влияние христианской эстетики и философии. Жанровое определение своему циклу Д. А. Емец сформулировал в одной из статей на православном портале «Правмир»: «...христианское фэнтези — жанр хороший и полезный, если не заигрываешься и соблюдаешь определенные внутренние законы. Главный же закон такой, что ты только подводишь к дверям храма, потому что если ты за них переступил, будет мистика, а мистика

— это всегда подмес» [Емец 2017]. Именно поэтому автор не использует непосредственно христианские категории: Бог заменяется метонимическим определением «Двушка», демоны — эльбами, одержимые — псиосными и т. д. Следовательно, при всей очевидности христианской парадигмы образной системы, оригинальные наименования категорий героев позволяют избегать прямых религиозных аллюзий, оставаясь в границах православного фэнтези, принадлежность к которому во многом предопределила выбор материала для нашей статьи.

4. Плотность пространства как ведущая характеристика категории видимого / невидимого

Художественное пространство в цикле Д. Емца «ШНыр» организовано в виде представляющих единое целое трех миров: сверхплотного, материального и тонкого: «Наш мир, мертвый мир — *болото*, и истинный вечный мир, где не существует смерти, — *двушка*. *Двушка* — мир, только еще приготовленный для людей и пока незаселенный (курсив наш. — А. П., О. П.)» [Емец 2017]. Они наслаиваются друг на друга, из чего следует, что у них единый творец. Такая структура отражает христианский догмат о Церкви Земной и Церкви Небесной, так в соответствии с идеей о «кафоличности Церкви, ее единство является абсолютным: нет видимой и невидимой церкви, небесной и земной, а есть единая Христова Церковь» [Афанасьев 1971: 9].

Каждый из миров сталкивается со злом, которое в попытке их разрушить расходует заложенный заряд добра и любви. Согласно христианскому учению, «человек на заре своей истории не выдерживает испытание свободой и любовью. Он отвергает Бога — источник, основу и цель своей жизни. Вследствие чего повреждается первоначальное состояние человеческого естества и мира в целом, а также отказавшись от источника жизни, все обрекается на смерть» [Православная энциклопедия 2002: 386]. Все три мира находятся в постоянном взаимовлиянии, но их плотность и видимость непостоянны: они тяготеют к деструктуризации и только значительными усилиями удается удерживать пространство от разрушения. Болото уже утратило плотность, стало нематериальным, и его обитатели жаждут вернуть хотя бы незначительную ее

часть, питаясь энергией мира людей. А наша реальность — Земля — находится в процессе развоплощения, поэтому шныры для поддержания плотности и приносят с Двушки закладки.

5. Влияние категории видимого / невидимого на образную систему цикла

Важность дихотомии видимого / невидимого подчеркивается ее влиянием на образную систему цикла. Предметы, явления, состояния из трехмерного пространства для одних героев могут быть видимыми, а для других невидимыми, да и сами герои — обычные в нашем, реальном мире — становятся сверхплотными на Двухке, а в мире эльбов теряют плотность. В то же время для обитателей сверхплотного мира Двухки все видимо, а значит, все очевидно. Они знают истинное состояние всех вещей и людей и, скорее всего, и будущее, и прошлое. Тому, Кто находится в центре Двухки, за второй грядой, известно, как распределяются закладки в мире и кому из шныров какую закладку предстоит найти, заранее ведомо, пройдет ли шныр испытание или провалит его. Все это явная отсылка к христианскому пониманию природы Божества.

Невидимость — это лишь одно из апофатических свойств¹, истоки которых лежат в том, что Бог существует в сверхбытии, т. е. в реальном мире нет осязаемого, вещественного аналога Его свойствам. Поскольку мир Двухки — сверхплотный, а его центр и во-

¹ В православии концепция Бога догматически выражается через представление о свободном и разумном Существо (Личности), заключающем в Себе безграничную полноту бытия. Богословы разделяют Божественные свойства на:

1) апофатические (отрицательные) свойства, обусловленные тем, что Бог обладает всей полнотой и совершенством бытия, абсолютной сущностью.

2) катафатические (положительные) свойства, обусловленные тем, что Бог есть духовно-разумное Существо, Которое благоволит открыть Себя людям и сообщить им знание о Себе.

В учении преподобного Максима Исповедника, Бог по природе Своей вообще не соответствует какому-либо разряду сущего. И поэтому, вследствие сверхбытия Бога, Ему более подобает определение «Небытие» [Давыденков 2017: 98].

все немыслимо плотный, невидимым / непознаваемым в истинном смысле является только ее обитатель — Бог. Все остальные — условно невидимые, в зависимости от степени плотности героев-реципиентов.

Для эльбов — жителей нематериального Болота — не все видимо, но души или подобные им материи они воспринимают. Эльбы замечают людей и предметы из реального мира, но при этом они слабее человека, так как действовать в нем они могут лишь через посредников. Так как эльбы принадлежат нематериальному (утратившему из-за грехопадения материальную плотность) миру, видение тонких материй — их «врожденное» свойство, а значит, видят они и друг друга.

Обычным людям видны только существа обычной плотности, а сверхплотные или тонкие нет. Тонкий мир они могут разглядеть только с помощью каких-то специальных приспособлений (например, специального стеклышка или закладки), но при этом они способны видеть больше, чем те же эльбы. Рассуждая о возможности познания неочевидных форм бытования материи, святитель Игнатий Брянчанинов объясняет невидимость некоторых элементов мира именно несовершенством человеческого зрения: «Что значит мир видимый? Это тот, который мы видим. Что — мир невидимый? Это тот, который мы не видим. Христианство <...> приводит к познанию, что чувства наши извращены падением, подвержены переменчивостью, и потому никак не могут служить нормою...» [Брянчанинов 2018: 604]. Из этого следует, что, совершая грех, человек искажает данные ему от сотворения органы чувств. Видение людьми элементов сверхплотного мира (как и переход туда) всегда происходит с разрешения самой Двушки. Установив аналогию с организацией пространства в романах «ШНыр», мы приходим к выводу, что идеальный мир (обладающий максимальной плотностью) может увидеть только герой, чья природа еще не была растрачена грехопадением. Но чем сильнее повреждена природа существа грехом, тем ниже будет ясность его зрения, и тем сложнее ему будет увидеть истинный неискаженный образ сверхплотного мира.

Полное познание Бога по православной догматике невозможно, но Он может в некоторой степени открыть себя праведнику. Максимально полно данное утверждение раскрывается в учении святителя Григория Паламы о нетварном божественном свете. Святитель пишет, что «Начало духовного созерцания — добро, купленное чистотой жизни, и познание сущего, <...> а его последняя цель — залог будущего века, незнание, которое выше знания, и знание, которое выше понимания, сокровенная причастность к сокровенному и невыразимое видение, тайное и неизреченное созерцание и вкушение вечного света» [Палама 1995: 105]. Созерцание нетварного света — это созерцание Божественного Первообраза в своем внутреннем человеке, которое становится возможным после освобождения человека от греха и предчувствие вечной жизни.

Так, одна из главных героинь, Яра, обуреваемая сомнениями и переживаниями во время беременности, ныряет на Двушку и молится там о том, чтобы ее ребенок родился шныром [Емец 2015: 358–370], т. е. чтобы метафорическая «чаша» не была пронесена мимо, чтобы она получила право пройти предстоящее ей испытание (ср. молитва Христа в Гефсиманском саду: «Отче! все возможно Тебе; прinesi чашу сию мимо Меня» (Мк. 14, 35–36) [Новый Завет 2017: 71]). Вступая в диалог с Двушкой, она говорит с собственным отражением (созерцает Бога в себе) и получает ответы, недоступные другим людям и существам. Она трижды просит, и трижды Двушка пытается отговорить ее. Бог на Двухке на какой-то момент открывает себя ей так же, как он являлся праведникам в христианстве. При этом и до Яры были «пророки», беседовавшие с Двухкой, основателю «Школы ныряльщиков» Митяю Желтоглазому раскрытые ею тайны помогли создать многие инструменты для шныров: например, нерпи с рисунками, которые преобразовывали заряд, полученный от главной закладки в специальные таланты своих хозяев (череп со стрелой — поиск закладок, гепард — понимание животных и т. п.).

Акт раскрытия Двухкой герою истинной природы вещей имеет в своей основе не только фэнтезийные, но и христианские корни. Православная церковь считает источником научного знания

божественную истину. Так, святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) писал: «Религия потому движет науку, что в религиозном опыте мы вступаем в контакт с вечным Разумом, Голосом мира. Кто любит Бога, тому дано знание от Него (1 Кор. 8:3) [Новый Завет 2017: 245]. Не потому ли часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, которые были и великими учеными, и великими христианами» [Крымский 2010: 392]. Таким образом, автор наделяет Двушку свободной волей и разумом, а также способностью (при обоюдном желании) просвещать и утешать людей, что основывается на христианском понимании взаимоотношения человека и Бога: «Господь просвещение мое и Спаситель мой» (Пс. 26) [Новый Завет 2017: 379].

Категория видимого / невидимого связана не только с тем, что является объектом видения, но и с тем, насколько совершенен субъект действия, то есть насколько высока «плотность» того, кто видит. Соответственно православному учению видение духовной природы происходит свободным от греха духовным зрением: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Мф. 5:8) [Новый Завет 2017: 9]. Кроме того, человек как образ и подобие Бога ищет Его и желает познать, именно с этого иррационального желания и начинается процесс совершенствования природы человека. В романах Емца, однако, не каждый герой готов к работе над собой для получения благ от Двушки. Но всех их можно расположить на иерархической «лестнице», где высшую ступень занимает абсолют — Бог, далее Его подобие — человек и ниже всех — демоническое падшее существо.

Двушка — Бог (рай), центр радиального мира, источник любви, тепла, жизни и т. п.

Первошныры — святые, мученики, образцы нравственности из прошлого, бывали за Второй грядой (или там и находятся), что довольно близко к центру Двушки.

Шныры — современные автору-рассказчику люди, уповающие на Бога, на то, что попадут (в рай) на Двушку, исправляющие зло в себе и уже достойные окраин Двушки. Это герои, имеющие «тайное» знание о том, как попасть на Двушку, видевшие милостию

Бога невидимое воочию, т. е. пережившие личную «встречу с Богом». Согласно догматике, христианство — это личная религия, «Бог познается в откровении как в личном общении. Откровение всегда есть откровение кому-то: оно состоит из встреч, которые образуют историю. <...> Мы не можем не только познавать Бога вне откровения, но и судить об откровении „объективно“, то есть извне» [Лосский 2006: 451].

Венды — современные рассказчику люди, борющиеся с внешним злом, но не еще осознавшие, как исправить себя, не пережившие «встречу с Богом», они не могут попасть на Двушку, но частично переняли учение шныров, научившись различать зло с помощью «инструментов» из «невидимого мира».

Обычные люди не стремятся к познанию и поэтому ничего не знают. Простые люди не только не могут заметить в человеке-инкубаторе подсаженную личинку, но и не обращают внимания на вполне реальных пегасов и гиел, парящих в небе. Обыватель опасается открытия того, что противоречит привычному для него мироустройству, поэтому обнаружение доселе незамеченного, невидимого трансформирует человека: «Что-то произошло с ее глазами. Привычный московский мир, состоящий из серых домов, мокрой земли и длинного забора, подсветился изнутри. Внешне красок не стало больше, но вылезли те мелкие детали, которые раньше не имели значения» [Емец 2010: 133].

Ведьмари пережили встречу с Двушкой, с Богом, но сделали выбор в пользу зла. Они хотят взять все блага мира видимого и невидимого силой, без любви, без работы над собой. Некоторые из них все же хотят исправиться и иногда искупают грехи, а значит, ведьмари имеют шанс на прощение, на спасение.

Мокша — бессмертный человек, посредник зла на земле, inferнальный образ. Он первошныр, которого, как и Люцифера, сгубила гордыня. Он сожалеет об утрате возможности входа на Двушку, но не хочет признавать свои ошибки, и поэтому не исправляет их.

Эльбы и другие злые сущности — те, кто добровольно отказались от любви, от тепла Двушки. Они потеряли божественный первообраз, даже визуально стали бесформенной массой. Вынужденно паразитируют на людях, так как сами по себе уже неспособ-

ны к жизни. Сожалея об этом, они не хотят, а, возможно, уже и не могут искупить свое падение.

Герои, находящиеся на той или иной ступени, не статичны и меняют свое положение в зависимости от совершаемых ими поступков. Наиболее показателен пример Альберта Долбушина, который на протяжении жизни несколько раз приближался и удалялся от идеала праведничества, но завершил свой земной путь за Второй грядой Двушки как святой [Емец 2020: 472–499]. Данный переход происходит с ним под влиянием закладки сверхзрения, которая позволяет познать истинную природу и сущность людей.

6. Заключение

Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр» полностью соответствует христианской концепции устройства вселенной. В основе ее описания лежит иррациональное желание богопознания, реализованное через путешествия на Двушку. Категория видимого / невидимого в романах напрямую увязывается с тремя характеристиками:

- 1) плотность характеризует пространства миров и принадлежащие им объекты;
- 2) познаваемость описывает возможность или невозможность понимания природы и естества объектов и субъектов познания;
- 3) духовное зрение характеризует героев реципиентов, желающих познавать Двушку.

Причем все указанные характеристики составляют единую художественную систему. Так, сверхплотный непогрешимый Бог — совершенный абсолют, духовная высота, центр Двушки — непознаваем полностью, то есть он невидим в истинном смысле слова.

Вопрос о возможности видеть невидимое касается двух аспектов:

- 1) Позволяет ли Невидимое видеть Себя?
- 2) Какой перед нами тип персонажа: достоин ли этот герой увидеть Невидимое и какая у него плотность?

Падшие сущности эльбы, существа «тонкого» плана, для обычных людей формально тоже невидимы, но не в силу своего

совершенства, а в силу того, что они развоплотились: утратили все божественное в себе, прервали всякую связь с первообразом, стали бесформенными существами. При этом общее божественное происхождение (сотворение одним творцом) связывает героев всех плотностей, поэтому эльбы познаваемы и при определенных условиях могут быть ощущаемы и видимы.

Главными героями цикла являются необычные люди, стремящиеся познать Двушку в силу своих способностей и возможностей. Обладая чистым сердцем, они имеют духовное зрение, то они могут видеть тайное и созерцать Бога сначала в себе, а потом воочию — за второй грядой Двушки. Люди стремятся познать (увидеть) именно божественное зерно друг в друге и во всем окружающем.

Источники

- Емец 2010 — *Емец Д. А.* Пегас, лев и кентавр. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
- Емец 2015 — *Емец Д. А.* Глоток огня. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
- Емец 2020 — *Емец Д. А.* Дверь на двушку. М.: Эксмо, 2020. 512 с.
- Новый Завет 2017 — Новый Завет. Псалтырь с приложением краткого молитвослова. М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. 480 с.
- Толкиен 1994 — *Толкиен Д. Р. Р.* Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 2. Хранители. Тула: Филин, 1994. 444 с.

Литература

- Афанасьев 1971 — *Афанасьев Н. Н.* Власть любви: К проблеме права и благодати // Православная мысль. Труды Православного Богословского Института в Париже. Вып. 14. Париж: УМСА-press, 1971. С. 5–23.
- Брянчанинов 2018 — *Брянчанинов Игнатий, свт.* Прибавление к «Слову о Смерти» // Брянчанинов Игнатий, свт. Полное собрание творений в пяти томах. Т. 2. М.: Новое небо, 2018. С. 558–634.
- Головачева 2016 — *Головачева И. В.* Фантастическое невидимое // Yearbook of Eastern European Studies. 2016. № 6. С. 251–264.
- Давыденков 2017 — *Протоиерей Олег Давыденков.* Догматическое богословие: учеб. пособие. М.: ПСТГУ, 2017. 624 с.

- Дамаскин 2012 — *Дамаскин Иоанн, преп.* Точное изложение православной веры. М.: Сибирская благовонница, 2012. 476 с.
- Дворак 2015 — *Дворак Е. Ю.* Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 237 с.
- Емец 2017 — *Емец Д. А.* Христианское фэнтези: 6 лучших авторов на все времена [электронный ресурс] // Правмир. 23.03.2017. URL: <https://www.pravmir.ru/hristianskoe-fentezi-6-luchshih-avtorov-na-vse-vremena/> (дата обращения: 23.11.2023).
- Иванов, Волкова 2015 — *Иванов Н. Н., Волкова С. Н.* Образы невидимого града в прозе Михаила Пришвина // Дошкольное и начальное образование: современные методические подходы. Международная конференция «Чтения Ушинского» / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2015. С. 245–292.
- Крымский 2010 — *Крымский (Войно-Ясенецкий) Лука, свт.* Избранные творения. М.: Сибирская благовонница, 2010. 437 с.
- Ксенофонтова 2003 — *Ксенофонтова М. В.* Поэтика видимого и невидимого в малой прозе В. Г. Распутина: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 162 с.
- Кузнецова 2011 — *Кузнецова О. А.* Изображение «видимого» и «невидимого» у символистов («прозрачность» Вяч. Иванова и «Стихи о прекрасной даме» А. Блока) // Александр Блок: исследования и материалы. Т. 4. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 60–83.
- Лосский 2006 — *Лосский В. Н.* Боговидение / пер. с фр. В. А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. Догматическое богословие. М.: АСТ, 2006. С. 455–552.
- Мандзаридис 2010 — *Мандзаридис Г.* Обожение человека по учению святителя Григория Паламы / пер. с англ. В. Петухов. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 127 с.
- Палама 1995 — *Палама Г.* Триады в защиту священо-безмолвствующих. М.: Канон, 1995. 380 с.
- Православная энциклопедия 2002 — Православная энциклопедия. Т. 5. Бог. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 386–432.
- Симеон Новый Богослов 2015 — *Преподобный Симеон Новый Богослов.* Послания // Богословские труды. Выпуск 46. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2015. С. 21–66.

- Тодоров 1999 — *Тодоров Цв.* Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 312.
- Чиан 2016 — *Чиан Ч. Х.* Видимое и невидимое тело: проблема телесности в рассказе Л. Андреева «Так было» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 4. С. 79–86.

Северный Кавказ: взгляд социолога на региональные процессы (к 90-летию А. В. Дмитриева)

Галина Дмитриевна Гриценко¹

¹ Южный научный центр Российской академии наук (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovets[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Гриценко Г. Д., 2023

Аннотация. *Введение.* Северный Кавказ в течение длительного времени является объектом исследований различных научных школ, представителями которых являются ученые, чье научное наследие актуально и для современного этапа развития северокавказского сообщества. *Цель* исследования — описать роль и значимость идей, высказанных выдающимся социологом А. В. Дмитриевым о сущности этнополитических процессов в современном мире и в частности на Северном Кавказе. *Материалы и методы.* В работе мы опирались на наиболее значимые работы А. В. Дмитриева о причинах этнополитической нестабильности на Северном Кавказе и путях обеспечения динамичного развития региона. Эмпирическая база представлена статистическими данными и официальными документами. Применялся сравнительный статистический анализ и контент-анализ официальных документов. *Результаты.* Полученный аналитический материал позволил обосновать актуальность оценок и прогнозов, сделанных А. В. Дмитриевым почти 20 лет назад. В частности обоснованные ученым причины неэффективности финансово-экономической политики в некоторых субъектах федерации, образующих Северо-Кавказский федеральный округ, нашли подтверждение в современной региональной ситуации. Реализовались некоторые прогностические оценки А. В. Дмитриева.

Ключевые слова: А. В. Дмитриев, социологическое научное наследие, Северный Кавказ, финансово-экономическая ситуация, этнополитическая ситуация, особенности северокавказского сообщества, прогностические оценки

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН (номер госрегистрации: 122020100306-9).

Для цитирования: Гриценко Г. Д. Северный Кавказ: взгляд социолога на региональные процессы (к 90-летию А. В. Дмитриева) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 127–139. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-127-139

North Caucasus: a Sociologist's View of Regional Processes (to the 90th Anniversary of A. V. Dmitriev)

*Galina D. Gritsenko*¹

¹ Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate

 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Gritsenko G. D., 2023

Abstract. Introduction. For a long time, the North Caucasus has been the object of research by various scientific schools, whose representatives are scientists whose scientific heritage is relevant for the current stage of development of the North Caucasian community. The *purpose* of the study is to describe the role and significance of the ideas expressed by the outstanding sociologist A. V. Dmitriev about the essence of ethno political processes in the modern world and in particular in the North Caucasus. *Materials and methods.* In our work, we relied on the most significant works by A. V. Dmitriev on the causes of ethno political instability in the North Caucasus and ways to ensure the dynamic development of the region. The empirical base is represented by statistical data and official documents. Comparative statistical analysis and content analysis of official documents were used. *Results.* The analytical material obtained

made it possible to substantiate the relevance of the estimates and forecasts made by A. V. Dmitriev almost 20 years ago. In particular, the reasons justified by scientists for the inefficiency of financial and economic policy in some subjects of the Federation, forming the North Caucasus Federal District, have been confirmed in the current regional situation. Some prognostic estimates of A. V. Dmitriev have been implemented.

Keywords: A. V. Dmitriev, sociological scientific heritage, North Caucasus, financial and economic situation, ethno political situation, features of the North Caucasian community, prognostic assessments

Acknowledgements. The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (state registration number: 122020100306-9).

For citation: Gritsenko G. D. The North Caucasus: a Sociologist's View of Regional Processes (to the 90th Anniversary of A. V. Dmitriev). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 127–139. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-127-139

1. Введение

Северный Кавказ последние десятилетия конца XX – начала XXI вв. находится в центре внимания различных исследователей. Историки, экономисты, политологи, культурологи рассматривают те или иные аспекты региональных проблем. Среди ученых, исследующих северокавказский регион, значительное место занимают социологи, стремящиеся проанализировать территорию Северного Кавказа целостно, системно. Одним из первых, кто проявил исследовательский интерес к проблемам современного Северного Кавказа, был Анатолий Васильевич Дмитриев. Занимаясь изучением социальных конфликтов в рамках социологического знания [Дмитриев 2000; Дмитриев 2002], А. В. Дмитриев обратил внимание на процессы миграции, которая особенно актуализировалась в нашем обществе с 1988 г. в связи с резким обострением этнополитической ситуации в Нагорном Карабахе. Ученному удалось обнаружить в миграции конфликтное содержание [Дмитриев 2004; Дмитриев, Пядухов 2005; Дмитриев, Пядухов 2006; Дмитриев 2006] и подробно описать миграционные вызовы и угрозы [Дмитриев 2007].

С начала 1990-х гг. по Югу России прокатились мощные волны миграционных потоков, обусловленные военным конфликтом на Северном Кавказе. А. В. Дмитриев совместно с сотрудниками Института социологии РАН, Южного научного центра РАН и учеными Ставропольского государственного университета занялся разработкой в контексте социологической науки проблем региональных процессов, обладающих в тот период времени максимальной конфликтогенностью [Авксентьев и др. 2007; Авксентьев и др. 2008]. Безусловно, в современных крайне спорных и противоречивых условиях социальные процессы характеризуются высокой динамичностью. Но, несмотря на данное обстоятельство, многие выводы и заключения, сделанные А. В. Дмитриевым, актуальны и сейчас.

Цель исследования заключается в описании роли и значимости идей, высказанных выдающимся социологом А. В. Дмитриевым о сущности этнополитических процессов в современном мире и в частности на Северном Кавказе.

2. Результаты

Для подтверждения, насколько верны выводы А. В. Дмитриева для нынешнего северокавказского сообщества, приводятся высказывания руководителей государства, политологов, мы также обращаемся к тем или иным официальным документам, например «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года», которая была утверждена распоряжением Правительством РФ в апреле 2022 г. (далее — «Стратегия ...») [Стратегия 2022]. Кроме этого, для аналитического исследования привлекались статистические данные, свидетельствующие о тенденциях развития региона. Основными методами при рассмотрении названной эмпирической базы были сравнительный статистический анализ и контент-анализ.

Известно, что среди рискогенных факторов, обозначенных в качестве вызовов этнополитической нестабильности в северокавказском регионе и причин создания в 2009 г. самостоятельного округа — Северо-Кавказского федерального округа (далее

— СКФО), высшим руководством страны была названа критическая зависимость всех республик Северного Кавказа и Ставропольского края от дотаций из федерального бюджета [Медведев 2009]. Сравнительный статистический анализ показал, что все субъекты РФ, образующие СКФО, стали в настоящее время еще более дотационными не только по объему дотаций, но и по месту в дотационной лестнице. Так, если в 2010 г. Ставропольский край получил 10 млрд руб. и занимал 8 место в рейтинге [Распределение дотаций на 2010], то в 2022 г. дотации выросли почти до 27 млрд руб., позиция края поднялась на 2 пункта, расположившись на 6 месте. По другим субъектам СКФО ситуация еще более критичная [Дотационные регионы 2022].

Изучая вопросы финансирования и финансовой, в том числе дотационной, политики северокавказских республик, А. В. Дмитриев еще в 2007 г. говорил о неэффективности финансовой региональной политики, которая в частности проявлялась в том, что «за распределением трансфертов, которые идут из Москвы, очень трудно проследить», что «финансирование все время увеличивается», но отдельные руководители «все равно считают, что это мало» [Авксентьев и др. 2008: 203]. При этом ученый был убежден, что такая ситуация в значительной степени обусловлена особенностями организации жизнедеятельности северокавказского сообщества, а именно: «власть зачастую переходит к людям, которые имеют „моноэтнических“ сторонников, тейповую и родовую поддержку» [Авксентьев и др. 2008: 203], что безусловно, ведет к консервации некоторых негативных процессов в жизнедеятельности региона. Кроме того, ученый констатировал, что «отдельные руководители республик, те которые распределяют деньги, недостаточно развивают промышленность и инфраструктуру» [Авксентьев и др. 2008: 203]. Именно поэтому А. В. Дмитриев выдвинул идею об обязательности введения в некоторых республиках внешнего финансового управления финансовыми потоками. Без этого, с точки зрения ученого, решить проблему эффективности финансовой региональной политики невозможно [Авксентьев и др. 2008: 203].

Правоту оценок ученого подтверждает вывод премьер-министра М. В. Мишустина на совещании по развитию СКФО в Пятигорске в июне 2021 г. Было зафиксировано, что выделяемые правительством значительные суммы бюджетных средств (например, в 2020 г. было выделено более 480 млрд руб.) не приносят заметных результатов, не сказываются на опережающем развитии Северного Кавказа [[Мишустин 2021](#)].

Еще одним свидетельством научности выводов А. В. Дмитриева о неэффективности региональных финансовых политик субъектов РФ, входящих в СКФО, могут считаться результаты использования дотационных средств. При оценке размера дотаций, выделяемых регионам, если учитывать численность регионального населения, то можно получить противоречивую картину. Так, на душу населения Дагестану, Чечне и Карачаево-Черкесии выделили в 2021 г. около 22 тыс. руб. в виде дотаций, Ингушетии — 24 тыс., а на данный показатель в Бурятии, в частности, — примерно 20 тыс. руб. [[Экономисты определили 2021](#)]. При этом, согласно рейтингу регионов России по качеству жизни, представленному РИА Новости в начале 2022 г., Бурятия поднялась с 81 места в 2020 г. на 78 в 2021 г., хотя дотаций на душу населения, как показано выше, получила несколько меньше, чем названные республики. При этом три республики снизили показатели: Дагестан — с 56 до 69; Ингушетия — с 78 до 82 место; Карачаево-Черкесия — с 83 до 84. Только одна республика смогла сохранить свои позиции — Чеченская, оставшись на 74 месте [[Рейтинг регионов 2021–2022](#)].

Значимым подтверждением заключения А. В. Дмитриева о неэффективности финансовой региональной политики могут стать данные рейтингов эффективности управления в субъектах РФ, подготовленных Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) [[VIII рейтинг 2020](#); [IX рейтинг 2021](#)] (см. табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг эффективности управления финансово-экономическим блоком в субъектах федерации на территории СКФО

Субъект федерации	2020	2021
	Ранг	
Чеченская Республика	25	35
Республика Дагестан	72	66
Кабардино-Балкарская Республика	66	60
Ставропольский край	60	57
Карачаево-Черкесская Республика	63	68
Республика Северная Осетия-Алания	84	74
Республика Ингушетия	82	83

Согласно результатам рейтинга качества управления финансово-экономическим блоком, большинство субъектов федерации в СКФО занимают нижнюю часть в иерархической лестнице, даже Чеченская Республика, которая располагается выше всех, серьезно ухудшила свои показатели.

Актуальным, полагаем, является и то, как выстроил А. В. Дмитриев причины увеличения дотационной зависимости северокавказского региона от федерального центра, а именно: обратил внимание на активизацию некоторых особенностей жизни населения Северного Кавказа, нередко ведущих к негативным последствиям. Одной из таких особенностей стал «теневой» сектор. В частности в «Стратегии ...» указано, что одной из системных проблем социально-экономического развития всех регионов СКФО является ситуация с финансами, где ключевым ограничением стал сохраняющийся на протяжении длительного периода времени низкий уровень бюджетной обеспеченности, обусловленный в значительной степени доминированием «теневой» экономики. «Результатом распространения неформальной занятости являются недополученные собственные доходы бюджетов... С распространением „теневого“ сектора связана проблема низкой собираемости платежей ресурсоснабжающими организациями. Недополучение существенного

объема бюджетных средств происходит вследствие доминирования „теневого“ экономики» [Стратегия 2022].

Возможно, именно пониманием важности усиления контроля над использованием финансовых потоков обусловлено введение в качестве одной из задач «Стратегии...» в рамках направления «Повышение эффективности государственного и муниципального управления на территории Северо-Кавказского федерального округа» расширение практики общественного контроля над реализацией управленческих решений [Стратегия 2022]. Безусловно, это не совсем тот контекст, о котором говорил А. В. Дмитриев. Но если эта мера будет, действительно, реализовываться независимой общественной структурой, то можно рассчитывать на повышение эффективности финансовой политики в регионах СКФО. Пока же на повестке дня остается актуальной идея о введении внешнего финансового управления.

Актуальным для конфликтно-противоречивых отношений Чечни и Ингушетии, Ингушетии и Северной Осетии–Алании могут быть высказывания ученого о путях решения проблемы признания / непризнания суверенности республик Абхазии и Южной Осетии: «в 1991 году после распада Советского Союза многие республики получили независимость... Абхазия и Южная Осетия заявили об отделении от Грузии. <...> В ходе ... войны Грузия потерпела поражение, и сейчас де факто существуют эти непризнанные республики. <...> В международной практике это не первый случай, таких довольно много: <...> бывшая Югославия. <...> Самый главный вопрос, <...> что делать дальше. В конфликтологии существует ... понятие „отложенный конфликт“, т. е. конфликт, который нельзя сразу решить. С моей точки зрения, упомянутый ... конфликт именно такого рода. Нужно какое-то время, пока все успокоятся, пока грузины, абхазы и южные осетины привыкнут ... решать спорные вопросы мирно и постепенно. Попытка немедленно решить так или так, с моей точки зрения, непродуктивна» [Авксентьев и др. 2008: 203].

Как показывает практика функционирования этнополитических противоречий и конфликтов между республиками на Се-

верном Кавказе, любое решение, которое предлагается противоположной стороной не принимается другой, что становится основой для актуализации конфликтной ситуации, вплоть до открытых выступлений, как и произошло, в частности в 2019 г. в Ингушетии. Именно поэтому есть основания обратиться к наследию А. В. Дмитриева, а именно: к его идее об использовании так называемого «отложенного конфликта». Это означает, что решать территориальные вопросы в рамках единого государственно-политического пространства немедленно, идти за требованиями оппозиционных сил, настаивающих на скорейшем разрешении «замороженных» территориальных споров, объективно нецелесообразно и даже пагубно.

Подтверждением научной обоснованности рассуждений А. В. Дмитриева об использовании в «тупиковых» ситуациях идеи «отложенного конфликта» могут быть высказывания как политической элиты, так и представителей гражданского общества. Так, советник главы Ингушетии Исса Костоев (2021 г.) отмечал, что «есть целый ряд предложений и мнений, которые в Ингушетии хотят проработать вместе с представителями Северной Осетии. Все эти предложения направлены на укрепление связей между двумя республиками и установление добрососедских отношений между ингушским и осетинским народами» [Султыгов 2021]. Более того, ярким примером позитивных шагов в сторону добрососедских отношений между ингушами и осетинами могут служить рассуждения Назира Досхоева, преподавателя национальных танцев Северного Кавказа: «Ситуация и обстановка в районе (Пригородном районе — автор) в целом нормальные, но есть большая проблема с работой. Раньше здесь ингушам было невозможно поехать в больницу, было плохое отношение, но со временем это поменялось. Могу говорить по личному опыту. <...> Отношения между двумя народами сейчас намного лучше, чем в начале 2000-х. У ингушей и осетин, которые вместе в населенных пунктах живут, конфликтов нет. Я считаю, что наш народ сам должен менять свою жизнь, а не находясь в Ингушетии и говоря, что все пропало, надо приехать сюда, начать жить и созидать, налаживать отношения. Соседей не

выбирают, и нам, и осетинам надо учиться вместе жить. Война и стычки еще не принесли ни одному народу хорошего. Если ингуши приедут жить в каждый населенный пункт, то жизнь постепенно наладится. Да, начало будет тяжелое. Когда я вернулся сюда в 1997 году, то меня несколько раз забирала полиция из-за ингушских номеров, но я все переборол. А сидеть там и кричать что-то не считаю правильным» [[Надо ехать сюда 2022](#)].

И последнее, это прогностические рассуждения А. В. Дмитриева об этнополитической ситуации на Северном Кавказе. С точки зрения ученого, «...вообще-то от конфликтов зарекаться нельзя. Риски существуют во всех странах, во всех группах, в семьях. А раз есть риски, то и возможны конфликты. Но те масштабные конфликты, которые были ... в начале 1990-х годов, России уже не угрожают, хотя конфликты могут возникать как угодно и где угодно» [[Авксентьев и др. 2008: 210](#)]. Но, как утверждал исследователь, сама собой этнополитическая стабильность не установится, конфликты сами по себе не исчезнут. «Надо ... изучать обстановку, поскольку они (конфликты — автор) вырастают из противоречий, противоречия же остаются. А раз они остаются, то возможность конфликтов есть. «Текущий момент», конечно, — благоприятен. Есть свои острые проблемы, но есть все-таки тренд стабильности. Я надеюсь, что эта стабильность продолжится, хотя конфликтогенных проблем в Российской Федерации довольно много» [[Авксентьев и др. 2008: 210](#)].

В данном контексте можно сослаться на оценки специальной военной операции, сделанные рядом экспертов. Многие указывают на ее консолидирующую роль [[Авксентьев и др. 2022: 336–337](#)]. В определенном смысле СВО можно рассматривать как благоприятный «текущий момент», о котором говорил А. В. Дмитриев. Современная ситуация на Северном Кавказе подтверждает правоту ученого: несмотря на наличие многих проблем этнополитической, социально-экономической, культурно-исторической, этноконфессиональной, геополитической и иной направленности, сохраняется стабильность на Северном Кавказе.

3. Выводы

Сегодняшняя социальная практика функционирования и развития этнополитических процессов и финансово-экономической ситуации в северокавказском регионе показывает, насколько идеи, высказанные еще в начале XXI в., и выводы, сделанные по итогам исследований, проведенных в первом десятилетии XXI в., актуальны и объективны. Научная обоснованность методологии и валидность методики позволили ряду исследователей точно оценить причинность региональных процессов, четко спрогнозировать динамику региональной ситуации. Среди таких ученых видное место занимает российский социолог А. В. Дмитриев.

Литература

- IX рейтинг 2021 — IX рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2021 году [электронный ресурс] // URL: <https://regcomment.ru/ratings/ih-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2021-godu/> (дата обращения: 13.07.2023).
- VIII рейтинг 2020 — VIII рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2020 году [электронный ресурс] // URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=6829 (дата обращения: 13.07.2023).
- Авксентьев и др. 2022 — *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Юрченко И. В., Шульга М. М., Тарасова М. В.* Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. 2022. Том X. С. 328–365.
- Авксентьев и др. 2007 — *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Альфа-М, 2007. 208 с.
- Авксентьев и др. 2008 — *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / ред., предисл. М. К. Горшков. М.: Инфра-М, 2008. 368 с.
- Дмитриев 2004 — *Дмитриев А. В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 4–13.
- Дмитриев 2007 — *Дмитриев А. В.* Миграционные вызовы и угрозы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4 (56). С. 35–44.

- Дмитриев 2006 — *Дмитриев А. В.* Миграция. Конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006. 432 с.
- Дмитриев 2000 — *Дмитриев А. В.* Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.
- Дмитриев 2002 — *Дмитриев А. В.* Социальный конфликт: Общее и особенное. М.: Гардарики, 2002. 524 с.
- Дмитриев, Пядухов 2005 — *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 90–100.
- Дмитриев, Пядухов 2006 — *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. 2006. № 9 (269). С. 86–94.
- Дотационные регионы 2022 — Дотационные регионы России и доноры: список в 2022 году [электронный ресурс] // URL: <https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html> (дата обращения: 13.07.2023).
- Медведев 2009 — *Медведев Д. А.* Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности // Президент России. Официальный сайт. 9 июня 2009 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4383> (дата обращения 13.09.2022).
- Мишустин 2021 — Мишустин: Миллиарды выделяем, а Кавказ и ныне там: на совещании в Пятигорске премьер задался вопросом, на что идут бюджетные деньги, выделяемые северокавказским республикам [электронный ресурс] // URL: <https://www.kp.ru/daily/27291/4429354/> (дата обращения: 13.06.2023).
- Надо ехать сюда 2022 — «Надо ехать сюда, жить и созидать». Живущие в Пригородном районе ингушские деятели — о перспективах и мечтах [электронный ресурс] // URL: <https://telegra.ph/Nado-ehat-syuda-zhit-i-sozidat-ZHivushchie-v-Prigorodnom-rajone-ingushskie-deyateli--o-perspektivah-i-mechtah-10-30> (дата обращения: 21.07.2023).
- Распределение дотаций на 2010 — Распределение дотаций на 2010 год на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-02122009-n-308-fz-o/prilozhenie-17/tablitsa-1/> (дата обращения: 13.07.2023).
- Рейтинг регионов 2021–2022 — Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021–2022 [электронный ресурс] // URL: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 13.06.2023).
- Стратегия 2022 — Стратегия социально-экономического развития Се-

веро-Кавказского федерального округа на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительством РФ от 30 апреля 2022 г. № 1089-р [электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/docs/all/140821/> (дата обращения: 13.07.2023).

Султыгов 2021 — *Султыгов Я.* Исса Костоев: люди в Ингушетии услышали ответственных политиков [электронный ресурс] // URL: <https://serdalo.ru/issa-kostoev-lyudi-v-ingushetii-uslyshali-otvetstvennykh-politikov> (дата обращения: 21.07.2023).

Экономисты определили 2021 — Экономисты определили особенности дотационности республик Северного Кавказа [электронный ресурс] // URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/dotacionnosti-respublik-severnogo-kavkaza/99000346/> (дата обращения: 13.06.2023).

Состояние преступности в Республике Калмыкия

*Ноган Вячеславовна Бадмаева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-4799-5506. E-mail: noganabadmaeva[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бадмаева Н. В., 2023

Аннотация. В статье дана оценка состояния преступности в Республике Калмыкия. *Целью* статьи является оценка уровня преступности в Республике Калмыкия. Задачи, поставленные автором, заключались в анализе статистических данных в республике в целом и по районам, также важно было рассмотреть общероссийские тенденции и состояние преступности в соседних с республикой регионах. В последние годы преступность в нашей стране претерпевает не только количественные, но и качественные изменения: происходит снижение уровня насильственной, имущественной, молодежной преступности, при этом растет количество киберпреступлений. Анализ статистических данных показал, что наибольшее количество преступлений отмечается в Ростовской области, затем по численности следует Волгоградская область и Ставропольский край, наименьшее количество преступлений в Астраханской области и Калмыкии. В Республике Калмыкия отмечается положительная тенденция по снижению количества зарегистрированных преступлений. По данному показателю данный регион занимает одно из лидирующих мест в стране. Выявлены две негативные тенденции, заключающиеся в росте рецидивной преступности и очень высокой доли лиц, не имеющих постоянного дохода среди совершивших преступления.

Ключевые слова: преступность, структура преступлений, лица, совершившие преступления, безработица, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических

процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер государственной регистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Состояние преступности в Республике Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 140–167. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-140-167

State of Crime in the Republic of Kalmykia

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506/ E-mail: noganabadmaeva[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Badmaeva N. V., 2023

Abstract. The article provides an assessment of the state of crime in the Republic of Kalmykia. The *purpose* of the article is to evaluate the crime level in the Republic of Kalmykia. The tasks set by the author were to analyze statistical data in the republic as a whole and by district; it was also important to consider all-Russian trends and the state of crime in the regions neighboring the republic. In recent years, crime in our country has been undergoing quantitative as well qualitative changes: there is a decrease in the level of violent, property, and youth crime, while the number of cybercrimes is growing. The analysis of statistical data showed that the largest number of crimes is observed in the Rostov region, followed by the Volgograd region and Stavropol Territory, with the lowest number of crimes in the Astrakhan region and Kalmykia. There is a positive trend towards a decrease in the number of registered crimes in the Republic of Kalmykia. According to this indicator, this region occupies one of the leading places in the country. There are two negative trends that have been identified: increase in recidivism and a very high proportion of people without a regular income among those who have committed crimes.

Keywords: crime, structure of crimes, persons who committed crimes, unemployment, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project name ‘Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental

Changes' (state registration number: 122022700133-9).

For citation: Badmaeva N. V. State of Crime in the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 140–167. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-140-167

1. Введение

Преступность — социальное явление, напрямую связанное с понятием социальная норма. Я. И. Гилинский отмечает, что «преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть социальные конструкты» [Гилинский 2019: 7]. Таким образом, преступность и преступление напрямую зависят от принятых в обществе социальных норм и правил, в связи с чем в процессе исторического и социального развития те или иные деяния или акты могут быть криминализованы или декриминализованы, т. е. в той или иной стране в разные исторические периоды изменяется социальная оценка тех или иных деяний.

Согласимся с одним из общепринятых определений, что преступность — это исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени [Федотов 2022: 182].

Показатель уровня преступности входит во многие модели оценки качества жизни и человеческого потенциала. Состояние преступности отражает социально-экономические проблемы стран и регионов. На развитие преступности влияет ряд факторов. Среди основных социально-экономических причин преступности выделяют безработицу, социальное неравенство, невостребованность молодежи на рынке труда и др.

Общемировым трендом современного периода, наблюдаемым в последние 10–15 лет, является так называемое «великое снижение преступности» (great crime drop). Причинами данного процесса исследователи называют в первую очередь рост экономики и улучшение качества и уровня жизни людей, развитие техноло-

гий слежения, регистрации и опознавания людей, а также повышение эффективности работы правоохранительных органов и др. [Федотов 2022: 183]. Среди общемировых трендов преступности специалисты также выделяют изменение возрастной структуры преступников, а именно: повышение возраста среднестатистического преступника, что связывают с общим старением населения планеты [Алексеева 2022: 136].

Целью данной статьи является оценка состояния уровня преступности в Республике Калмыкия в свете асимметрии региона. В этой связи основные задачи, поставленные автором, заключались в анализе статистических данных в Республике Калмыкия в целом и по районам в сравнении с общероссийскими показателями в соседних с республикой регионах. Состояние преступности является одним из показателей уровня общественной безопасности и социального благополучия или неблагополучия населения определенной территории и в значительной степени влияет на асимметричное развитие регионов. [Гутрин 2022: 18].

2. Материалы и методы

Метод исследования — анализ статистических данных с использованием методов сравнительного анализа. В частности проведен анализ по количеству и видам преступлений в стране, количеству и видам преступлений по районам Республики Калмыкия, количеству лиц, совершивших преступления и др. Материалами для статистического анализа послужили: сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия за 2018–2022 гг. (Исх. № 12/1394 от 31.05.2023 от Министерства внутренних дел Республики Калмыкия), статистический сборник «Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект», краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за период с 2010 по 2022 гг. (сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации) и др.

3. Состояние преступности в стране

В Российской Федерации общее количество зарегистрированных преступлений с середины 1990-х гг. значительно сократилось [Комарова 2020: 68; Надбитов 2012: 86]. С 1995 г. по 2022 г. коли-

чество преступлений уменьшилось почти на 789 тыс. (см. табл. 1).

А. Л. Репецкая, характеризуя состояние современной преступности в стране, отмечает, что основной тенденцией преступности является стабилизация ее состояния [Репецкая 2018: 154]. Автор также отмечает, что в период с 2007 по 2016 гг. ситуация с преступностью значительно улучшилась: более чем в два раза сократилось число организованных преступлений, доля экономических преступлений уменьшилась почти в 3 раза, количество грабежей снизилось в 4 раза, разбоев — в 3 раза [Репецкая 2018: 155].

Как во всем мире, так и в нашей стране преступность претерпевает качественные изменения и модифицируется: происходит снижение уровня насильственной, имущественной, молодежной преступности, при этом растет количество киберпреступлений [Федотов 2022: 183; Шалагин, Идиятуллов 2021: 228]. Отмечается тенденция роста преступлений против собственности и мошенничества [Комарова 2020: 69; Федотов 2022: 186]. Рассмотрим структуру преступлений в динамике (см. табл. 2).

Анализ структуры преступлений показал, что почти 60 % преступлений приходится на преступления против собственности, от 21 % до 27 % — на тяжкие и особо тяжкие преступления, с 2019 г. более четверти преступлений — на преступления с использованием информационных технологий. При этом структура преступлений за более чем десять лет поменялась в значительной степени. За рассматриваемый период сократилось количество преступлений экономической направленности, преступлений против личности и экологических преступлений. Отмечается рост преступлений экстремистской направленности, увеличилась доля случаев мошенничества разных видов, выросло количество преступлений коррупционной направленности, преступлений против собственности.

Быстрыми темпами растет количество преступлений в цифровой сфере, особенно с 2020 г. Исследователи отмечают, что пандемия COVID-19 в значительной степени повлияла на цифровизацию многих процессов, на развитие различных электронных сервисов, что привело к росту преступлений в киберсреде [Шалагин, Идиятуллов 2021: 228].

Таблица 1. Динамика и уровень преступности в Российской Федерации 1995–2022 гг.

Зарегистрировано преступлений	1995	2000	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
всего	2 755,7	2 952,4	2 628,8	2 388,5	1 991,5	2 024,3	2 044,2	2 004,4	1 966,8
зарегистрировано преступлений, тыс.									
уровень преступности на 100 тыс. человек населения	1 860	2 028	1 852,4	1 632,9	1 355,9	1 379,2	1 393,0	1 371,3	1 351,2

Источник: Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003. Основные показатели преступности [[Преступность и правопорядок... 2003](#)]; [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2016–2022 гг.](#) [[Краткая характеристика... 2016](#); [Краткая характеристика... 2018](#); [Краткая характеристика... 2019](#); [Краткая характеристика... 2020](#); [Краткая характеристика... 2021](#); [Краткая характеристика... 2022](#)].

Таблица 1. Динамика и уровень преступности в Российской Федерации 1995–2022 гг.

Виды преступлений	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Всего по РФ, в том числе:	2 628 799	2 388 476	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795
Тяжкие и особо тяжкие	26,03	21,8	22,5	24,4	27,6	27,9	27,3
экономической направленности	10,5	4,7	4,9	5,2	5,2	5,9	5,7
экологические	1,48	1,04	1,2	1,1	1,1	1,01	0,96
террористического характера	0,02	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
экстремистской направленности	0,02	0,1	0,1	0,02	0,04	0,05	0,07

совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	—	—	8,8	14,5	25	25,8	26,5
коррупционной направленности	—	1,4	1,5	1,5	1,5	1,8	1,8
против личности	—	17,1	14,2	13,4	12,5	12,7	12,2
против собственности	—	58,5	55,9	57,9	59,7	59,7	59,5
мошенничество	6,1	8,4	10,8	12,7	16,4	16,9	17,4

Источник: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2010–2022 гг. [Краткая характеристика... 2010; Краткая характеристика... 2015; Краткая характеристика... 2016; Краткая характеристика... 2018; Краткая характеристика... 2019; Краткая характеристика... 2020; Краткая характеристика... 2021; Краткая характеристика... 2022].

4. Преступность в Калмыкии и соседних регионах

Анализ количества преступлений в Республике Калмыкия и соседних регионах в 2018–2022 гг. показал, что число преступлений в республике более чем в 10 раз меньше, чем в Волгоградской области и Ставропольском крае, и более чем в 20 раз меньше, чем в Ростовской области.

Таблица 3. Количество преступлений в Республике Калмыкия и соседних регионах, 2018–2022 гг.

Регион	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация, в том числе	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795
Республика Калмыкия	2 479	2 797	2 867	2 940	2 693
Астраханская область	13 427	13 110	14 059	13 801	13 062
Волгоградская область	38 539	41 122	38 687	37 910	36 031
Ростовская область	55 460	60 914	61 753	58 538	57 250
Ставропольский край	32 303	34 744	35 177	34 008	33 569

Источник: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [[Генеральная прокуратура...](#)].

По данным таблицы мы видим, что более 57 тысяч преступлений отмечается в Ростовской области, более 30 тысяч преступлений — в Волгоградской области и Ставропольском крае, наименьшее количество преступлений в Астраханской области и Калмыкии.

Важно отметить, что абсолютные показатели не отражают реальной картины состояния преступности. Ростовская область, являясь одним из самых больших по численности населения регионов (более 4,1 млн чел.), по количеству преступлений на 10 тыс. населения в группе рассматриваемых регионов уступает место Волгоградской области с численностью населения почти 2,5 млн чел. (см. табл. 4).

В целом вопрос реальной численности населения является открытым, поскольку официальная статистика (текущий учет и переписи населения) также может иметь искажения, что связано с разными проблемами, в том числе и с проблемой учета внутрироссийских мигрантов, когда, уезжая работать на длительный срок в другой регион, многие мигранты не меняют регистрацию по месту жительства. В последнее время многие бизнес-структуры, аналитические компании начинают использовать в своей работе данные сотовых операторов о локализации абонентов как альтернативный способ подсчета численности населения. Однако пока статистические службы только начинают проверять возможность использования этого источника информации, по этой причине мы будем ориентироваться в настоящем исследовании на данные официальной статистики [Бабкин 2020: 116].

В 2022 г. по абсолютным данным Республика Калмыкия заняла 80 место среди всех регионов страны по количеству преступлений, а по количеству преступлений на 10 тыс. жителей Калмыкия занимает 11 место.

Таблица 4. Рейтинг регионов по уровню преступности, 2022 г.

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений на 10 тыс. жителей с января по сентябрь 2022 г.	Место	Численность населения по регионам, тыс. чел.
Российская Федерация, в том числе	102,9	—	145 557,6
Республика Калмыкия	79,7	11	267,8
Астраханская область	101,9	40	989,4
Волгоградская область	113,2	51	2 449,8
Ростовская область	104,8	44	4 153,7
Ставропольский край	91,1	28	2 780,2

Источник: Рейтинг регионов РФ по преступности [Рейтинг регионов РФ по преступности 2022].

По данным, представленным в таблицах 3 и 4, по абсолютному количеству преступлений и по количеству преступлений на 10 тыс. населения можно сделать вывод о том, что среди всех рассматриваемых регионов самый низкий уровень преступности в Республике Калмыкия.

5. Преступность в Республике Калмыкия

С 2010 г. количество преступлений в Республике Калмыкия сократилось в 1,5 раза: с 4 052 преступлений до 2 693. В 2020 г. наблюдается рост преступлений экономического, террористического характера. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также связанные со злоупотреблением должностных полномочий в республике сокращаются. Доля нераскрытых преступлений составила в 2022 г. 26,7 % (см. табл. 6). В отличие от общероссийской тенденции статистика показывает, что в республике выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений, при этом количество преступлений средней и небольшой тяжести сократилось. На наш взгляд, это связано с ростом совершения преступлений в алкогольном опьянении. По нашему мнению, на рост количества тяжких и особо тяжких преступлений также оказывает сложное социально-экономическое положение населения региона, поскольку одной из основных причин совершения тяжких преступлений является корысть [Варданян 2010: 5]. Калмыкия занимает 81 место среди регионов страны по уровню благосостояния семей, 82 место по материальному благополучию населения, 85 место по закредитованности населения, 78 место по уровню безработицы [Рейтинг регионов по уровню... 2023; Рейтинг регионов по закредитованности... 2023; Рейтинг регионов по материальному... 2022; Рейтинг российских регионов по уровню безработицы 2023].

Анализ статистических данных показывает, что сократилось число несовершеннолетних лиц, совершивших преступления — с 70 человек в 2018 г. до 23 человек в 2022 г. [Сведения о состоянии...]. Одной из причин такого сокращения, помимо различных профилактических мероприятий, по нашему мнению, является

Таблица 5. Показатели преступности в Республике Калмыкия, 2018–2022 г.

Преступления	2018	2019	2020	2021	2022
Всего преступлений	2 479	2 797	2 867	2 940	2 693
Тяжкие и особо тяжкие	530	634	737	748	662
Средней и небольшой тяжести	2 219	2 163	2 130	2 192	2 031
Экономической направленности	195	200	281	174	218
Террористического характера	-	4	25	16	4
Экстремистской направленности	2	1	1	0	16
Преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	143	126	112	89	54
Злоупотребление должностными полномочиями	11	29	23	15	-
Получение взятки	4	11	12	8	30
Не раскрыто преступлений	712	726	830	797	720

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

общее сокращение доли детей и молодежи в структуре населения региона [Бадмаева 2022: 191]. При этом также сократилось число несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в районах республики, в основном такие преступления совершаются в г. Элисте. Это связано, на наш взгляд с тем, что, во-первых, по статистике в городах совершается больше преступлений, чем в сельской местности [Шуклина 2014: 13], во-вторых, в городах проживает большее количество молодежи, что влияет и на количество неформальных объединений подростков и молодежи. В целом важно отметить, что в период с 2018 г. по 2020 г. показатели преступности имели тенденцию к снижению, в 2021 г. наблюдался резкий рост преступлений, а в 2022 г. — снижение. Резкий рост преступности в 2021 г. может быть связан со снятием ограничительных мероприятий, связанных с пандемией COVID-19 в 2021 г., когда в результа-

те экономических причин определенная часть населения потеряла работу.

Доля преступлений, совершенных лицами, ранее совершавших преступления в Республике за рассматриваемый период с 2018 г. по 2022 г. увеличилась с 58 % до 65 %. Более 70 % лиц, совершивших преступления в Калмыкии, — это лица, не имеющие постоянного дохода [Сведения о состоянии...]. Настораживает тот факт, что снижение удельного веса лиц, не имеющих постоянного дохода, наблюдаемое с 2018 г. по 2020 г., в 2021 г. перешло в рост в 2021 г., что как мы уже отмечали, возможно, связано с потерей работы во время пандемии COVID-19.

Таблица 6. Доля лиц, ранее совершавших преступления и лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного дохода, 2018–2022 гг.

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
Общее количество лиц, совершивших преступления	1 916	1 858	1 788	1 917	1 753
Доля лиц, ранее совершавших преступления, %	58	59,3	63,1	63,5	65,2
Доля лиц, совершивших преступлений, не имеющих постоянного дохода, %	76,3	72,9	70,7	71,3	74

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

По данным статистики почти половина преступлений в республике совершались в г. Элисте (см. рис. 1). Как было отмечено выше, уровень городской преступности выше уровня сельской преступности. В целом исследователи выделяют следующую специфику преступности в городской и сельской местностях:

- для городской преступности в большей степени присущи преступления против личности;
- в городской среде интенсивность тяжких преступлений против личности выше;
- городская преступность более разнообразна;

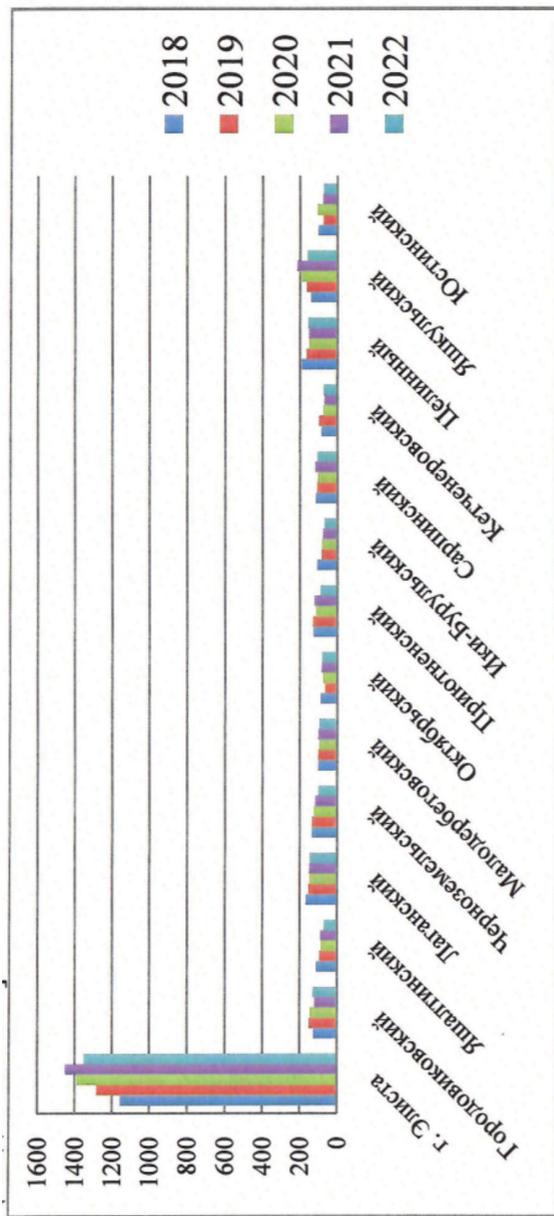

Рис. 1. Общее количество преступлений по районам с 2018 по 2022 г.
 Источник: Построено на основе сведений о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

– структура сельской преступности более однородна.

На состояние преступности в сельской местности, в частности на достоверность статистических данных о ней, влияет ряд обстоятельств, которые часто препятствуют проведению точного исследования:

– наличие латентной преступности (многие преступления, совершенные в сельской местности, остаются скрытыми),

– недостатки в деятельности правоохранительных органов. Они могут быть вызваны различными причинами, например, большой территорией обслуживания, не позволяющей участковым уполномоченным полиции часто посещать удаленные населенные пункты, и др.;

– несовершенство уголовно-статистической отчетности.

Для сельской преступности в большей степени характерны преступления против собственности. Среди таких преступлений следует, прежде всего, выделить кражи, предметами краж в основной массе случаев является сельскохозяйственная продукция (урожай, крупный рогатый скот и др.) [Шуклина 2014: 14].

Кроме того, исследователи обращают внимание и на то, что в сельской местности ограничен круг лиц: не местные («чужие») всегда привлекают внимание, запоминаются и появляются реже, нежели в городе. Если преступления совершаются в семьях, среди близких, друзей и знакомых, не каждый потерпевший захочет или сможет обратиться в правоохранительные органы за помощью, поскольку не хочет, чтобы было возбуждено уголовное дело в отношении виновного (родственника, друга или знакомого). Это обусловлено психологией сложившейся у лица, проживающего в сельской местности, так как на него легко оказать моральное или физическое давление [Сулейманова 2022: 557; Давыдов 2022: 74].

Рассмотрим состояние преступности в разрезе районов республики. Наибольшее количество преступлений в 2022 г. совершались в самых многочисленных районах Калмыкии — Яшкульском (5,9 %), Целинном (5,8 %), Лаганском (5,4 %). Считаем, что более высокий уровень преступности в этих районах связан именно с их численностью. Так, численность Яшкульского района составила на 01.01.2023 г. 14 859 человек, Целинного — 20 276 человек, Лаганского — 18 310 человек [Оценка численности...].

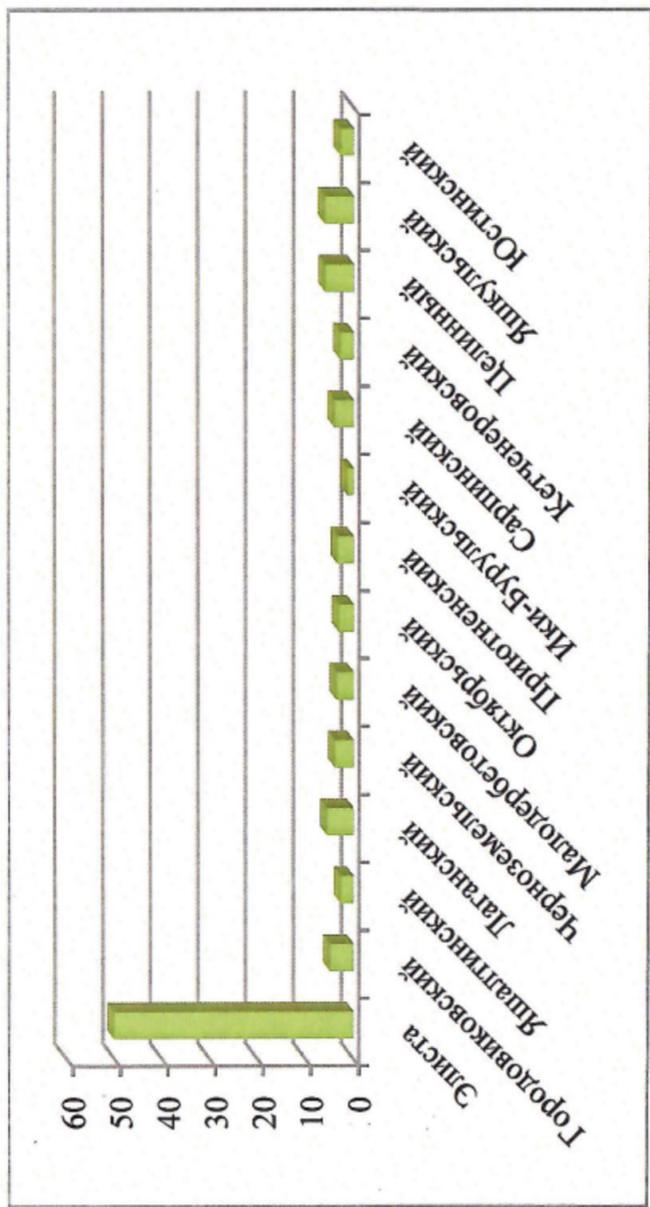

Рис. 2. Доля совершенных преступлений в 2022 г. по районам Республики Калмыкия
 Источник: Построено на основе сведений о состоянии преступности в Республике Калмыкия
 (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

В целом доля совершивших преступления в рассматриваемый период уменьшилась и составила в 2022 г. 0,65 % от всей численности населения региона. Сокращение доли лиц, совершивших преступления, можно связать с общемировой, общероссийской тенденцией сокращения преступности, обусловленной в том числе с развитием технологий слежения, регистрации и опознавания людей; улучшением эффективности действия правоохранительных органов; старением населения и др. [Федотов 2022: 183].

Таблица 7. Доля лиц, совершивших преступления, по районам, 2018–2022 г

Район	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	0,9	0,68	0,66	0,71	0,65
Элиста	0,7	0,67	0,67	0,73	0,64
Городовиковский	0,72	0,69	0,71	0,67	0,7
Яшалтинский	0,52	0,52	0,39	0,46	0,39
Лаганский	0,6	0,64	0,53	0,75	0,65
Черноземельский	0,68	0,78	0,74	0,72	0,64
Малодербетовский	0,84	0,85	0,82	0,8	0,85
Октябрьский	0,6	0,55	0,63	0,73	0,72
Приютненский	0,98	1	0,76	0,82	0,74
Ики-Бурульский	0,86	0,66	0,62	0,73	0,63
Сарпинский	0,68	0,61	0,61	0,69	0,67
Кетченеровский	0,63	0,71	0,64	0,58	0,55
Целинный	0,6	0,58	0,57	0,49	0,57
Яшкульский	0,75	0,89	0,85	1,08	1,03
Юстинский	0,77	0,6	0,75	0,66	0,5

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

Высокая доля лиц, совершивших преступления, отмечается в Малодербетовском районе на протяжении всего рассматриваемого

периода с 2018 по 2022 гг., а также в Приютненском районе. Причинами такого явления могут быть различные факторы, однако эти районы не являются лидерами по уровню безработицы, не являются самыми многочисленными в республике, поэтому пока невозможно определить факторы, способствующие росту преступности в этих районах.

Как было отмечено ранее, динамика преступности зависит от множества факторов. Однако одним из основных факторов является безработица, поскольку снижение или потеря доходов, могут привести к занятию незаконной деятельностью. Так, наибольшее количество преступлений лицами, не имеющими дохода, отмечаются в Яшкульском (107), Лаганском (91), Целинном (85), Городовиковском (72) районах республики. Как мы уже отмечали, Яшкульский, Лаганский и Целинный районы являются самыми многочисленными, в Городовиковском районе в 2022 г. был отмечен самый высокий среди районов республики уровень регистрируемой безработицы — 3,1 [Ситуация на регистрируемом...].

Более 20 % преступлений в республике совершаются в состоянии алкогольного опьянения. По данному показателю в 2018 г. регион занимал 77 место среди регионов России, в 2022 г. республика заняла 75 место, что означает, что доля лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, растет. Проблема алкоголизации населения актуальна для республики. Алкоголизация населения — это один из существенных показателей социального неблагополучия в регионах [Гунаев 2019: 47]. Следует отметить, что за рассматриваемый период вырос объем розничной продажи крепкой алкогольной продукции в регионе. Так, если IV квартале 2018 г. доля продажи крепкой алкогольной продукции составляла 0,1157 % от всего объема продаж в стране, то в II квартале 2023 г. доля продаж составляла 0,1284 % [Сведения об объеме... 2018; Сведения об объеме... 2023]. За последние несколько лет в республике открылись и работают 60 магазинов сети «Красное&Белое», 7 магазинов «Тамада» и другие алкомаркеты¹.

¹ По данным официального сайта: <https://krasnoeibeloe.ru/address/>.

Таблица 8. Выявлено лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного дохода, 2018–2022 гг.

Район	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	1 462	1 356	1 265	1 367	1 298
Элиста	564	508	488	541	525
Городовиковский	92	86	76	72	72
Яшалтинский	54	50	39	36	38
Лаганский	91	92	73	104	91
Черноземельский	67	76	65	62	51
Малодербетовский	56	56	60	49	59
Октябрьский	33	30	37	44	44
Приютненский	83	79	61	64	62
Ики-Бурульский	69	53	37	48	45
Сарпинский	66	52	47	60	54
Кетченеровский	51	50	43	39	38
Целинный	88	90	86	80	85
Яшкульский	83	96	97	124	107
Юстинский	65	47	56	44	27

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018-2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

Таблица 9. Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения 2018–2022 гг.

Район	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	631	654	618	626	577
Элиста	268	276	249	262	243
Городовиковский	42	51	50	39	48
Яшалтинский	34	33	18	22	25
Лаганский	18	17	18	38	31
Черноземельский	17	16	24	25	22
Малодербетовский	29	31	40	33	27
Октябрьский	18	18	21	23	18

Приютненский	36	40	32	29	20
Ики-Бурульский	31	31	26	26	21
Сарпинский	23	31	34	35	31
Кетченеровский	24	20	17	14	16
Целинный	45	33	34	33	28
Яшкульский	22	42	31	34	35
Юстинский	24	17	24	13	12

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018-2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

Анализ данных таблицы показал, что большая часть выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения — это сельские жители (57 %). Наибольшее количество лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, приходится на Городовиковский, Яшкульский, Лаганский и Сарпинский районы, при этом Яшкульский, Лаганский районы являются многочисленными, а в Городовиковском районе наблюдается один из самых высоких уровней безработицы. Считаем важным обратить внимание и на то, что в Яшкульском и Сарпинском районах проживает больше мужчин, что также может косвенно влиять на рост алкоголизации населения и повышения количества преступлений, совершенных в алкогольном опьянении, поскольку женщины употребляют меньше алкоголя, чем мужчины [Шурыгина 1996: 169; Рощина 2012: 252; Максимов и др. 2017: 152]. Так, в Яшкульском районе численность населения на 1 января 2023 г. 14 859 человек, из них 7 899 мужчин и 6 960 женщин, в Сарпинском — численность населения на 1 января 2023 г. 11 043 человек, из них 5 532 мужчин и 5 511 женщин [Оценка численности...].

Рассмотрим проблему совершения преступлений в состоянии наркотического опьянения (см. табл. 10). Если алкоголизм является самым распространенным фоновым явлением преступности, то наркомания — наиболее опасным и разрушительным из них [Малыхина 2019: 53].

Таблица 10. Выявлено лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения, 2018–2022 г.

Район	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	7	11	12	10	16
Элиста	2	5	2	1	7
Городовиковский	2	—	—	—	—
Яшалтинский	—	1	—	1	—
Лаганский	—	—	2	1	3
Черноземельский	—	—	3	2	—
Малодербетовский	—	—	—	—	—
Октябрьский	—	—	—	—	—
Приютненский	1	—	1	—	1
Ики-Бурульский	1	1	1	—	—
Сарпинский	—	—	—	—	—
Кетченеровский	—	—	—	—	1
Целинный	1	2	1	1	1
Яшкульский	—	1	2	—	2
Юстинский	—	1	—	4	1

Источник: Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.

Из табл. 10 видно, что менее 1 % преступлений в республике совершаются в состоянии наркотического опьянения. По данному показателю республика в 2018 г. занимала 81 место, в 2022 г. — 67 место, т. е. число преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, уменьшилось. За рассматриваемый период с 2018 по 2022 г. наибольшее количество преступлений в состоянии наркотического опьянения совершаются в сельской местности.

Статистика по районам Калмыкии, необходимо отметить, является нестабильной. В 2022 г. наибольшее количество преступлений в состоянии наркотического опьянения были совершены в Лаганском и Яшкульском районах.

6. Выводы

В Республике Калмыкия отмечается положительная тенденция по снижению количества зарегистрированных преступлений. По данному показателю регион занимает одно из лидирующих мест в стране. В целом доля населения, совершивших преступления в рассматриваемый период (2018–2022 гг.), не превышала 1 % от общей численности населения республики, в 2022 г. она составила 0,65 %. Важно отметить, что существует специфика в городской и сельской преступности. В столице региона в целом совершается больше преступлений. Анализ преступности в разрезе районов республики показал, что в сельской местности совершается больше преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, чем в городе Элисте. Было также выявлено, что больше всего преступления совершались в районах республики с наибольшей численностью населения — Яшкульском, Лаганском, Целинном.

Проведенный анализ статистических данных выявил несколько негативных тенденций. Первая связана с ростом рецидивной преступности, вторая — с высокой долей лиц, не имеющих постоянного дохода среди совершивших преступления. Большой процент рецидивной преступности наблюдается не только в Калмыкии, но также в целом по стране [Волконская 2014; Шишкин 2020]. Следующая тенденция — в республике выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений, что, на наш взгляд, связано с ростом совершения преступлений в алкогольном опьянении.

В целом структура преступности, рост количества преступлений, совершенных в алкогольном и наркотическом опьянении, рост рецидивной преступности — все это, по нашему мнению, является одним из следствий сложного социально-экономического, положения и социально-психологического состояния населения.

Исследователи отмечают, что наиболее значимые изменения преступности обусловлены преступностью безработных [Бытко 2016]. В республике один из самых высоких, не только среди регионов южного федерального округа, но и в стране в целом уровень безработицы (8 %) [Рейтинг российских регионов по уровню без-

работицы...]. Калмыкия по данному показателю занимает 78 место среди регионов страны. Кроме того, безработица как криминогенное явление тесно связана с рецидивом. Наличие работы в большинстве случаев является важнейшим антикриминогенным фактором, поскольку работники, имеющие судимость, стараются воздержаться от рецидива. Таким образом, ситуация с преступностью, хоть и имеющей низкие показатели по сравнению с субъектами Юга России, косвенно связана с одной из основных проблем региона — безработицей. По конкретно данному показателю Республику Калмыкия следует отнести к региону с сравнительно низким уровнем преступности (количественные и качественные показатели преступности снижаются) и, следовательно, к симметрично развивающимся регионам.

Проведенное исследование состояния преступности в республике показало, что, несмотря на сложное экономическое положение, в регионе один из самых низких уровней преступности в стране. При этом в соседних регионах — Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях, Ставропольском крае, где показатели уровня и качества жизни намного выше, чем в Калмыкии, и нет острой проблемы с безработицей, показатели преступности (количество преступлений на 10 тыс. жителей) достаточно высокие. По нашему мнению, такой «парадокс» можно объяснить значительной ролью влияния социальных норм на поведение молодежи и населения в целом. Как мы писали в начале статьи, преступность зависит от принятых в обществе социальных норм и правил, в Калмыкии же, как в национальном регионе, сильны факторы внутрисемейного, внутрикланового осуждения, порицания, а также воспитания молодежи в рамках традиционной культуры и религии, которые могут оказывать определенное влияние на совершение девиантных поступков. Согласимся с мнением А. А. Шакировой и Т. В. Крамина, что если в обществе есть эффективные и достаточно строгие нормы, правила поведения молодых людей, значит, поведение контролируется, а девиантное поведение, благодаря эффективным нормам, может снизиться. В то же время, согласно

теории социальной дезорганизации, слабый неформальный социальный контроль вызывает рост уровня преступности [Шакирова, Крамин 2019: 1205].

Источники и литература

- Алексеева 2022 — Алексеева Е. А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 135–146.
- Бабкин 2020 — Бабкин Р. А. Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 4. С. 116–121.
- Бадмаева 2022 — Бадмаева Н. В. Половозрастная структура и трудовые ресурсы региона (на примере Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 188–201. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-188-201
- Бытко 2016 — Бытко С. Ю. Безработица-локомотив преступности в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 41–45.
- Варданян 2010 — Варданян А. В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности, совершенных по корыстным мотивам // Юристъ-правоведь. 2010. № 3. С. 5–8.
- Волконская 2014 — Волконская Е. К. Современные тенденции рецидивной преступности // Вестник воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 63–68.
- Генеральная прокуратура — Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.07.2023).
- Гилинский 2019 — Гилинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1 (35). С. 6–13.
- Гунаев 2019 — Гунаев Е. А. Алкоголизация как социально-негативное явление и государственные и общественные меры в сфере здоровьесбережения населения (на примере Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии. 2019. № 2. С. 36–53.
- Гутрин 2022 — Гутрин В. Р. Особенности проблемных регионов в России // Контентус. 2022. № 4 (117). С. 18–27.
- Давыдов 2022 — Давыдов Н. М. Практика расследования преступлений

- в сельской местности // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации. 2022. С. 73–75.
- Комарова 2020 — *Комарова О. Ю.* О состоянии преступности в России: общие тенденции и закономерности // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. №. 2. С. 66–71.
- Краткая характеристика... 2010 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2010 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209732> (дата обращения: 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2015 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2015 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/7087734/> (дата обращения 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2016 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2016 года [электронный ресурс] // URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/755446> (дата обращения 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2018 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2018 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2019 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2020 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2021 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 25.07.2023).
- Краткая характеристика... 2022 — Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года [электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.07.2023).
- Максимов и др. 2017 — *Максимов С. А., Данильченко Я. В., Табака-*

- ев М. В., Мулерова Т. А., Индукаева Е. В., Артамонова Г. В. Половозрастные и социально-экономические особенности употребления алкоголя // *Здравоохранение РФ*. 2017. № 3. С. 148–155.
- Малыхина 2019 — *Малыхина Т. А.* Криминологические особенности преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях*. Сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2019. С. 53–56.
- Надбитов 2012 — *Надбитов А. С.* Тенденции преступности и организация мер по ее предупреждению в Республике Калмыкия за 2000–2010 гг. // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2012. № 2. С. 86–95.
- Оценка численности... — Оценка численности городского и сельского населения на 1 января 2018-2023 года. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/40833> (дата обращения: 26.07.2023).
- Преступность и правопорядок... 2003 — Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003. Основные показатели преступности [электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_64/Main.htm (дата обращения: 25.07.2023).
- Регионы России 2022 — Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2022. М.: Росстат, 2022. 853 с.
- Рейтинг регионов по закредитованности... 2023 — Рейтинг регионов по закредитованности населения – 2023. [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20230313/630238365.html> (дата обращения: 25.07.2023).
- Рейтинг регионов по материальному... 2022 — Рейтинг регионов РФ по материальному благополучию населения – 2022. [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20221010/630231251.html> (дата обращения: 25.07.2023).
- Рейтинг регионов по уровню... 2023 — Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей – 2023. [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20230529/630242444.html> (дата обращения: 25.07.2023).
- Рейтинг российских регионов по уровню безработицы... 2023 — Рейтинг российских регионов по уровню безработицы [электронный ресурс]

- // URL:<https://ria.ru/20230227/bezrobotitsa-1853624257.html> (дата обращения: 25.07.2023).
- Рейтинг регионов РФ по преступности 2022 — Рейтинг регионов РФ по преступности [электронный ресурс] // URL:https://ria.ru/20221031/geuting_prestupnost-1827922290.html (дата обращения: 26.07.2023).
- Репецкая 2018 — *Репецкая А. Л.* Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 151–156.
- Рощина 2012 — *Рощина Я. М.* Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Т. 2. С. 238–257.
- Сведения об объеме... 2018 — Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов Российской Федерации за 4 квартал 2018 года. Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками [электронный ресурс] // URL: <https://fsrar.gov.ru/files/4kv2018.pdf> (дата обращения: 26.07.2023).
- Сведения об объеме... 2023 — Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов Российской Федерации за 2 квартал 2023 года. Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками [электронный ресурс] // URL: https://fsrar.gov.ru/files/28618_%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B6%D0%B8%20%D0%B7%D0%B0%20%20%D0%BA%D0%B2.2023.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
- Сведения о состоянии... — Сведения о состоянии преступности в Республике Калмыкия (2018–2022 гг.). Министерство внутренних дел Республики Калмыкия. Исх. № 12/1394 от 31.05.2023.
- Ситуация на регистрируемом... — Ситуация на регистрируемом рынке труда в разрезе городов и районов Республики Калмыкия. [электронный ресурс] // URL: <http://minsoc.kalmregion.ru/deyatelnost/zanyatost-naseleniya/> (дата обращения: 26.07.2023).
- Сулейманова 2022 — *Сулейманова А. Ф.* Основные причины совершения преступлений в сельской местности на современном этапе развития общества // Академическая публицистика. 2021. № 4. С. 556–558.

- Федотов 2022 — *Федотов А. А.* Исследование преступности в России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 11 (145). С. 181–188.
- Шакирова, Крамин 2019 — *Шакирова А. А., Крамин Т. В.* Влияние преступности на экономическое развитие регионов России // Russian Journal of Economics and Law. 2019. № 2. С. 1202–1214.
- Шалагин, Идиятуллов 2021 — *Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д.* Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2 (44). С. 227–235. DOI: 10.37973/KUI.2021.95.12.016
- Шишкин 2020 — *Шишкин Р. В.* Анализ рецидивной преступности: причины, снижение, профилактика // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 37–42.
- Шуклина 2014 — *Шуклина Е. А.* Особенности преступности в сельской местности и ее предупреждения: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 27 с.
- Шурыгина 1996 — *Шурыгина И. И.* Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 169–175.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2023. № 2

Переводчик: *Б. О. Номинханова*

Верстка: *А. Н. Когданов*

Дата выхода 23.12.2023. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 10,38. Тираж 100 экз. Заказ 14-23.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000 Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Тел. +7(84722) 3-55-06

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8